SOVREMENNIK
143

СОВРЕМЕННИКЪ.

23

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1841.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXIII.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1841.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2149

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Двѣ Рѣчи КЪ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВУ ПРИНЦЕССѢ МАРІИ ГЕССЕНЪ-ДАРМШТАТСКОЙ, ВЫСОКО-НАРЕЧЕННОЙ НЕВѢСТѢ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, *произнесенныя придворнымъ Протоіереемъ* В. Бажановымъ. *Въ* 8; 12 *стран.*

Событіе, при которомъ произнесены Рѣчи, ихъ содержаніе. Особа, внимавшая имъ и высокая простота краснорѣчія — верхъ совершенства подобныхъ

сочиненій — заставляютъ насъ, вмѣсто всякаго разбора, привести ихъ здѣсь въ подлинникѣ: пусть читатели наши запечатлѣютъ, какъ и мы, въ своихъ сердцахъ эти священныя слова.

I. Передъ начатіемъ изъясненія ученія Православно-каѳолической Церкви.

ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Богъ управляетъ судьбами человѣческими, и Онъ назначаетъ каждому въ безпредѣльномъ царствѣ своемъ извѣстное мѣсто, извѣстный кругъ дѣйствованія: *Отъ Господа исправляются пути мужу*, говоритъ Св. Писаніе, *смертный же како уразумѣетъ пути своя?* (Притч. 20, 24). И потому мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что путь Вашъ къ намъ—отъ Господа, — что Онъ, Всемогущій и Всеблагій, избралъ ВАШЕ ВЫСОЧѢСТВО въ Спутницу жизни возлюбленному нашему ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ; Онъ даровалъ намъ Васъ, — и мы пріемлемъ Васъ во имя Его.

По Его святой волѣ, по Его всеблагому опредѣленію, оставили Вы родительскій домъ и отечество, и пришли къ намъ, чтобы жить и дѣйствовать для нашего блага и счастія. По Его же святой волѣ Вы должны вступить и въ Церковный союзъ съ нами, дабы совсѣмъ содѣлаться *нашею*.

Да не возмущаетъ это религіозныхъ Вашихъ убѣжденій и чувствованій! Церковь, къ которой мы, по благости Божіей, принадлежимъ, есть древнѣйшая Христіанская Церковь, которая непрерывно и неизмѣнно хранитъ и соблюдаетъ все то, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ ввѣрилъ ей къ освященію и облаженствованію человѣковъ, и что учредили въ ней Богодухновенные Его Апостолы, и которая во всѣхъ распоряженіяхъ своихъ дѣйствуетъ въ духѣ Божественнаго своего Основателя,—въ духѣ любви и кротости. Вы несомнѣнно убѣдитесь въ томъ, какъ скоро ознакомитесь съ Исторіею нашей Церкви, и получите надлежащее понятіе о существѣ ея. Но я хотѣлъ бы, для Вашего успокоенія, напередъ представить Вамъ вѣрное поручительство въ томъ. Я могу указать Вамъ въ семъ случаѣ на довольно уже знакомое Вамъ и ко всему доброму, благородному, прекрасному и святому расположенное сердце Великаго Князя, которое образовалось подъ постояннымъ вліяніемъ православнаго нашего Вѣроученія. Еще болѣе—я могу указать Вамъ на искреннюю и святую любовь, которая живетъ въ семъ Царственномъ благочестивомъ Семействѣ и всѣ Члены Его соединяетъ въ самый блаженнѣйшій союзъ въ мірѣ, на любовь, которою Вы уже вполнѣ наслаждаетесь. Я указываю на сію любовь потому, что Господь нашъ любовь поставляетъ самымъ вѣрнымъ признакомъ истинныхъ учениковъ и послѣдователей Своихъ: *О семъ разумѣютъ вси*, говоритъ Онъ, *яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.*

Гряди убо, благословенная Богомъ Марія, небоязненно и не смущаясь, гряди путемъ, указаннымъ Тебѣ Провидѣніемъ, и съ полною довѣренностію повергнись въ объятія вселюбящей Матери нашей, Св. Церкви, которая уже кроткимъ, матернимъ гласомъ призываетъ Тебя.

А Ты, Который обѣщалъ являть благодатное присутствіе Свое тамъ, гдѣ два или тріе будутъ собрани во имя Твое, будь присущъ и намъ Твоею благодатію и даруй намъ познать святую истину Твою и исполнить всеблагую Твою волю.

II. Наканунѣ Св. Мiропомазанія.

Ваше Высочество!

Настоящія минуты весьма важны для Васъ! — Святая, соборная и Апостольская Церковь уже приклоняетъ къ Вамъ слухъ свой, чтобы внимать торжественнымъ обѣтамъ Вашимъ; простираетъ къ Вамъ матернія свои объятія, чтобы навсегда заключить Васъ въ нихъ, и Господь призываетъ Васъ къ Божественной своей Вечери. Устраните Ваше вниманіе отъ всего земнаго и внѣшняго и устремите его въ Себя Самихъ; испытайте тщательно совѣсть Вашу предъ Богомъ и Его Евангеліемъ; изслѣдуйте предъ Нимъ всѣ поступки, всѣ мысли, всѣ чувства и намѣренія Ваши, и съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ,

и съ глубокимъ чувствомъ виновности исповѣдуйте Ему, Сердцевѣдцу, согрѣшенія Ваши, дабы искреннимъ, чистосердечнымъ покаяніемъ приготовить Себя къ достойному принятію Господа и благоговѣйному вступленію въ Св. Церковь Его.

Вы готовитесь приступить къ святому Мѵропомазанію. Чрезъ сіе Таинство сообщаются дары Св. Духа, возращающіе и укрѣпляющіе въ жизни духовной; но сія небесная Благодать низпосылается только вѣрующему, и по мѣрѣ его вѣры. — Вы готовитесь приступить къ святому Причащенію. Въ семъ Таинствѣ истинно вѣрующій и достойно пріуготовившій себя къ тому тѣснѣйшимъ союзомъ соединяется съ Самимъ Господомъ, и въ Немъ становится причастникомъ вѣчной жизни: *Ядый мою плоть*, говоритъ Господь, *и піяй Мою кровь, во мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ; и имать животъ вѣчный.* (Іоан. 6, 54. 56.) О, какая глубина Божественной любви и благости! Какая бездна милосердія и щедротъ! — Но при семъ не должно забывать того, что говоритъ Апостолъ: *Да искушаетъ человѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ; ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ.* (1 Кор. 11, 28.)

О сколь же несказанно важны должны быть настоящія минуты не только для Васъ, но и для многихъ другихъ! Ибо Провидѣнію угодно было указать Вашему Высочеству такое мѣсто, на ко-

торомъ открывается для Васъ возможность и предстоитъ священная обязанность содѣлать несказанно много добра для многихъ, но гдѣ равно могутъ открываться случаи и къ допущенію многаго зла. Настоящія минуты должны опредѣлить направленіе всей Вашей жизни и дѣятельности. Онѣ должны рѣшить, чего можно ожидать отъ Васъ на небѣ и на землѣ. Если духъ Вашъ въ сіи важнѣйшія минуты въ Вашей жизни занятъ высокими и благочестивыми мыслями и намѣреніями; если сердце Ваше исполнено глубокихъ и святыхъ чувствъ; если душа Ваша жаждетъ соединиться съ Господомъ, въ той непреложной мысли, чтобы всегда съ Нимъ, подъ Его водительствомъ, при Его всесильной помощи, проходить скользкій и опасный путь жизни, дабы чрезъ то достигнуть наконецъ того блаженнаго сознанія, съ которымъ Вы, по совершеніи земнаго поприща, подобно Апостолу, могли бы сказать: «Я подвигомъ добрымъ подвизалась, поприще совершила, вѣру сохранила; а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который воздастъ мнѣ въ оный день Господь, праведный Судія;«—если такія высокія и святыя мысли и чувствованія наполняютъ теперь душу Вашу: о, какая радость для небожителей, приникающихъ на святѣйшіе сердечные обѣты Ваши! И вмѣстѣ какія безчисленныя радости готовятся для всѣхъ сыновъ Отечества, коихъ сердца сливаются въ радостномъ чувствѣ надежды, любви и преданности къ Вамъ, и въ пламенныхъ моленіяхъ о Васъ ко

Господу!—Но если бы этого не было; если бы душа Ваша не сотрясалась отъ важности наступающихъ минутъ; если бы . . . . . О, нѣтъ! Господь да сохранитъ насъ! — Я содрогаюсь отъ той мысли, чтобы Ваше чистое, въ жилище добродѣтели, въ живый храмъ Св. Духа, въ избранное орудіе Божественной Благодати уготованное сердце, чтобы это сердце, которое, отражаясь въ кроткихъ, благостныхъ взорахъ Вашихъ, говоритъ намъ такъ много прекраснаго и радостнаго, — чтобы это сердце когда-либо возлюбило суету и прилѣпилось къ міру. Нѣтъ, Господь да сохранитъ насъ отъ сего!

Вамъ, какъ и каждому изъ насъ, открыты два пути: путь *пространный*, на который манитъ насъ міръ, и путь *тѣсный*, на который Господь призываетъ насъ. Первый исполненъ всякаго рода чувственныхъ наслажденій, шумныхъ веселостей и забавъ, и по виду очень привлекателенъ, и отъ того многіе идутъ по немъ. Но мудрый сквозь ослѣпляющіе его призраки смотритъ вдаль, видитъ, что этотъ путь ведетъ въ погибель,—и онъ съ ужасомъ бѣжитъ отъ него. Напротивъ, на другомъ—*тѣсномъ* пути, предстоятъ намъ труды, борьба, лишенія, самоотверженіе, скорби и напасти; но Христіанинъ во свѣтѣ Вѣры усматриваетъ на семъ пути, за сими устрашающими явленіями, непзреченныя, никогда нескончаемыя радости,—и съ несомнѣнною надеждою на обѣтованную ему свыше помощь, неболзненно вступаетъ на

путь сей и мужественно проходитъ его, воспѣвая пѣснь хвалы и благодарности Богу, всесильному Помощнику.

О, да слышится всегда въ сердцѣ Вашемъ увѣщательный гласъ возлюбленнаго ученика нашего Господа: *Чадца моя! не любите міра, ни яже въ мірѣ: міръ преходитъ, а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки.* (1 Іоан. 2, 1. 15. 17).

Я знаю, что Вамъ невозможно держать Себя въ удаленіи отъ міра. Ваше званіе поставляетъ Васъ въ ближайшее отношеніе къ нему, — но не для того, чтобы принадлежать ему и увлекаться его обычаями и правилами, а для того, чтобы Вамъ самостоятельно дѣйствовать на человѣческое общество, высокимъ примѣромъ Вашимъ господствовать надъ нимъ и направлять его ко всему благородному. Послѣдуйте и въ семъ отношеніи любвеобильному дѣйствованію нашего Господа. Онъ не чуждался обществъ: но Онъ входилъ въ нихъ для спасенія человѣковъ, — для того, чтобы *взыскать и спасти погибшее.*

Да услышитъ Господь искреннія моленія о Васъ Церкви и Отечества, и да содѣлаетъ Васъ избраннымъ орудіемъ Своей благости къ намъ, да во всѣхъ дѣлѣхъ Вашихъ святится и прославится пресвятое имя Отца и Сына и Св. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

*

2. Сказанія Русскаго народа, *собранныя* И. Сахаровымъ. Томъ первый. *Въ больш.* 8, *въ два столбца*; 600 *стран.*

См. XXII Т. Современ., 39 стран. *первой нумераціи.*

3. Описаніе Финляндской войны *на сухомъ пути и на морѣ, въ* 1808 *и* 1809 *годахъ, по Высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ* Михайловскимъ-Данилевскимъ. *Съ двадцатью планами и картами, Въ* 8; *III и* 524 *стран.*

4. Россійскій Родословный Сборникъ, *издаваемый* Княземъ Петромъ Долгоруковымъ. *Книжки* 1, 2, 3 *и* 4. *Въ* 8; 109, 140, 141 *и* 124 *стран.*

5. О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича. *Современное сочиненіе* Григорья Кошихина. *Въ* 4; XVI *и* 160 *стран.*

6. Достопамятныя могилы въ Московскомъ Высоко-Петровскомъ монастырѣ. *Сочиненіе* Ивана Зах. Крылова. *Въ* 8; 32 *стран.*

7. О значеніи имени Руссовъ и Славянъ. *Сочиненіе* Ѳедора Морошкина. *Въ* 8; 72 *и II стран.*

8. Посѣщеніе Сибири ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ. *Въ 8; 34 и V стран.*

9. Погребеніе Императора Наполеона. *Офиціальный отчетъ о перевезеніи его смертныхъ остатковъ съ острова св. Елены въ Парижъ, и описаніе погребальнаго хода, съ семью литографированными изображеніями. Изданіе* А. Прево. *Въ 8; 21 стран.*

Въ отдѣленіи книгъ, принадлежащихъ разряду исторіи, всѣхъ любопытнѣе здѣсь: О *Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича.* Сочиненіе писано современникомъ. Въ немъ множество любопытныхъ подробностей о тогдашней жизни Русскихъ, ихъ обыкновеніяхъ, о порядкѣ дѣлъ гражданскихъ и проч. Въ послѣднее время, по всеобщему стремленію къ разысканіямъ историческихъ событій въ подлинныхъ источникахъ, наша литература обогатилась пріобрѣтеніями, дѣйствительно драгоцѣнными. Остается только ученой критикѣ воспользоваться новыми сокровищами, чтобы наукѣ сообщить все ея достоинство. Такимъ образомъ началъ уже дѣйствовать авторъ книги: *Описаніе Финляндской войны на сухомъ пути и на морѣ въ* 1808 *и* 1809 *годахъ.* Его труды посвящены изображенію славнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи. Пользуясь всѣми матеріалами, онъ

ихъ обработываетъ съ любовію и примѣрнымъ усердіемъ.

10. Портретная и біографическая галлерея *словесности, художествъ и искуствъ въ Россіи. Три тетради. Въ* 4; 24, 15 *и* 20 *стран.*

См. XXII Т. Современника, 41 стран. *первой нумераціи.*

11. Біографія Россійскихъ Генералиссимусовъ и Генералъ-Фельдмаршаловъ, *составленныя* Бантышъ-Каменскимъ. *Съ* 48 *портретами. Три части. Въ* 8; *VI* — 314, 268 *и* 235 *стран.*

12. Біографія Генералъ-Адъютанта Бистрома, *составленная* Н. Лукьяновичемъ. *Въ* 8; 151 *и* 28 *стран.*

Словарь достопамятныхъ людей Русской земли (къ сожалѣнію, некопченный), *Дѣянія любимцевъ Петра Великаго*, *Исторія Малой Россіи* и нынѣшнія *Біографіи* заставляютъ произносить съ уваженіемъ имя ихъ сочинителя. Конечно въ его книгахъ многое требуетъ поправокъ, дополненія и другихъ измѣненій; но подобныя предпріятія никогда и не являлись нигдѣ съ окончательнымъ совершенствомъ въ первый разъ. Они по крайней мѣрѣ облегчатъ трудъ того,

кто захочетъ снова обработывать эти матеріалы. *Біографія Генералъ-Адъютанта Бистрома* принята съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ какимъ произносится безсмертное имя героя. Она написана съ одушевленіемъ и богата любопытнѣйшими подробностями.

13. Жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы. *Изъ книгъ Чети-Миней. Изданная* Авдотьею Глинкою. *Въ* 12; 190 *стран.*

Вотъ книга, которая должна быть настольною въ каждомъ семействѣ. Сочинительница совершила благочестивый трудъ свой какъ нельзя лучше. Она изобразила со всею простотою, ясностію и благоговѣніемъ всѣ обстоятельства, касающіяся до пребыванія на землѣ Пресвятой Богоматери.

*

14. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе. *Сочиненіе* монаха Іакинѳа.

15. Уральскій хребетъ *въ физико-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ; сочиненіе* Григорья Щуровскаго, *о. профессора въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Съ* 8 *картами и* 4 *чертежами. Въ* 8; 452 *стран.*

16. Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, *составленныя* И. Веніаминовымъ. *Издано иждивеніемъ Россійско-Американской компаніи. Двѣ части. Въ* 8: 364 *и* II.—409 *стран. и восемь таблицъ.*

17. Записки объ Атхинскихъ Алеутахъ и Колошахъ, И. Веніаминова, *составляющія третью часть Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла. Издано иждивеніемъ Россійско-Американской компаніи. Въ* 8; 134 *стран.*

Въ отдѣленіи Путешествій давно не являлось въ нашей Литературѣ столь занимательно ученыхъ и такъ хорошо обработанныхъ сочиненій, какъ приведенныя здѣсь книги. Важнѣйшее ихъ достоинство заключается въ новости разсматриваемыхъ предметовъ. Мы увѣрены, что эти книги найдутъ себѣ читателей не въ одной Россіи.

18. Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, *совершенное въ* 1820, 21. 22, 23 *и* 24 *г. Экспедиціею, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта* Фердинанда фонъ Врангеля. *Двѣ части;* VI—356 *и* 360 *стран.*

19. Прибавленія къ Путешествію по Сибири *и проч., содержащія въ себѣ: замѣчанія о Ледо-*

витомъ морѣ, полярныхъ льдахъ, сѣверныхъ сіяніяхъ, ѣздѣ на собакахъ, языкахъ туземцевъ, метеорологическія наблюденія и таблицы географическаго положенія мѣстъ, съ приложеніемъ 13 *литографированныхъ раскрашенныхъ рисунковъ сѣверныхъ сіяній и походныхъ принадлежностей. Изданныя иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. Въ* 8; 125 *стран.*

См. XVIII Т. Современника, 103 стран. *первой нумераціи.*

*

20. Краткій Отчетъ по Учебнымъ и Благотворительнымъ Заведѣніямъ, *состоящимъ подъ непосредственнымъ управленіемъ и Высочайшимъ покровительствомъ* ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ *за* 1839 *годъ.*

21. Правила, *которыми руководствуется Московскій Попечительный Комитетъ о* Тюрьмахъ. *Въ* 8; 73 *стран.*

*

22. Русская критика послѣдняго пятилѣтія — *какъ исполняютъ ее у насъ. Статья* А. П. Славина. *Въ* 12; 23 *стран.*

23. Мои бездѣлицы. *Двѣ части. Въ* 12; 192 *и* 220 *стран.*

24. Театръ во Франціи отъ XVI до XIX столѣтія. *Сочиненіе* Николая Яковлевскаго. *Въ* 8; 158 *стран.*

25. Опытъ алфавитнаго указателя къ Русскимъ періодическимъ изданіямъ, *составленный* Иваномъ Быстровымъ. *Часть историческая. Въ* 8; 117 *стран.*

Изъ всѣхъ источниковъ для исторіи Литературы, приведенныхъ здѣсь, замѣчательна особенно книга: *Театръ во Франціи.* Мнѣнія автора ея могутъ подать поводъ къ спорамъ; но они выведены имъ изъ собственнаго его изученія писателей — и потому уже полезны, какъ всякой плодъ размышленія.

*

26. На сонъ грядущій—*Отрывки изъ вседневной жизни. Соч.* Графа В. А. Соллогуба. *Въ* 8; 428 *стран.*

См. XXII Т. Современника, 29 стран. *первой нумераціи.*

27. *Жизнь и похожденія* Петра Степанова сына Столбикова, *помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVIII вѣка.* Часть первая. *Въ* 8; 184 *стран.*

Вотъ еще одинъ изъ томовъ *Собранія Сочиненій Г. Ѳ. Основьяненка.* Издатель любимаго публикою автора, г. Фишеръ, неослабно дѣйствуетъ въ прекрасномъ своемъ предпріятіи—доставить намъ за самую дешевую цѣну лучшія современныя новости Русской литературы. Эта первая часть Столбикова, заключающая въ себѣ тридцать пять главъ самыхъ живыхъ, веселыхъ, трогательныхъ, словомъ — интереснѣйшихъ разсказовъ, продается по 75 к. серебромъ: новость, о которой и не думали прежде. Мы опасаемся, что г. Фишеру не наготовить довольно изданій, если онъ останется неизмѣнно при подобномъ выборѣ сочинителей и нынѣшней своей цѣнѣ книгъ. Столбиковъ превосходитъ все, что мы читали до сихъ поръ изъ сочиненій Основьяненка. Вообразите себѣ лице добродушное, игрушку судьбы, лишившей ребенка родителей въ первомъ его дѣтствѣ; сироту, подъ вліяніемъ пронырливаго опекуна, который воспитываетъ его съ тѣмъ, чтобы онъ никогда не могъ обойтись безъ его власти; человѣка, не получившаго ни характера, ни особеннаго ума отъ природы, ни свѣдѣній отъ ученія: онъ въ службѣ, въ обществѣ, дома, въ процессѣ, въ сватовствѣ, вездѣ рабъ обстоятельствъ; чистосердечно высказываетъ глупости свои,

не подозрѣвая, что онъ уморительно смѣшонъ и жалокъ; въ то же время онъ со всѣмъ простодушіемъ даетъ ясное понятіе о людяхъ, посреди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ. Нѣтъ здѣсь ни высокопарности въ изложеніи, ни натяжекъ въ вымыслахъ. Разнообразіе изумительное, черты нравовъ самыя вѣрныя.

28. *Цынъ-Кіу-Тонгъ, или* ТРИ ДОБРЫЯ ДѢЛА ДУХА ТЬМЫ. *Фантастическій романъ въ четырехъ частяхъ* Р. Зотова. *Въ* 12; 408. 379, 333 *и* 141 *стран.*

29. *Византійскія легенды.* Іоаннъ Цимисхій. *Быль X-го вѣка. Въ* 12; 242 *и* 225 *стран.*

30. Смерть Ивана Сусанина. Быль. Соч. Н. С. Соколова. *Въ* 12; 71 *стран.*

31. Правосудіе Божіе. *Русскій народный разсказъ, изданный* Ильею Анцемъ. *Въ* 12; 16 *стран.*

32. Гусаръ, *или какихъ дивныхъ приключеній не бываетъ на свѣтѣ! Романъ въ трехъ частяхъ. Сочиненіе* Ѳ. Г. К...рина. *Въ* 12; 120, 122 *и* 137 *стран.*

33. Мечтатель. *Романъ* М. Воскресенскаго. *Четыре части. Въ* 12; 231, 256, 268 и 249 *стран.*

Въ новостяхъ повѣствовательнаго рода никогда не бываетъ недостатка ни въ одной литературѣ. Ихъ сбытъ удачнѣе всѣхъ книжныхъ предпріятій. И часто разсказъ чѣмъ болѣе лишенъ художническихъ достоинствъ, тѣмъ быстрѣе обходитъ кругъ своихъ читателей, которые находятъ въ немъ лекарство отъ скуки. Но литература, какъ изящное искусство, по справедливости пропускаетъ безъ вниманія всю эту толпу странствующихъ сказочниковъ.

*

34. Стихотворенія графини Е. Растопчиной. *Въ* 8; 190 *стран.*

35. Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границею дан л'этранже. *Въ* 8; 180 *стран.*

См. XXII Т. Современника, 6 и 18 стран. *первой нумераціи.*

36. Стихотворенія Ивана Языкова. *Въ* 4; 38 *стран.*

37. Віолетта или Фенины сказки. *Въ* 8; 113 *стран.*

38. Сказка о найденномъ алмазѣ. *Сочиненіе* Семена Дьячкова. *Въ* 12; 21 *стран.*

39. Баба Яга Костяная Нога. *Русская народная сказка, въ стихахъ. Въ осьми главахъ. Въ* 12; 82 *стран.*

Не удивляемся, что на означенныхъ здѣсь стихотвореніяхъ нельзя остановиться съ особеннымъ вниманіемъ или удовольствіемъ: для нынѣшняго году (котораго идетъ еще первая половина) и того довольно, что мы получили Стихотворенія графини Растопчиной, которыхъ чтеніе облекаетъ жизнь поэзіею; что мы познакомились съ госпожею Курдюковой, которая къ сожалѣнію опоздала, а была рождена стоять подъ вѣнцомъ съ Митрофаномъ Простаковымъ.

⁂

40. Любовь и честь, *драма въ пяти дѣйствіяхъ,* Ивельева. *Въ* 8; 199 *стран.*

Авторъ увлекся мыслію совершенно новою: вмѣсто обыкновенныхъ пружинъ, которыми движутся драматическія лица, вмѣсто страстей огненныхъ или запутанной интриги, онъ употребилъ магнетическое стремленіе. Есть ли истина въ его соображеніи? Конечно трудно это опровергнуть; потому что существованіе силы животнаго магнетизма не подвержено сомнѣнію. Но въ искуствѣ, которое должно быть основано на ощущеніяхъ ясныхъ и всѣмъ понятныхъ,

едва ли можно употребить съ успѣхомъ побужденія темныя и безотчетныя. Впрочемъ всякое покушеніе разширить кругъ искуства замѣчательно и не должно быть пренебрегаемо, особенно если въ немъ выражается полное сознаніе автора. Мы желали бы только въ этой драмѣ видѣть болѣе простоты дѣйствія и болѣе естественнаго движенія сценъ.

41. Интересныя продѣлки, *или Невѣста двухъ женяховъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе* Г. Г. *Въ* 8; 141 *стран.*

42. День паденія водевилиста-аферыста *или зачѣмъ пойдешь, то и найдешь. Комедія-водевиль въ двухъ картинахъ. Сочиненіе* Фонъ-деръ-Беренко. *Въ* 12; 92 *стран.*

43. Леонора *или Мщеніе Италіанки, драматическое представленіе въ трехъ актахъ, раздѣленное на шесть картинъ, сочиненіе* Павла Ильина. *Въ* 8; 79 *стран.*

44. Санктпетербургская мелочная лавка. *Картина изъ народнаго быта, въ одномъ дѣйствіи съ куплетами. Въ* 16; 67 *стран.*

Всѣ эти пьесы, за исключеніемъ послѣдней, ни забавны, ни трогательны. Вмѣсто того, чтобы являться отдѣльно, имъ было бы выгоднѣе попасть въ ка-

кой нибудь драматической сборникъ: тамъ, въ многолюдствѣ, ихъ бы не замѣтили. *Санктпетербургская мелочная лавка* (куда не забредетъ безпокойное воображеніе автора!) не лишена комизму и остроты.

*

45. Бесѣды о пользѣ и необходимости Астрономіи. *Сочиненіе* С. И. Зеленаго. *Въ* 12; 149 *стран.*

46. Сказки и Повѣсти для дѣтей *Дѣдушки Иринея, собранныя* княземъ В. Одоевскимъ. *Въ* 16; 169 *стран.*

47. Магазинъ дѣтскаго чтенія *для развитія понятій и образованія сердца и ума. Науки, искусства, путешествія, разсказы, рукодѣлія и забавы для дѣтей. Въ пяти частяхъ. Въ* 12; *IV*—319—161, 167—329, 295—203, 231 *и* 350 *стран.*

48. Разговоры съ дѣтьми о Естественной Исторіи. *Въ* 12; 156 *стран.*

Книги для дѣтскаго чтенія рѣдко удавались у насъ такъ, чтобы онѣ навсегда остались пособіемъ при воспитаніи. До сихъ поръ, изъ новѣйшихъ произведеній, за лучшія признаны всѣми только сочиненія Г-жи Зонтагъ и дѣвицы Ишимовой.

Теперь разсматриваемыя нами изданія, хотя не могутъ быть названы во всѣхъ отношеніяхъ совершенными, но онѣ значительно превосходятъ то, что къ удивленію безпрестанно печатается для дѣтей. Въ ихъ содержаніи есть положительная занимательность, а въ способѣ изложенія чувствуется это знаніе вкуса и потребностей возраста, безъ чего самъ сочинитель превращается то въ болтливаго ребенка, то въ сухаго педанта.

49. Повѣствованія и разсказы изъ Русской Исторіи для дѣтей. *Издалъ* С. С. Глинка. *Въ* 16; 33 *стран.*

50. Молоденькія героини разныхъ не Русскихъ романовъ *съ своими миленькими именами и личиками. Двадцать четыре портрета, литографированные съ Парижскаго подлинника.*

51. Азбука нравственности для прекраснаго пола. *Изображенія добродѣтелей и слабостей въ* 24 *дамскихъ портретахъ, расположенныхъ по порядку буквъ Французской азбуки. Литографировано и иллюминовано съ лучшаго Парижскаго оригинала.*

52. Увеселеніе не безъ пользы для добрыхъ дѣтей. 24 *картинки, изображающія четыре части свѣта, четыре стихіи, четыре времени года*

и 12 *мѣсяцевъ, на Француз. и Рус. языкахъ. Литографировано и иллюминовано съ лучшаго Француз. оригинала.*

53. Райская птичка. *Мечтаніе. Въ* 64; 117 *стран.*

54. Красное яичко. *Съ* 7 *виньетками. Въ* 64; 61 *стран.*

55. Подарокъ на Пасху. *Въ* 64; 68 *стран.*

56. Отблески Петербурга въ миніатюрѣ. *Съ* 14 *литографированными картиночками. Въ* 32; 99 *стран.*

Первая изъ этихъ книжекъ могла бы истинную принести пользу дѣтямъ, если бы издатель позаботился напечатать ее исправнѣе. Прочія изумляютъ затѣйливыми заглавіями, безвкусіемъ исполненія или пустотою содержанія

*

57. *Опытъ руководства къ преподаванію и изученію* Русской Грамматики для Русскихъ. В. Половцова. *Въ* 12; 223 *стран.*

58. *Краткое изложеніе нѣкоторыхъ полезныхъ свѣдѣній* О ЗЕМНОМЪ ШАРѢ И НЕБЕСНЫХЪ СВѢТИЛАХЪ, *и нѣчто изъ* МЕТЕОРОЛОГІИ И ХРОНОЛОГІИ. *Для неупражняющихся науками — вопросами и отвѣтами. Въ* 12; 23 *стран.*

59. ГОРОГРАФЪ. *Линѣйка, посредствомъ которой можно начертить солнечные часы на всякой плоскости, и проч. Въ* 8; 16 *стран. съ чертежомъ.*

60. СИСТЕМА И СОДЕРЖАНІЕ ФИЛОСОФСКАГО ЯЗЫКОУЧЕНІЯ, *съ приложеніемъ къ языку Русскому.* Константина Зеленецкаго. *Въ* 8; 56 *стран.*

61. *Синхронистическія таблицы* ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ, *служащія къ хронологическому атласу* А. Язвинскаго. *Въ* 8; 60 *стран.*

62. *Книга для* ПРАКТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЙ ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ СЪ РУС. ЯЗ. НА ФР. И НѢМ. *Для среднихъ и высшихъ классовъ. Издалъ* Ѳ. Куртеперъ. *Въ* 8; 176 *стран.*

63. *Новая практическая* НѢМЕЦКАЯ ГРАММАТИКА, *съ присовокупленіемъ реторическихъ правилъ, и проч., составленная* Н. Шмидтомъ. *Въ* 8; 195 *стран.*

64. Таблица складовъ *для употребленія въ дѣтскихъ пріютахъ. На одномъ листѣ.*

65. Россійская азбука *для обученія юношества съ присовокупленіемъ новаго способа ученія. Въ* 12; 59 *стран.*

66. Красная азбука. *Въ* 32.

Учебныя книги у насъ составляются лучше, нежели книги для дѣтскаго чтенія. Мы здѣсь исчислили все, напечатанное по этой части въ первые мѣсяцы года. Кромѣ второй книжки и послѣднихъ двухъ (самыхъ ничтожныхъ спекуляцій книгопродавцевъ), прочія очень удовлетворительны, каждая для своей цѣли.

⁂

67. Рѣчь, *произнесенная въ Смоленскомъ губернскомъ собраніи дворянства почетнымъ попечителемъ Смоленской губернской гимназіи и состоящаго при ней благороднаго пансіона,* П. П. Рачинскимъ, *о необходимости построить новое зданіе для гимназіи съ помѣщеніемъ благороднаго пансіона. Въ* 8; 14 *стран.*

68. Рѣчи и разговоры. *Учителя Московскаго почтамскаго училища* Ник. Маргаритова. *Говоренныя*

при публичныхъ испытаніяхъ въ ономъ училищѣ. Въ 8; 44 *стран.*

69. *Начертаніе* Словянской миѳологіи, *составленное, для полученія степени доктора философіи,* Михаиломъ Касторскимъ, *адъюнктомъ Императорскаго Санктпетербурскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи, Словянскихъ древностей и Сл. литературы. Въ* 8; 182 *стран.*

70. *Историческое изслѣдованіе* началъ неутралитета относительно морской торговли. *Разсужденіе адъюнктъ-профессора* В. Лешкова *для полученія степени доктора правъ. Въ* 8; 152 *стран.*

71. О соединеніяхъ бензоила *и объ открытыхъ новыхъ тѣлахъ, относящихся къ Бензоиловому роду. Разсужденіе* Н. Зинина, *написанное для полученія степени доктора естественныхъ наукъ. Въ* 8; 39 *стран.*

72. *Исповѣдь, или* собраніе разсужденій *доктора* Ястребцова *Въ* 8; 280 *стран.*

73. *Рѣчь о* современномъ направленіи отечественной литературы, *произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго С. Петербургскаго университета Апрѣля* 3 *дня* 1841

года экстраординарнымъ профессоромъ докторомъ правъ А. Никитенко. *Въ* 8; 20 *стран.*

74. Слова и Рѣчи, *произнесенныя на торжественномъ актѣ Императорскаго Санктпетербургскаго университета* 25 *Марта* 1840 *года. Въ* 8; 143 *стран.*

75. Чтенія *на торжественномъ актѣ Императорскаго С. петербургскаго университета* 3 *Апрѣля* 1841 *года. Въ* 8; 80 *стран.*

Чтеніе различнаго рода диссертацій въ Университетскихъ публичныхъ собраніяхъ мы признаемъ столь же полезными, какъ и отчеты, обнародываемые административными мѣстами. Тѣ и другіе представляютъ достовѣрные матеріалы для исторіи гражданственности и образованія страны. Но первые еще любопытнѣе для наблюденій; потому что они содержатъ изслѣдованія о разныхъ отрасляхъ наукъ, современныя въ нихъ открытія и часто краснорѣчивыя указанія на потребности воспитывающагося юношества. Эта часть литературы нашей, т. е. академическое краснорѣчіе, въ нынѣшнее время, находится въ цвѣтущемъ состояніи. Никогда прежде не являлось въ такомъ количествѣ и съ такимъ успѣхомъ обработанныхъ диссертацій, какъ въ наше время. Мы этимъ одолжены неусыпнымъ и благотворнымъ попеченіямъ Министерства Народнаго Просвѣ-

щенія о поддержаніи всѣхъ нашихъ Университетовъ на той высокой степени процвѣтанія, на которую они возведены щедротами и благоволеніемъ къ ученому сословію всемилостивѣйшаго нашего Государя.

*

76. Памятникъ Искуствъ. *Восемь книжекъ. Въ* 8; *съ* 30-*ю гравюрами.*

Привилегированная типографія Е. Фишера издаетъ отдѣльными книжками гравюры любопытнѣйшихъ вещей, гдѣ бы онѣ ни являлись въ наше время. При картинкахъ помѣщаются подробныя ихъ описанія съ объясненіями, какъ дѣлаются самыя вещи. Мы думаемъ, что для всѣхъ, принимающихъ участіе въ успѣхахъ искуствъ, а въ особенности для жителей не-столичныхъ, это изданіе есть полезнѣйшее предпріятіе. Гравюры производятся лучшими художниками и столь мастерски оканчиваются, что у насъ въ этомъ родѣ ничего не было даже подобнаго, особенно въ такомъ большомъ количествѣ. Но важнѣйшая услуга типографіи передъ публикою состоитъ въ томъ, что эти драгоцѣнныя по отдѣлкѣ коллекціи гравюръ съ описаніями продаются (какъ и всѣ книги, издаваемыя конторою сей типографіи) по самой дешевой цѣнѣ.

77. Картинная Галлерея, *или систематическое собраніе рисунковъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній. Изящное литографированное изданіе, иждивеніемъ* А. Плюшара. *Три части. Въ* 4.

Что «Памятникъ Искуствъ» для *современнаго*, то «Картинная Галлерея» для *прошедшаго*. Она въ системѣ предлагаетъ литографіею предметы естествознанія, народовѣдѣнія, архитектуры, миѳологіи и Вѣры.

78. Таблицы для перспективы. *Въ* 4; 16 *стран.*

Хорошее пособіе для занимающихся этою частію искуства.

*

79. Основанія уголовнаго судопроизводства, *съ примѣненіемъ къ Россійскому уголовному судопроизводству. Сочиненіе ординарнаго профессора Уголовныхъ и Полицейскихъ законовъ въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ, доктора правъ,* Я. Баршева. *Въ* 8; 297—*IV стран.*

80. Энциклопедія законовѣдѣнія. *Сочиненіе доктора правъ и ординарнаго профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и учрежденій Россійской*

Имперіи въ Университетъ св. Владиміра К. Неволина. *Двѣ части. Въ* 8; *VIII*—623 *и VIII*—646. *стран.*

Литература Законовѣдѣнія у насъ обработана менѣе прочихъ отдѣленій. Каждую новую книгу по этой части мы должны принимать съ благодарностію. Что теперь издали два профессора, это служитъ не только простымъ прибавленіемъ къ скудному числу юридическихъ сочиненій, но и ставитъ самую науку на основаніе прочное. Они изучили лучшіе по своей части источники, примѣнили ихъ къ потребностямъ своего назначенія и представили сочиненія образцовыя. Академія Наукъ не упустила вознаградить трудъ г. Неволина, присудивъ ему Демидовскую премію.

*

81. Опытъ медицинской полемики, *или отчетъ прагматическаго сочиненія: о Ганеманнѣ и гомеопатіи, изопатіи и объ изопатическихъ лекарствахъ.* Семена Вольскаго. *Въ* 8; 44 *стран.*

Полемика тѣшилась до сихъ поръ тупымъ копьемъ надъ фразами изящной литературы. Библіотека для чтенія предложила ей ученое единоборство, гдѣ споръ идетъ о лекарствахъ, о гомеопатіи, изопатіи

и проч. С. Ѳ. Вольскій уже нанесъ свой ударъ разсматриваемою нами брошюрою. — Любители ученыхъ прѣній нетерпѣливо ждутъ равноспльнаго отвѣта.

81. Космосоматика, *или объ искуствѣ производить, усовершенствовать, поддерживать красоту тѣла и истреблять недостатки ея. Врачебныя наставленія неврачамъ, изданныя* А. Дрейеромъ. *Въ* 8; 25 *стран.*

82. Гемостатинъ, *или цѣлительная, кровь останавливающая, жидкость. Издалъ* А. Нелюбинъ. *Въ* 4; 74 *стран.*

83. Нѣчто о Гимнастикѣ. *Въ* 8; 12 *стран.*

84. *Полное наставленіе,* как ъ должно ходить за больными. *Сочиненіе* Ѳ. Зауера. *Часть I. Въ* 8; *X*—252 *стран.*

85. *Правила для производства* судебно-медицинскихъ изслѣдованій *надъ мертвыми тѣлами и особенная инструкція врачамъ. Въ* 8; *XII*—597 *стран.*

86. Оперативная хирургія, *или Описаніе и анатомико-патологическое объясненіе производства операцій, представленныхъ на XXXII табли-*

цахъ, изображающихъ 418 *фигуръ. Сочиненіе* И. Рклицкаго. *Въ* 8; *VIII*—260 *стран.*

Особенное вниманіе должны обратить на себя три послѣднія сочиненія. Ихъ достоинство состоитъ въ полномъ, отчетливомъ и ясномъ изложеніи такихъ частей науки, которыя повсемѣстное и ежедневное могутъ имѣть примѣненіе.

*

88. Расчисленіе *серебра, по* 3 *р.* 50 *к. на ассигнаціи, и сихъ послѣднихъ на серебро, до* 101 *милліона, составленная* К. Цисевскимъ. *Въ* 32; 23 *стран.*

Здѣсь вся точность въ цыфрахъ: отъ того и недостало ее на слова въ заглавіи.

*

89. Атласъ музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. *Томъ I. Тетради* 1 *и* 2. *Въ* 8; 22 *стран., съ рисунками и чертежами.*

«Атласъ этотъ будетъ заключать въ себѣ подроб«ные рисунки различныхъ орудій и машинъ, находя-

«щихся какъ въ музеумѣ Общества, такъ и взятыхъ «изъ лучшихъ сочиненій, съ строгимъ выборомъ. Къ «каждому рисунку будетъ прилагаемо возможно пол«ное описаніе изображеннаго орудія или машины и «приблизительная ихъ оцѣнка.» Вотъ между прочимъ что сказано въ предисловіи къ сему изданію. Для успѣховъ по хозяйственной части это сокровище, въ которомъ давно чувствуема была нужда. Атласъ выходитъ тетрадями, изъ коихъ за каждую платится только 15 к. сер. Иногородные выписывать его могутъ, не прибавляя ничего за пересылку. Всѣхъ тетрадей выйдетъ 10.

Другія сочиненія по хозяйственной части суть слѣдующія:

90. *Наблюденія и опыты по части* усовершенствованія разныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ Россіи. Барона Ѳ. Унгернъ-Штернберга. *Въ 8; IV—324 стран., съ VI таблицами.*

91. О помолѣ пшеничной муки въ Россіи, *устройствѣ крупчатыхъ мельницъ и нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ оныхъ. Въ 8; 85 стран., съ рисунками.*

92. КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВЫГОДЪ ЛѢСОВОДСТВА, *составленное* С. О. Бержинскимъ. *Въ* 12; 144—*VI стран., съ рисункомъ.*

93. НОВОЕ ОЧИСТИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ПРИ САХАРНОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ. *Въ* 8; 13 *стран.*

94. ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНІИ. С. А. Маслова (*изъ Земледѣльческаго журнала*). *Въ* 8; 105 *стран.*

95. ЗАМѢЧАНІЯ *на статью: О плодопеременномъ полеводствѣ, заведенномъ въ имѣніяхъ графини Юліи Станиславовны Бобринской, Тульской губерніи въ Богородицкомъ уѣздѣ. Въ* 8; 16 *стран.*

96. *Новѣйшій опытный* ПОВАРЪ, ПОГРЕБЩИКЪ, КАНДИТЕРЪ И УКСУСНИКЪ, *и проч. Въ* 12; 96 *стран.*

*

97. ЧАРОДѢЙ XIX СТОЛѢТІЯ, *или собраніе любопытныхъ физическихъ и химическихъ опытовъ, служащихъ для пріятнаго препровожденія времени. Съ чертежами. Въ* 12; 86 *стран.*

*

98. Русскія народныя сказки. *Томъ первый. Собраніе* И. Сахарова. *Въ* 12; *CXIX*—273 *стран.*

Въ изданномъ теперь томѣ напечатано: 1) Предисловіе, 2) О Русскихъ народныхъ сказкахъ, 3) Добрыня Никитичь, 4) Василій Буслаевичь, 5) Илья Муромецъ, 6) Акундинъ, 7) О Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ, 8) О семи Семіонахъ, 9) Сравненія сказокъ и 10) Примѣчанія.

Это изданіе приноситъ существенную пользу литературѣ. Оно свѣрено со многими рукописями и напечатанными сказками, дополнено примѣчаніями и критическимъ вступленіемъ. Нижеслѣдующія же изданія книгъ для простонароднаго чтенія лишены всякаго достоинства.

99. Пѣсни народныя, *собранныя изъ устъ простаго народа. Изданы* М. Сухановымъ. *Книжка I. Въ* 16; 111 *стран.*

100. Русскій ратникъ подъ Краснымъ. *Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Въ* 12; 24 *стран.*

101. Военный букварь, *или собраніе изображеній воиновъ, въ разныхъ видахъ и разныхъ положеніяхъ во время ихъ жизни.*

102. Панорама Санктпетербурга, *или собраніе видовъ нѣкоторыхъ лучшихъ мѣстъ и зданій сѣверной столицы Россіи. 18 эстамповъ съ описаніемъ и съ присовокупленіемъ краткаго очерка исторіи сего города. Въ* 16; 40 *стран.*

103. *Извѣстное, да не всякому,* средство неразориться чрезъ потребленіе, а обогащаться чрезъ разведеніе табаку *въ Россіи, соперничая съ Америкою, не смотря на различіе климатовъ. Издалъ* Ал. Сч — — въ. *Въ* 32; 23 *стран.*

104. Малолѣтокъ, *кормилецъ престарѣлаго обнищавшаго отца своего, или чистое родительское благословеніе. Сочиненіе* А. Орлова. *Въ* 12; 21 *стран.*

105. Полный Россійскій пѣсенникъ, *содержащій въ себѣ древнія и новѣйшія пѣсни. Въ трехъ частяхъ. Собранный* В. Кириловымъ. *Въ* 12; 67, 68 *и* 70 *стран.*

II.

Вновь вышедшіе томы книгъ, о которыхъ было говорено при появленіи первыхъ частей ихъ.

106. Исторія императора Наполеона. *Изданіе* В. Семененко-Крамаревскаго. Тетради 6 — 11. *Въ* 8; 96 *стран.*

*

107. Пара новыхъ Русскихъ росказней, Ивана Ваненко. 1. *О солдатѣ Яшкѣ красной рубашкѣ синія ластовицы*; 2. *О молодомъ Ильѣ женатомъ да о лысомъ Мартынѣ тороватомъ. Въ* 12; 115 *стран.*

*

108. Труды Императорской Россійской Академіи. Часть III. *Въ* 8; 232 *стран.*

109. Энциклопедическій лексиконъ. Томъ XVI. Два—Діон. *Въ* 8; *XIV*—400 *стран.*

*

110. Учебное руководство къ архитектурѣ *для преподаванія въ Горномъ Институтѣ, и проч.* Часть вторая.

111. Географія Россійской имперіи. *Составилъ* Н. И. Соколовскій (Часть III *полнаго его курса Географіи*). *Въ* 8; 289 *стран.*

112. Живописный міръ, *или взглядъ на природу, науки, искуства и человѣка. Составленъ по Нѣмецкому образцу Гайлера* Ѳедоромъ Кони. Часть II. *Въ* 8; 491 *стран.*

113. Латинско-Русскій Словарь *для употребленіе юношества, обучающагося Латинскому языку. Составилъ* И. Эйнерлингъ. Dictionarium Latino-Rossicum. Томъ II. *Въ* 12; 376 *стран.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

1. Время. *Изъ бдѣній блаженнаго* Августина. *Перевелъ съ подлинника и посвящаетъ душамъ, радѣющимъ о своемъ спасеніи*, Князь Н. Голицынъ. *Въ* 8; 18 *стран.*

По выбору предмета изъ автора, столь уважаемаго во всѣхъ земляхъ, и по совершенству перевода эта книжка должна обратить на себя всеобщее вниманіе.

*

2. Описаніе сраженій Англійскаго флота *съ* 1690 *по* 1827. *Съ критическимъ разборомъ и чертежами. Составлено* К. Экинсомъ; *контръ-адмираломъ королевскаго Британскаго флота. Переводъ* съ Англійскаго. *Три части. Въ* 4; *XI*—232, *V*—161 *и VI*—73 *стран.*

Вотъ и еще переводъ, надъ которымъ не потерянъ трудъ. Какъ занимательны, какъ ясны и какъ поучительны здѣсь всѣ разсказы. Люди, посвящающіе себя морской службѣ, конечно еще въ подлинникѣ познакомились съ этою книгою; но онъ не можетъ на Русскомъ языкѣ миновать рукъ и другихъ любителей чтенія полезнаго и пріятнаго.

3. Славнѣйшіе флотоводцы. *Переводъ* съ Франц. *изданія въ* 1817 *г. Четыре тома. Въ* 16; *XII*—126—135—153, 131—160—111, 119—167—150 *и* 126—127—101—167 *стран.*

Какъ будто дополненіе къ предыдущей книгѣ явились эти біографіи. Онѣ вводятъ въ любопытныя подробности жизни моряковъ. Здѣсь изображены замѣчательнѣйшія лица (числомъ 13), въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій прославившіяся на морѣ.

*

4. Всеобщая Географія. *Соч.* Г. Ф. Бланка. *Переводъ* съ Нѣмецкаго, *съ четвертаго изданія. Три книги въ девяти выпускахъ.* Выпускъ I. *Въ* 8; 182 *стран.*

Если переводчикъ кончитъ свое предпріятіе, то окажетъ истинную услугу обучающемуся юношеству; потому что немного книгъ такъ хорошо обнимаютъ свой предметъ, какъ имъ избранная Географія.

*

5. Мозаисты. *Соч.* Ж. Занда. *Перевелъ* М. Р. *Въ* 12; 224 *стран.*

6. Господинъ Трупо и его дочь. *Соч.* Польде-Кока. *Переводъ* съ Француз. *Четыре части. Въ* 12; 77, 105, 101 *и* 140 *стран.*

7. Шуаны или Бретань въ 1799 году. *Повѣсть* Бальзака. *Переводъ* съ Франц. *Двѣ части. Въ* 12; 157 *и* 215 *стран.*

8. Путеводитель въ пустынѣ, или Озероморе. *Романъ* Д. Ф Купера. *Перев.* съ Англійскаго. *Двѣ части. Въ* 8; 223 *и* 224 *стран.*

Ни противъ одного изъ этихъ переводовъ ничего сказать нельзя. Имена авторовъ составляютъ современныя намъ знаменитости. Переводчики свое дѣло исполнили хорошо. Но какая разница между романтизмомъ Французской литературы и Англійской! Первые только и ловятъ его на поверхности предметовъ, а другіе черпаютъ красоты его изъ глубины души.

*

9. КЛАВИГО. *Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе* Гёте. *Переводъ* А. Струговщикова. *Въ* 8; 60 *стран.*

10. БУРЯ. *Драма* Шекспира. Съ Англійскаго Н. Сатинъ. *Въ* 12; 194 — *XII стран.*

Рѣдко случается встрѣтить, какъ здѣсь, чтобы переводчики, избравъ произведенія столь знаменитыхъ авторовъ, выполнили такъ счастливо соперничество съ ними. Подобные труды утѣшительны и славны. Нельзя не порадоваться, что искуство привлекаетъ къ себѣ молодыхъ поклонниковъ высокостью своею, а не корыстію.

11. ФРИТІОФЪ, *Скандинавскій богатырь. Поэма* Тегнѣра *въ Русскомъ переводѣ* Я. Грота. *Въ* 8; 60—207 *стран.*

См. Т. XXII Современника, 26 стран., *первой нумерации*. Наконецъ и здѣсь въ С. Петербургѣ для продажи получены экземпляры перевода этой Шведской поэмы, доставившей автору знаменитость во всей Европѣ. Гельсингфорскіе критики, сравнивавшіе переводъ съ подлинникомъ изъ стиха въ стихъ, восхищены вѣрностію смысла и особенно соблюденіемъ поэтическихъ красотъ оригинала въ Русскихъ стихахъ. Трудностей предстояло множество. Содержаніе поэмы, ея краски, миѳологія, самый языкъ подлинника—все это въ первый разъ должно было подчиниться Русскимъ музыкальнымъ звукамъ. Переводчикъ такъ сблизился съ героемъ поэмы, что, говоря о немъ, самъ становится Тегнѣромъ. Для доказательства этаго замѣчанія и желая дать понятіе вообще о прелести стиховъ Грота, мы выписываемъ, изъ его послѣдняго письма къ А. О. И—вой, обращеніе его къ герою при отправленіи къ ней перевода еще въ рукописи:

«А ты, мой витязь, мой герой.
Возобнови свои походы
И, презирая непогоды,
Иди на Русь! Иди стезей,
Которой нѣкогда Варяги,
Твои собраты-земляки,
Безпечно сѣвъ на челноки,
Стремились полные отваги.
Красивъ и юнъ, могучь и смѣлъ,
Чрезъ много царствъ ужъ ты промчался,

И всюду славою вѣнчался,
И всюду нравиться умѣлъ.
Но занятъ дальними странами,
Ты ближнимъ краемъ пренебрегъ,
И Русскій Сѣверъ нашъ не влекъ
Тебя родимыми снѣгами.
Иди жъ къ намъ нынѣ! Самъ кипя
Въ груди широкой, духъ Славянской
Твоею удалью Норманской
Плѣнится и пойметъ тебя.
Но не за славой, не за данью
Ты, мой Норманъ, спѣши на Русь,
Да за тебя не устыжусь!
Ужъ нѣтъ ихъ — дней, кипѣвшихъ бранью;
Не тотъ ужъ вѣкъ и на Руси —
И ты не мечь, облитый кровью,
Но образъ Бальдера съ любовью,
И арфу Брага къ намъ неси!
И невредимъ чрезъ наши долы
Пойдешь ты съ пѣснями въ устахъ —
И жаръ возвышенный въ сердцахъ
Да пробудятъ твои символы!
Когда же съ клпками войны
Вдругъ на тебя свои удары
Направитъ нѣкій витязь ярый
(Остатокъ дикой старины),
Понять тѣ знаки неспособный:
Съ улыбкой выставь ты: свой щитъ;
Но будь спокоенъ какъ гранитъ,
Невозмутимъ какъ крестъ надгробный!
И вѣрь: пройдетъ борьбы пора;

Намигъ лишь царство лжи и брани;
Ударитъ часъ—и твердо въ длани
Возьметъ державу богъ Добра.
Возстанетъ онъ въ сіяньи новомъ,
И струны Брага запоютъ,
И Свѣтъ и Музыка прольютъ
Свои лучи надъ Русскимъ Словомъ.»

12. Овидіевыхъ Превращеній *книга первая. Вольный переводъ въ стихахъ.* С. Дымцева. *Въ* 12; 41 *стран.*

Въ нынѣшнее время странно видѣть подлѣ слова «переводъ» эпитетъ «вольный». Не значитъ ли это *невѣрный*? Зачѣмъ же и показывать его публикѣ?

*

13. Недѣля маленькой Маргариты. *Переводъ* съ Французскаго. *Въ* 12; 235 *стран.*

14. Памятныя Записки куклы. *Повѣсти для маленькихъ дѣвушекъ, взятыя* съ Французскаго Б. К. Е. Сомогоровымъ. *Въ* 12; *IV* — 157 *стран.*

Хорошо примѣнены къ дѣтскимъ понятіямъ и занимательно разсказаны, особенно вторая.

15. Чудесныя силы холодной воды *при леченіи трудныхъ болѣзней. Общепонятное наставленіе къ употребленію этаго простаго и благодѣтельнаго средства. По теоріи и опыту составленное* Д. А. Мюллеромъ. *Перевелъ* съ Нѣмецкаго А. С...въ. *Въ* 12; 136 *стран.*

Книга переведена очень исправно, а сочинена съ большою ясностію и знаніемъ дѣла.

*

16. Асфальтовый цементъ, *или Полное руководство къ приготовленію и употребленію асфальта и проч. Переводъ* съ Нѣмецкаго. *Въ* 16; 46 *стран.*

17. *Лѣсная* математика *съ изложеніемъ правилъ межеванія, таксаціи и вычисленія цѣнностей лѣсовъ, и проч. Соч.* Кенига. *Переведено* съ Нѣмецкаго, *по порученію Высочайше утвержденнаго Общества для поощренія лѣснаго хозяйства,* Грешишевымъ. *Въ* 8; *XV*—687—80 *стран. Съ таблицами.*

18. Руководство къ муштученію лошадей. *Соч.* Максима Вейротера. *Переводъ со* 2-го Нѣмецкаго *изданія. Въ* 16; 58 *стран.*

Каждая изъ сихъ книгъ, по назначенію своему, съ такими достоинствами, что переводъ ихъ не можетъ не принести пользы. Переводчики исполнили свое дѣло съ желаемымъ успѣхомъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. *Письмо, найденное по кончинѣ надворнаго совѣтника* Артамона Взяткина. *Соч.* Фонвизина. *О происхожденіи приказныхъ крючковъ. Соч.* А. Сумарокова. Изданіе второе. *Въ* 12; 24 *стран.*

2. Переписка и Разсказы Русскаго Инвалида. Второе изданіе, *исправленное и дополненное. Съ портретомъ автора. Въ* 8; 308 *стран.*

*

3. Исторія Петра Великаго. *Сочиненіе* В. Бергмана. *Перевелъ* съ Нѣмецкаго Е. Аладьинъ. Второе, *сжатое (компактное)* изданіе, *исправленное и умноженное. Изданіе книгопродавца В. Полякова. Три части. Въ* 8; 170, 150 *и* 157 *стран.*

*

4. *Піитическіе опыты* Елизаветы Кульманъ, *въ трехъ частяхъ.* Второе изданіе. *Въ* 8; *XXV*—179—286, *XXVIII*—284, *XXIII*—191 *стран.*

5. *Собраніе стихотвореній* Ивана Козлова. Третье изданіе. *Въ двухъ частяхъ. Въ* 8; 315 *и* 367 *стран.*

6. Аббаддонна. *Сочиненіе* Николая Полеваго. Изданіе второе. *Четыре части. Въ* 12; 207, 206, 179 *и* 200 *стран.*

*

7. Душенька, *древняя повѣсть въ стихахъ* И. Ѳ. Богдановича. Новое изданіе *Конторы привилегированной типографіи Е. Фишера. Въ* 8; 78 *стран.*

8. Деньги. *Комическая поэма. Соч.* Семена Дьячкова. Изданіе второе. *Въ* 12; 23 *стран.*

*

9. *Тридцать лѣтъ или* Жизнь игрока. *Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе* Виктора Дю Ганжа *и* Дино. *Переводъ съ Франц.* Изданіе второе. *Въ* 12; 142 *стран.*

*

10. Начальныя основанія Космографіи, *или Описаніе устройства Вселенной. Сочин.* А. Ободовскаго. Изданіе второе. *Въ* 8; 170 *стран.*

11. Краткая всеобщая Географія, Константина Арсеньева. Шестнадцатое изданіе, *вновь исправленное. Въ* 8; VI—358—46 *стран.*

12. *Учебная дѣтская книга, или* Новѣйшій самоучитель Французскаго, Англійскаго и Латинскаго языковъ, *и проч.* Изданіе второе. *Въ* 8; 110 *стран.*

13. Латино-Россійскій Лексиконъ, *и проч., составленный* И. Кронебергомъ, *и проч.*

Четвертое изданіе. *Двѣ части. Въ* 8; 1095 *и* 1263 *стран.*

14. Таблицы для обученія чтенію, *составленныя* А. Твелькмейеромъ. Изданіе третье. *Въ* 12; 28 *стран.*

15. *Драгоцѣнный подарокъ дѣтямъ, или* Новѣйшая Россійская азбука, *содержащая въ себѣ всѣ нужнѣйшія и полезныя познанія. Для дѣтей обоего пола.* Второе изданіе. *Въ* 12; 70 *стран.*

*

16. Краткое начертаніе военнаго искусства, *или Новый аналитическій обзоръ главныхъ соображеній стратегіи, высшей тактики и военной политики. Соч.* Барона Жомини. Новое изданіе, *значительно дополненное. Двѣ части. Въ* 8; 394 *и* 264 *стран.*

*

17. Гадательная книжка. Изданіе третіе.

18. Карманный пѣсенникъ, *или Собраніе новѣйшихъ куплетовъ изъ оперъ и водевилей.*

Собранъ А. Андреевымъ, *въ двухъ частяхъ. Въ* 48.

19. Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ, *или Поваливай! наши гуляютъ! Истинно-сатирическая повѣсть* 1835 *года, съ Цыганскими пѣснями.* Изданіе четвертое. *Въ* 12; 24 *стран.*

II.

20. Дѣянія Петра Великаго, *мудраго Преобразователя Россіи, и проч. Сочиненіе* И. И. Голикова. *Томъ XIII.* Изданіе второе. *Въ* 8; 758—XXVIII *стран.*

КРИТИКА. *

ТИМОНЪ АѲИНСКІЙ.

Намъ всегда казалось, что въ Тимонѣ Аѳинскомъ предметъ такъ же глубоко постигнутъ, какъ и во всякой другой изъ пьесъ Шекспира. Она принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ пьесъ, гдѣ онъ является до конца важнымъ, недоступнымъ для шутки, твердо рѣшившимся не сходить съ избранной дороги. Онъ ни на минуту не ослабѣваетъ въ своихъ усиліяхъ, ни на минуту не теряетъ изъ виду единства своей цѣли. Это единственная пьеса нашего автора, въ которой плинъ есть преобладающее ощущеніе ума. Ее можно назвать столько же сатирой, какъ и трагедіей: вы найдете много самыхъ тонкихъ насмѣшекъ и въ грубыхъ, сварливыхъ отвѣтахъ циника Апемантуса и въ

* Смотр: Современника Т. XIII, стран. 139 *первой нумераціи.*

горячей и болѣе страшной брани Тимона. Послѣдній напоминаетъ классическому читателю о силѣ и надутой пылкости декламаціи въ Ювеналѣ, между-тѣмъ какъ первый имѣетъ всю колкость и ѣдкую суровость старыхъ стоическихъ философовъ. Кажется, на устахъ Апемантуса душа Діогена. Мизантропіи циника, грубо выставляемой имъ за ремесло его, противопоставляется глубокое чувство ея въ Тимонѣ и воинское и рѣшительное негодованіе Альцибіада на изгнавшихъ его соотечественниковъ, хотя это и составляетъ только случайный эпизодъ въ трагедіи.

Содержаніе очень просто: все дѣло состоитъ въ переходѣ отъ высочайшей пышности и избытка въ утонченностяхъ искуства къ самому низкому состоянію дикой жизни и лишенію всѣхъ сношеній съ обществомъ. Переворотъ столько же быстрый, какъ и совершенный, и видъ богатаго и щедраго Тимона, пирующаго въ позлащенныхъ палатахъ, пресыщеннаго всякою роскошью, расточительно-гостепріимнаго, ласкаемаго толпою льстецовъ, стихотворцевъ, живописцевъ, красавицъ, вельможъ, которые

«Follow his strides, his lobbies fill with tendance,
Rain sacrificial whisperings in his ear;
And through him drink the free air.»

(«Идутъ слѣдомъ за нимъ, наполняютъ прислугою его переднія, дождятъ ему жертвеннымъ шопо-

томъ въ уши, и чрезъ него дышутъ свободнымъ воздухомъ.»),

видъ всего этаго разительнѣ, но не менѣе разительна и та картина, которую представляетъ внезапное отпаденіе отъ него всѣхъ друзей и счастія, и онъ самъ въ дикомъ лѣсу, копающій изъ земли коренья себѣ въ пищу! Высокое самоотверженіе и горькое презрѣніе къ свѣту наполняютъ въ это время душу его, и они возвышаютъ его во мнѣніи нашемъ такъ, какъ никогда не могъ бы сдѣлать того ослѣпительный блескъ счастія. Ему досадно поддерживать собственную жизнь свою, и единственное занятіе его—приготовлять себѣ могилу. Какъ велика разница между тѣмъ, какимъ онъ былъ, и какимъ представляютъ его укорительные вопросы Апемантуса, когда онъ приходитъ къ нему съ выговорами за перемѣну въ образѣ жизни!

— — — «What, think'st thou,
That the bleak air, thy boisterous chamberlain,
Will put thy shirt on warm? will these mossed trees
That have out-liv'd the eagle, page thy heels,
And skip where thou point'st out? will the cold brook,
Candied with ice, caudle thy morning taste
To cure thy o'er night's surfeit? Call the creatures;
Whose naked natures live in all the spight
Of wreakful heav'n, whose bare unhoused trunks,
To the conflicting elements expos'd,
Answer mere nature, bid them flatter thee.»

(— — — «Какъ, ты думаешь, что сырой воздухъ, твой буйный камергеръ, нагрѣетъ тебѣ рубашку? что эти мшистыя деревья, пережившія орла, будутъ ходить за тобой по пятамъ, и вспрыгивать туда, куда ты прикажешь имъ? что холодный ручей, заледенѣвшій отъ мороза, будетъ утромъ подкрѣплять и исцѣлять тебя отъ почныхъ пресыщеній? Воззови къ твореніямъ, которыя, не смотря на наготу свою, живутъ въ досаду мстительнымъ небесамъ, которыхъ голые, бездомные пни, отданные во власть враждебнымъ стихіямъ, говорятъ только съ природою — прикажи имъ льстить тебѣ.»)

Нравы сохранены вездѣ съ замѣчательною истиною. Поэтъ и живописецъ искусно противопоставлены другъ другу; каждый притворяется глубоко уважающимъ другаго, и каждый занятъ собственнымъ тщеславіемъ и превосходствомъ собственнаго искуства. Шекспиръ вложилъ въ уста перваго живое описаніе генія поэзіи вообще, и своего собственнаго въ особенности.

— — — «Our poesy is as a gum, which issues
From whence 'tis nourish'd. The fire i'th'flint
Shows not till it be struck: our gentle flame
Provokes itself — and like the current flies
Each bound it chafes.»

(«Поэзія наша походитъ на смолу, вытекающую оттуда, гдѣ она питается. Огонь не покажется

изъ кремня, пока его не высѣкутъ: наше благородное, тихое пламя проявляется само — и подобно потоку перелетаетъ чрезъ всѣ преграды, ему встрѣчающіяся.»)

Ложное дружество и изворотливое уклоненіе отъ него Аѳинскихъ вельможъ, ихъ льстивыя увѣренія и жалкая неблагодарность представлены очень вѣрно, также какъ и различныя средства, къ которымъ низкій эгоизмъ прибѣгаетъ въ такихъ случаяхъ, чтобы скрыть недостатокъ великодушія и чистосердечія. Тайное самолюбіе Апемантуса проглядываетъ сквозь всю грубость его сарказмовъ и его презрѣнія къ притязаніямъ другихъ. Два придворные, сопровождающіе Альцибіада къ пещерѣ Тимона, схвачены характеристически, и даже воры, зашедшіе къ нему, также *«истинные люди»* на пути своемъ. Исключеніе въ этой общей картинѣ себялюбивой испорченности видно въ старомъ и честномъ управителѣ Флавіусѣ, къ которому Тимонъ привязанъ со всею нѣжностію. Шекспиру не хотѣлось написать картину, *«во всѣхъ частяхъ обезображенную лицемѣріемъ»*. Онъ обязанъ этимъ характеромъ добродушнымъ убѣжденіямъ своей музы. Бенъ Джонсонъ справедливо назвалъ духъ его «сферою человѣчества.»

Краткость моральныхъ изрѣченій въ этой пьесѣ совершенно соотвѣтствуетъ тому, что показалъ лордъ Беконъ въ своемъ Разсужденіи о мудрости древнихъ,

и здѣсь—говоря справедливо—еще болѣе разнообразія. Здѣсь истощены всѣ предметы, достойные презрѣнія или негодованія. Отвратительная необузданность Апемантуса, обращающая все въ желчь и горечь, показываетъ одну природную ядовитость его нрава и равномѣрную антипатію къ добру и злу. Тимонъ не произноситъ ни одпаго проклятія, не обнаруживъ невольно сильныхъ дѣйствій обманутой страсти, любви, обратившейся въ ненависть. Апемантусъ не видитъ добра нигдѣ, и увеличиваетъ отвратительную сторону того, что само по себѣ отвратительно. Тимонъ мучится безпрестанною противоположностію между вещами и наружностями ихъ; между свѣжею, привлекательною внѣшностію и гнилою внутренностію, и призываетъ бѣдствія на главы людей соразмѣрно чувству ихъ несправедливостей и беззаконій. Найдя золото, онъ въ нетерпѣніи восклицаетъ:

«This yellow slave
Will knit and break religions; bless the accurs'd;
Make the hoar leprosy ador'd; place thieres,
And give them title, knee, and approbation,
With senators an the bench; this is it,
That makes the wappen'd widow wed again;
She. whom the spital-house
Would cast the gorge at, *this embalms and spices*
To th' April day again.»

(«Этотъ желтый рабъ свяжетъ и развяжетъ законы; благословитъ проклятыхъ; заставитъ обо-

жать прокаженныхъ стариковъ; посадитъ грабителей, осыпавъ ихъ почестями и уваженіемъ, на одну скамью съ сенаторами; заставитъ плачущую вдову вѣнчаться снова, и она, которую хотѣли выбросить изъ больницы, она, *силою золота набальзамируется и заблагоухаетъ снова къ днямъ Апрѣля.*»)

Къ страшнѣйшимъ проклятіямъ его принадлежатъ тѣ, которыя произноситъ онъ тотчасъ по выходѣ изъ Аѳинъ.

«Let me look back upon thee, o thou wall,
That girdlest in those wolves! Dire in the earth,
And fence not Athens! Matrons, turn incontinent;
Obedience fail in children; slaves and fools
Pluck the grave wrinkled senate from the bench,
And minister in their steads. To general filths
Convert o' th' instant green virginity!
Do't in your parents' eyes. Bankrupts hold fast;
Rather than render back, out with your knives
And cut your trusters' throats! Bound servants, steal:
Large handed robbers your grave masters are,
And pill by law. Maid, to thy master's bed:
Thy mistress is o' th' brothel. Son of sixteen,
Pluck the lin'd crutch from thy old limping sire
And with it beat his brains out! Fear and piety,
Religion to the Gods peace, justice, truth,
Domestic awe, night-rest, and neighbourhood
Instructions, manners, mysteries and trades,
Degrees, observances, customs, and laws,

Decline to your confounding contraries;
And let confusion live! — Plagues incident to men,
Your potent and infectious ferers heap
On Athens, ripe for stroke! Thou cold sciatica,
Cripple our senators, that their limbs may halt
As lamely as their manners! Last and liberty
Creep in the minds and manners of our youth,
That'gainst the stream of virtue they may strive,
And drown themselves in riot! Itches, blains,
Sow all th'Athenian bosoms; and their crop
Be general leprosy: breath infect breath,
That their society (as their friendship) may
Be merely poison.»

Тимонъ здѣсь точно такъ же идеаленъ въ своей страсти къ злу, какъ былъ прежде въ своемъ вѣрованіи къ добру. Апемантусъ доволенъ злобою, существующею въ мірѣ и своимъ собственнымъ природнымъ расположеніемъ вредить. Одно изъ самыхъ рѣшительныхъ проявленій болѣзненной досады Тимона на обманчивость наружности заключается въ отвѣтѣ его Апемантусу, который спрашиваетъ у него:

«What things in the world canst thou nearest compare with thy flatterers?

Timon. Women nearest: but men, men are the things themselves.

(«Что въ мірѣ можешь ты ближе всего сравнить съ твоими льстецами?

Тимонъ. Женщинъ, ближе всего; но мужчины, мужчины-то и есть эти льстецы.»)

Апемантусъ, сказано: *находилъ немного вещей лучше ненависти къ самому себѣ.* Не таковъ былъ Тимонъ, не любившій ненавидѣть ни себя, ни другихъ. Вся его жестокая мизантропія вынужденна, трудна для него. Отъ невѣрныхъ оборотовъ счастія, отъ мученій страсти и злополучій онъ желаетъ погрузиться въ тишину могилы. На этотъ предметъ устремляются мысли его; для него онъ находитъ время и мѣсто быть романическимъ. Онъ выкапываетъ могилу свою у морскаго берега; вымышляетъ погребальный обрядъ посреди велічія пустыни и строитъ памятникъ свой изъ стихій.

Come not to me again; but say to Athens,
Timon has made his everlasting mansion
Upon the beached verge of the saltflood;
Which once-a-day with his embossed froth
The turbulent surge shall cover. Thither come,
And let my grave-stone be your oracle.»

(«Не возвращайся ко мнѣ, но скажи Аѳинамъ, что Тимонъ устроилъ себѣ вѣчный домъ на краю берега соленыхъ струй; настанетъ время, когда бурныя волны покроютъ его своею выпуклою пѣною.

Туда придите, и пусть могильный камень мой будетъ вашимъ оракуломъ.»)

И потомъ Альцибіадъ, прочитавъ его надгробную, говоритъ о немъ:

«These well express in thee thy latter spirits:
Though thou abhorred'st in us our human griefs,
Scorn'd'st our brain's flow, and those our droplets, which
From niggard nature fall; yet rich conceit
Taught thee to make vast Neptune weep for aye
On thy low grave.»

(«Это вѣрно выражаетъ въ тебѣ послѣднее расположеніе твоего духа: хотя ты ненавидѣлъ въ насъ наши человѣческія немощи, презиралъ потокъ нашихъ умствованій и тѣ капли, которыя падаютъ съ скудной природы нашей; но богатое воображеніе научило тебя заставить обширнаго Нептуна плакать вѣчно надъ твоею низменною могилою.»)

Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ, что вѣтеръ свисталъ надъ нимъ похоронныя пѣсни, ропщущій океанъ его оплакивалъ. Тимонъ искалъ въ вѣчной торжественности природы забвенія скоротечнаго блеска своей временной жизни

СОБЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ПАРА.

Переворотъ въ Пара—хотя весьма недавній—такъ мало извѣстенъ въ Европѣ; его причины, ходъ, и вліяніе на будущность этой прекрасной провинціи еще такъ мало изучены даже въ самой Бразиліи, что я считаю необходимымъ долгомъ представить въ этомъ небольшомъ описаніи всѣ свѣдѣнія, какія могъ собрать на мѣстахъ, во время краткаго пребыванія моего въ Белемѣ, въ Апрѣлѣ 1840 года. Я не рѣшился бы на такое трудное дѣло, не началъ бы описывать предметъ, представляющій такъ мало оффиціальныхъ доказательствъ, если бы во время проѣзда моего по всей прибрежной сторонѣ, начиная отъ Ріо-Жанейро до рѣки Амазонской, я не находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми знающими и достойными вѣроятія,

бывшими зрителями или дѣйствователями этой кровавой драмы. Изъ нихъ я обязанъ особенною благодарностью контръ-адмиралу Тайлору, начальнику морской экспедиціи противъ мятежниковъ Параскихъ, и экспрезиденту провинціи Бернардо-де-Суза-Франко, который съ сужденіемъ прямымъ и умомъ политическимъ и административнымъ соединяетъ опытность, какую можетъ доставить только продолжительное пребываніе въ мѣстахъ, гдѣ случились происшествія. Нѣсколько статистическихъ данныхъ довершатъ этотъ историческій очеркъ.

Непосредственныя причины переворота въ Пара восходятъ къ отдѣленію Бразиліи отъ короны Португальской. Португальцы—и тѣ, которые поселились въ этой области, и тѣ, которые разсѣяны были по всему пространству Бразиліи — сильно противились этому отдѣленію и особенно независимости колоніи. Вліяніе, пріобрѣтаемое долгимъ владѣніемъ земель, и накопленныя богатства доставляли имъ всѣ средства притѣснять Бразильцевъ, нетерпѣливо желавшихъ свергнуть угнѣтавшее ихъ иго. Эта ненависть съ одной стороны и мщеніе съ другой развились еще болѣе отъ интригъ и заговоровъ, причинившихъ сначала сопротивленіе правительству императора дона Педро I-го, а потомъ и добровольное отреченіе его отъ трона.

И такъ причины раздоровъ заключались въ стремленіи къ владычеству и въ желаніи отмстить за прež-

нія несправедливости. Одни выставляли предлогомъ войну противъ масонства, тайныхъ обществъ и покровительство алтарямъ и религіи; другіе — защиту земель отъ Португальцевъ и вообще отъ всѣхъ иностранцевъ, почитаемыхъ — справедливо или нѣтъ — врагами національной независимости. Неоспоримо, что непримиримая ненависть черныхъ къ бѣлымъ придала этому перевороту такую жестокость, какой примѣръ, въ новѣйшія времена, представляютъ только ужасы Сенъ-Доминга. Эта ненависть нашла сильныхъ для себя помощниковъ въ дикихъ, обитающихъ внутри области, которые, вырвавшись изъ логовищъ своихъ и устремясь на разрушеніе всего, истребляли бѣлыхъ во все время, пока продолжались безпокойства. Эти общія замѣчанія казались мнѣ необходимымъ введеніемъ въ описаніе замѣчательнѣйшихъ происшествій сего переворота.

Ссора, вспыхнувшая на берегахъ рѣки Акары, въ Октябрѣ 1834 года, между двумя враждебными семействами Сепкса и Мальхера была сигналомъ возстанія, съ трудомъ усмиреннаго отрядомъ моряковъ подъ начальствомъ капитана Инглиса. Императорское правительство взяло сторону семейства Сепкса, и Евгеній Мальхеръ, изгнанный изъ своихъ земель, удалился въ лѣса съ нѣсколькими приверженцами. Когда капитанъ Инглисъ уѣхалъ, онъ принялъ начальство надъ всѣми недовольными, которые по большой части состояли изъ бродягъ, въ такомъ мно-

жествѣ встрѣчающихся въ странахъ дикихъ и худо управляемыхъ. Два Винагра и братья Эдоурдо, люди самые развращенные, вскорѣ вступили также въ ряды его. Черные, подъ предводительствомъ братьевъ Винагръ, были центромъ этаго новаго сборища, которое прочно утвердилось съ того времени, какъ помощниками его сдѣлались Индійцы внутреннихъ странъ, вызванные къ оружію Конегою Баптистомъ Кампосомъ. Соумышленники Мальхера впустили его въ столицу 7 Января 1835. Умертвивъ президента Лобо, коменданта, инспектора таможни, капитана Инглиса и другихъ чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ, состоявшихъ въ службѣ законнаго правительства, Мальхеръ провозгласилъ себя президентомъ, и назначилъ комендантомъ Франциско Винагра. Раздѣлъ награбленнаго и личная ненависть и зависть произвели скоро разрывъ между инсургентскими начальниками. Нѣсколько дней продолжалась на улицахъ ужасная борьба партіи Винагра и Мальхера; партія послѣдняго была побѣждена; самъ Мальхеръ былъ убитъ по приказанію Винагра, который въ свою очередь провозгласилъ себя президентомъ, и назначилъ комендантомъ брата своего, Антоніо Винагра, человѣка кровожаднаго, закоренѣлаго въ преступленіяхъ и непримиримаго врага бѣлыхъ. Будучи самовластнымъ повелителемъ города, Франциск Винагра привелъ себя въ состояніе держаться въ немъ, учредивъ между своими подчиненными строгую дисциплину и воспользовавшись военными запасами и 30-ю

полевыми орудіями, найденными имъ въ военномъ арсеналѣ. Замѣчательно, что, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ владычества этаго человѣка, собственность туземцевъ и иностранцевъ, также какъ и личная свобода ихъ оставались неприкосновенными.

При первомъ извѣстіи о безпокойствахъ въ Парѣ, президентъ Марангамскій, Костецъ Феррейра, не ожидая повелѣній императорскаго правительства, снялъ съ якоря фрегатъ *Императрица*, находившійся въ гавани Санъ-Луи-де-Марангамъ, и поплылъ въ Пару остановить успѣхи инсургентовъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ этотъ фрегатъ показался передъ Белемомъ. Франциско Винагръ, соединявшій съ большою рѣшительностію хитрость и вѣроломство, притворно показалъ самое миролюбивое расположеніе, и усыпилъ бдительность начальника фрегата, увѣривъ его въ готовности своей передать власть вице-президенту императорскаго правительства *Анджело*, который удалился въ Камету на Токантинѣ. Не видя исполненія обѣщаній Винагра, начальникъ фрегата *Императрица* вздумалъ попугать инсургентовъ небольшою сшибкою. 12 Мая высадка, дурно направленная и не снабженная достаточными силами, причинила фрегату значительную потерю. Всѣ, попавшіеся въ плѣнъ, были безжалостно умерщвлены побѣдителями. Послѣ этой неудачи и поврежденій, претерпѣнныхъ въ послѣдствіи отъ хорошо выдерживаемаго огня непріятель-

скихъ батарей, фрегатъ принужденъ былъ оставить воды Параскія.

Это торжество черныхъ дѣлало важнымъ сопротивленіе, которое требовало самыхъ дѣйствительныхъ усилій со стороны императорскаго правительства, чтобъ положить скорый конецъ разрушительному состоянію дѣлъ, грозившему разлитіемъ по смежнымъ провинціямъ и поглощеніемъ ихъ. Отъ безпечности ли центральнаго управленія, или отъ ошибочнаго понятія въ Ріо-Жанейро о свойствахъ и сплѣ возстанія, или наконецъ отъ недостатка пособій, только правительство ограничилось полу-мѣрами. Вмѣсто того, чтобы послать сильное войско и нанести рѣшительный ударъ, который бы избавилъ отъ бѣдствій, случившихся въ послѣдствіи, сдѣлали только то, что назначили президентомъ Пары генерала Эммануэля Джорго, человѣка стараго, славившагося нѣкогда своею храбростію, но уже не имѣвшаго ни той дѣятельности, ни той рѣшительности, которыя такъ необходимы въ критическое время. Новый президентъ, безъ войскъ, безъ денегъ, получилъ приказаніе явиться къ мѣсту своего назначенія на фрегатѣ *Кампистъ*, находившемся подъ командой Коммодора Тайлора, прославившагося въ Бразильскомъ флотѣ во время войны за независимость. Правительство ласкалось надеждою, что двѣсти или триста человѣкъ моряковъ успѣютъ кончить дѣло. Дорогою Кампистъ въ каждой гавани выпрашивалъ себѣ подкрѣпленій — и

ъ неописаннымъ трудомъ Тайлоръ едва успѣлъ собрать сотню новобранцевъ! Корветта *Реженерасао* и двѣ шкуны, *Патагонія* и *Ріо-да-Плата*, худо вооруженныя и съ недостаточнымъ экипажемъ, присоединились къ Камписту въ Марангамѣ и сопровождали его до мѣста назначенія. При появленіи этой эскадры у береговъ Пара, Винагръ, вѣрный своей лживой системѣ, вошелъ въ переговоры съ президентомъ Эмануэлемъ Джорго, и показалъ притворную покорность. Нѣсколько сотенъ моряковъ въ самомъ дѣлѣ заняли городъ 25 Іюня 1835, и торжественное примиреніе заключено было между Винагромъ и новымъ президентомъ, не смотря на всѣ убѣжденія Коммодора Тайлора, сомнѣвавшагося — и очень справедливо — въ искренности инсургентовъ. Послѣдствія доказали, что онъ не ошибался. Не будучи увѣренъ въ побѣдѣ надъ горстью храбрыхъ, высаженныхъ Тайлоромъ на землю для введенія президента въ новыя обязанности его, Винагръ старался выиграть время, увѣряя въ покорности своей президента — и, обращая вниманіе его на дѣйствія по администраціи и мѣстной полиціи, онъ между-тѣмъ тайно отправлялъ лазутчиковъ во внутренность области для ускоренія наступательныхъ дѣйствій своей партіи и возбужденія Индійцевъ и Дикихъ, живущихъ по берегамъ Токантины и впадающихъ въ нее рѣкъ, къ нападенію на столицу, обѣщанную грабежу. Горестное событіе открыло наконецъ глаза легковѣрному прези-

денту и показало въ полномъ свѣтѣ измѣну Франциска Винагра: это было умерщвленіе вѣрныхъ законной власти жителей *Виджіи*. По наущенію Винагра, злобный Эдуардо съ тремя тысячами человѣкъ вышелъ изъ Пинейро, гдѣ была главная квартира инсургентовъ, и пошелъ прямо на цвѣтущее селеніе Виджіа, лежащее въ 80 миляхъ отъ Белема, на правомъ берегу рѣки Амазонской, близъ ея устья. Беззащитные жители при этомъ неожиданномъ нападеніи были почти всѣ безжалостно перерѣзаны. Едва нѣсколько человѣкъ успѣло спастись и распространить вѣсть объ этомъ бѣдствіи. Не имѣя болѣе возможности сомнѣваться въ коварныхъ замыслахъ инсургентовъ, президентъ вышелъ наконецъ изъ своего усыпленія: всѣ мятежники, находившіеся въ городѣ Белемѣ, были схвачены. Вмѣстѣ съ шестью стами сообщниками попался и самъ Франциско Винагръ. Они посажены были на суда. Получивъ извѣстіе объ этомъ справедливомъ мщеніи, Антоніо Винагръ, принявшій начальство надъ толпами инсургентовъ, написалъ къ президенту дерзкое письмо, въ которомъ грозилъ ему не оставить камень на камнѣ и ни одной живой души въ столицѣ, если онъ не возвратитъ свободы брату его Франциско.

Къ несчастію недостатокъ укрѣпленій предаетъ городъ Белемъ во власть перваго отважнаго предводителя, который бы вздумалъ напасть на него. Никакія подкрѣпленія не получались изъ Ріо, а войскъ

императорскихъ едва достаточно было для занятія главныхъ мѣстъ и въѣздовъ города, который Эммануэль Джорго рѣшился защищать до послѣдней крайности. Правда, онъ надѣялся на національную гвардію, составленную по большой части изъ Португальцевъ и Бразильцевъ, уже приведенныхъ въ подданство и обученныхъ нѣсколько военному порядку. Винагръ не замедлилъ своимъ мщеніемъ. 14 Августа 1835 года появилась толпа Мулатъ, Негровъ, Индійцевъ и Дикихъ, состоявшая изъ четырехъ тысячь человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, дубинами, луками, стрѣлами, кинжалами. Съ ними было также десять полевыхъ огнестрѣльныхъ орудій. Они вышли на берегъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Белема, и разсѣялись, подобно опустошительному потоку, по различнымъ частямъ города. Національная гвардія разбѣжалась при первомъ выстрѣлѣ изъ ружья; но экипажъ эскадры, поддерживаемый сначала двумя отрядами корветты Португальской *Элиза* и корветты Англійской *Бѣгунъ*, съ мужествомъ, достойнымъ лучшей участи, защищалъ каждый шагъ земли, приближавшій непріятелей къ дворцу президента. Горсть храбрыхъ, пережившихъ этотъ неровный бой, успѣла выйти изъ дворца въ ночь на 24-е Августа, и благополучно достигла судовъ эскадры. Антоніо Винагръ убитъ былъ въ первый день атаки; сынъ президента, молодой человѣкъ, подававшій прекрасныя надежды, и около десяти лучшихъ офицеровъ императорскаго флота встрѣтили славную смерть въ этихъ

кровавыхъ битвахъ. Инсургенты, завладѣвъ городомъ, предали его грабежу на нѣсколько дней. Они умертвили, безъ различія пола и возраста, всѣхъ тѣхъ, кого не считали принадлежавшими къ своей партіи и кто не успѣлъ спастись на суда, на помощь бѣжавшимъ посланныя императорскою эскадрою и иностранными военными кораблями. Впрочемъ, въ эти дни убійства, чтобъ быть обречену на вѣрную смерть, стоило только не имѣть платья кроваваго цвѣта, служившаго знакомъ соединенія для инсургентовъ. Побѣдители истощили надъ плѣнниками, попавшимися въ руки ихъ, всѣ утонченности самаго неслыханнаго звѣрства. Множество семействъ, искавшихъ спасенія въ церквахъ, не были пощажены и тамъ этими варварами. Несчастныя жертвы выводимы были одна за другою, и въ преддверіи храма испускали духъ подъ ударами толстыхъ дубинъ. Изъ 52 человѣкъ, скрывшихся въ соборъ, пятьдесятъ было убито такимъ образомъ, и епископу, жившему въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, удалось спасти только двоихъ. Изъ устъ однаго изъ сихъ двоихъ очевидныхъ свидѣтелей я узналъ подробности этаго ужаснаго кровопролитія. Въ то время, когда эти сатурналіи совершались въ городѣ, ужасныя сцены происходили и въ гавани. Болѣе 6000 человѣкъ спаслись на судахъ эскадры и купеческихъ Бразильскихъ корабляхъ. Это множество людей, безъ всякаго порядка помѣщенныхъ, произвело вскорѣ голодъ и болѣзни. Кровавый поносъ и оспа свирѣпствовали

ужасно между этими несчастливцами и плѣнными, содержавшимися въ числѣ 2000 человѣкъ на судахъ понтонныхъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ каждый день бросали въ море отъ 60 до 70 труповъ. Чтобъ спастись отъ голода и вѣрной гибели, Коммодоръ Тайлоръ принужденъ былъ высадить три тысячи эмигрантовъ на островъ Марайо, лежащій при устьѣ Пара и рѣки Амазонской. Имъ дали оружія, военные запасы — и мѣсто, гдѣ оставили ихъ, требовало легкой защиты. Но при появленіи нѣсколькихъ сотенъ инсургентовъ, вышедшихъ изъ города, они потеряли всю бодрость. Воспоминаніе объ ужасахъ, которыхъ они такъ недавно еще были свидѣтелями, остановило въ нихъ всякую мысль о сопротивленіи, и несчастные съ какою-то покорностію пали подъ ударами убійцъ. Едва 500 человѣкъ успѣли спастись снова на судахъ эскадры, которая, чтобы сколько-нибудь облегчить бѣдственное положеніе свое, высадила своихъ больныхъ и эмигрантовъ на островъ *Татуока*, близъ Пенхейры. Бѣдствія области Пара возбудили состраданіе въ сосѣдственныхъ провинціяхъ. Президентъ Мурангамскій прислалъ съѣстные припасы всякаго рода и въ то самое время, когда они были необходимы, чтобы избавить отъ смерти несчастныхъ, пережившихъ такъ много бѣдствій. Однако жъ не прежде, какъ чрезъ четыре мѣсяца послѣ занятія города инсургентами, президентъ и Коммодоръ Тайлоръ получили въ пособіе столько людей, денегъ и

запасовъ изъ Пернамбуко, что могли отправить отряды во внутренность области, для перерѣзанія сообщеній инсургентовъ. Мало по малу имперіалисты возвратили подъ власть свою всю прибрежную страну; блокировали дѣйствительною осадою городъ Белемъ и довели его до послѣдней крайности. Между-тѣмъ Эдуардо, смѣнившій братьевъ Винагровъ, остался обладателемъ города до 13 Мая 1836 года. Только тогда, съ прибытіемъ новаго президента Андреа и съ нимъ 2000 человѣкъ регулярныхъ войскъ и четырнадцати военныхъ кораблей, инсургенты очистили городъ. Болѣзни и голодъ такъ уменьшили число ихъ и такъ изнурили силы остальныхъ, что они не могли болѣе продолжать своего сопротивленія. Андреа безъ боя вступилъ въ опустошенный городъ, представлявшій вездѣ одно разрушеніе. Войска, которыя были въ распоряженіи новаго президента, доставили ему вскорѣ возможность возстановить императорскую власть во всѣхъ частяхъ провинціи и прогнать Дикихъ назадъ въ непроницаемые лѣса ихъ. Эдуардо, оставленный своими сообщниками, бродилъ долго по лѣсамъ, и наконецъ попался въ плѣнъ. Только съ этаго времени спокойствіе начало возвращаться, и торговля, совершенно остановленная войною, снова ожила къ дѣятельности.

Большая часть инсургентскихъ начальниковъ, принимавшихъ участіе въ этой кровавой драмѣ, умерла насильственною смертію, или томится до сихъ поръ

въ темницахъ, ожидая медленнаго удара меча правосудія. Одинъ изъ главныхъ споспѣшниковъ безпокойствъ въ области Пара, Конего Баптистъ Компосъ, умеръ въ самомъ началѣ; Мальхеръ убитъ по приказанію Франциска Винагра; братъ его Антоніо также убитъ. Эдуардо Аранха, Геральдо, Віейра Лима, братья Эдуардо, и другіе злодѣи еще теперь находятся на понтонныхъ судахъ. Множество инсургентовъ погибло съ оружіемъ въ рукахъ, но большая часть испустила духъ въ госпиталяхъ отъ оспы и голода. Невозможно съ точностію опредѣлить число жертвъ этого переворота, но безъ увеличенія можно положить его до 14.000 человѣкъ. Женская часть народонаселенія, превышающая многимъ число мущинъ, есть неоспоримое доказательство опустошеній войны. Что жъ касается до убытковъ, причиненныхъ собственностямъ, то оцѣнить ихъ еще труднѣе. Полагаютъ, что они простираются отъ 8 до 10-ти тысячъ контосовъ (отъ 24 до 30 милліоновъ франковъ), считая тутъ и пріобрѣтенія, полученныя при окончаніи дѣла, и потери, понесенныя Португальцами и иностранцами. Убытокъ однихъ Англичанъ простирается, по увѣренію ихъ, до 800 контосовъ. Вообще вознагражденія, требуемыя иностранцами, чрезвычайно увеличены. Въ суммы, исчисленныя многими негоціантами, вписаны старые долги за товары, отданные на кредитъ до переворота, долги, которыхъ, по словамъ ихъ, они не могутъ получить, потому-что имѣніе должниковъ пришло въ упадокъ отъ случившихся безпорядковъ. Такія требо-

ванія подали поводъ съ 1837 года къ дѣятельной переписк'ѣ между представителями иностранныхъ державъ и императорскимъ правительствомъ. Эта полемика, въ которой посольство Великобританіи показало много настоятельности, не произвела еще никакаго удовлетворительнаго результата для всѣхъ участвующихъ сторонъ. Бразильское правительство, не почитая себя въ обязанности вознаграждать убытки собственныхъ гражданъ, упорно отказывается оказать въ этомъ случаѣ преимущество иностранцамъ. Оно основываетъ отказъ свой на правилѣ, что бѣдствія области Пара не могутъ быть приписаны правительству императорскому. Оно считаетъ ихъ внѣ всякаго потрясенія или соображенія политическаго, и сравниваетъ съ внезапнымъ наводненіемъ, опустошительною казнію, пожаромъ, поглотившимъ въ одно время собственности Бразильцевъ и иностранцевъ.

Въ настоящее время, судя по оффиціальнымъ донесеніямъ президента, область Пара наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ, и судоходство происходитъ по рѣкамъ безъ малѣйшаго помѣшательства. Однако жъ на судахъ, поднимающихся вверхъ по Амазонской и по главнымъ, впадающимъ въ нее, рѣкамъ, бываетъ по 20 и 30 человѣкъ вооруженныхъ людей — такъ великъ страхъ, внушаемый до сихъ поръ Дикими, являвшимися изъ внутренности области! Справедливо, что всепрощеніе, дарованное императоромъ при новомъ вступленіи его въ полное управле-

ніе, производило до сихъ поръ счастливыя послѣдствія въ этой части имперіи. Изъ донесенія президента Миранда видно, что 980 Индійцевъ принесли оружія свои начальству города *Лукра* *. Такому примѣру послѣдовали и другія толпы инсургентовъ и дезертёры императорской арміи. Однако жъ нельзя не сознаться, что изнуреніе, усталость и бѣдность имѣютъ болѣе вліянія на эту покорность, нежели убѣжденіе и страхъ законной власти. Въ отдаленныхъ мѣстахъ области, гдѣ дѣйствія правительства едва замѣтны, много воинственныхъ племенъ ожидаютъ только случая, чтобы выйти изъ своихъ лѣсовъ и снова начать опустошительные набѣги свои. Во время моего пребыванія въ области Пара слухъ носился о какомъ-то *Падрѣ Саншецѣ*, человѣкѣ очень безпокойномъ, который пріѣхалъ въ эти дикія страны нарочно для того, чтобы поддерживать смятенія; съ нимъ есть и типографія, облегчающая ему средства къ распространенію его низпровергающихъ правилъ.

* $\frac{6}{18}$ Февраля. Въ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ области Пара отъ 27 прошедшаго Декабря—уже послѣ окончанія этаго описанія—объявляется объ успѣхѣ экспедиціи, отправленной въ Верхній и Нижній Марангонъ. Болѣе 4000 человѣкъ Индійцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пользуясь всепрощеніемъ, отдали оружіе и четыре пушки. Множество диссидентовъ, виновныхъ вѣроятно не въ одномъ возмущеніи спокойствія, скрылись въ лѣса. Новый президентъ *Тристао Піо-досъ-Сантосъ* доноситъ, что война съ *Кабаносами* округовъ Верхняго и Нижняго Марангона уже окончена.

Послѣ этаго краткаго обзора событій въ области Пара, уму представляется естественно вопросъ: какъ предупредить возвращеніе новыхъ безпокойствъ, и до какой степени можетъ развиться образованность, промышленность, торговля у тѣхъ различныхъ поколѣній народовъ, которыя разбросаны по этому неизмѣримому пространству земли *. Стараясь рѣшить его, я долженъ буду говорить о бѣдствіяхъ существующихъ и представить нѣсколько статистическихъ данныхъ, которыя прольютъ нѣсколько свѣта на страну, еще такъ мало оцѣненную нами.

Судя по огромному разстоянію, въ какомъ находится Пара отъ центра имперіи, и особенно послѣ ужасовъ, раздиравшихъ эту несчастную область, необходимо нужно назначать туда президентовъ искусныхъ, благоразумныхъ, одаренныхъ энергіею. Эти представители императорской власти должны быть непричастны

* Различныя племена, населяющія область Пара, могутъ быть расположены слѣдующимъ порядкомъ:

1. *Бѣлые Европейцы.* 2. *Прямые потомки Португальцевъ (бѣлые Бразильцы).* 3. Индійцы или *Тапуіасы.* 4. *Черные.* 5. Происходящіе отъ сихъ послѣднихъ, *Креолы.* 6. *Мулаты,* дѣти Бѣлыхъ и Негровъ. 7. *Мамелукосы,* дѣти Бѣлыхъ и Индійцевъ. 8. *Кафузы,* дѣти Индійцевъ и Негровъ. Кромѣ того есть еще классы промежуточные: *Мулатовъ свѣтлыхъ,* дѣтей Мулатовъ и Бѣлыхъ; *полу-бѣлыхъ,* дѣтей Мамелукосовъ и Бѣлыхъ; *Курибокосовъ,* дѣтей Кафузовъ и Индійцевъ, не считая другихъ темноватыхъ поколѣній, неимѣющихъ особенныхъ названій и подходящихъ цвѣтомъ и физіономіей къ тѣмъ родовымъ вѣтвямъ, отъ которыхъ они получили свою классификацію и имя.

духу партій, исключенія и противоборства. Не возбуждая замысловъ и не благопріятствуя имъ, президентъ долженъ обладать умѣньемъ заглушать ихъ средствами косвенными въ самомъ началѣ, и употреблять дѣйствительную матеріальную силу, когда кто-либо вздумаетъ нарушать общественное спокойствіе не одними словами, но и дѣломъ. До сихъ поръ въ совѣтахъ правительства замѣтна была такая шаткость, что, въ теченіе менѣе-нежели пяти лѣтъ, смѣнено пять президентовъ. Эти частыя перемѣны въ управленіи изнуряютъ людей, не употребляя ихъ съ пользою. Съ самыми безкорыстными намѣреніями и съ самыми лучшими способностями, они не могутъ быть увѣрены въ сохраненіи своихъ должностей, и теряютъ ихъ въ то самое время, когда сдѣлаются въ полной мѣрѣ способными къ отправленію ихъ. Имъ недостаетъ времени, чтобы понять въ полной мѣрѣ дѣла и удовлетворить прилично цѣли ихъ призванія. Бернардо-де-Суза-Франко увѣрялъ меня, что, оставляя президентство въ Апрѣлѣ 1840, онъ не получилъ еще изъ отдаленныхъ округовъ отвѣта на циркулярное извѣщеніе въ началѣ 1839 о томъ, что онъ вступилъ въ должность президента. Жители Верхняго Марангона, Тапайоса и Мадейры думали, что ими все еще управляетъ генералъ Андреа, тогда, когда онъ за полтора года передъ тѣмъ уже выѣхалъ изъ области! Администрація по части юстиціи далека отъ совершенства: она совсѣмъ несогласна съ обычаями, правами и нуждами разнороднаго народонасе-

ленія. Учрежденіе суда присяжныхъ, по признанію президента Миранда, не принесло никакой пользы области Пара. Духъ этаго учрежденія не оцѣняется достойно присяжными, которые должны произносить приговоръ. Изъ 56 обвиненныхъ, судимыхъ присяжными въ Белемѣ, послѣ изгнанія инсургентовъ, только восемь найдены были виновными; всѣ остальные были прощены, а между ними было 24 человѣка убійцъ. Дѣйствія правосудія еще слабѣе во внутренности области: снисхожденіе вездѣ предпочитается строгости; и отъ того почти всѣ рѣшенія присяжныхъ — особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается до бѣлаго племени — благопріятствуютъ обвиняемому. Отъ этой соблазнительной безнаказанности происходятъ часто погрѣшности. Чтобъ исправить это состояніе дѣлъ, надобно дать низшимъ классамъ начальное образованіе и нравственность, еще не существующія здѣсь, и кромѣ того необходимо нужно увеличить число судей, которые бы могли дать народу какое-нибудь понятіе о законахъ, не смотря на всю ихъ недостаточность. Постановленія для выборовъ въ настоящее время исполнены важныхъ неудобствъ. Военные люди и чиновники, занимающіе разныя общественныя должности, составляютъ многочисленный классъ, и, имѣя право на подачу голосовъ, способствуютъ какъ нельзя болѣе интригамъ, умысламъ и злоупотребленіямъ, отъ которыхъ происходятъ новые заговоры или разгораются старые, разливающіе вокругъ

разстройство и безпорядки *. Область Пара имѣетъ право назначить въ общее собраніе только трехъ депутатовъ и однаго сенатора и 28 провинціальныхъ депутатовъ. Несправедливо, что при народонаселеніи, вдвое многочисленнѣйшемъ народонаселенія области Парагибы, Пара имѣетъ однимъ депутатомъ менѣе.

Въ странѣ, гдѣ небольшое населеніе разсѣяно по огромному пространству, можетъ быть хорошо было бы замѣнить національную стражу, которая въ мирное время служитъ неохотно, а въ военное не очень страшна для непріятеля, безсмѣннымъ полицейскимъ или жандармскимъ корпусомъ, правильно устроеннымъ и порученнымъ подъ начальство хорошихъ офицеровъ линейнаго войска или старыхъ отставныхъ воиновъ. Такой корпусъ поддерживалъ бы безопасность въ городѣ и избавлялъ бы жителей отъ тягостной для нихъ обязанности. Для сохраненія внутренняго спокойствія необходимо 2.500 человѣкъ регулярнаго войска, хорошо устроеннаго и получающаго исправно

* $\frac{6}{18}$ Февраля. Духъ противоборства, вносимый Министерствомъ Совершеннолѣтія въ выборы будущаго законодательнаго сословія, 1842—1846 годовъ, сильно оказывается даже и въ области Пара. Люди, заслуживающіе уваженіе, какъ на примѣръ, Суза-Франко и Миранда удалены отъ кандидатства. Новый президентъ Тристао-Піо-досъ-Сантосъ не только успѣлъ выработать свое собственное избраніе, но хлопочетъ теперь еще о томъ, чтобы товарищемъ его въ Общемъ Законодательномъ Сословіи былъ выбранъ Падро-Саншецъ, человѣкъ, не пользующійся уваженіемъ и самаго мятежнаго нрава.

свое жалованье. Теперь императорскаго войска здѣсь только 1.500 человѣкъ. Они расположены въ главномъ городѣ, въ Верхнемъ и Нижнемъ Маранганѣ, Макапѣ, Марайо, Браганцѣ, Каметѣ и другихъ мѣстахъ. Это число недостаточно для мѣстныхъ нуждъ. Въ то время, когда я былъ въ области Пара, войско не получило за 20 мѣсяцевъ жалованья.

Множество судоходныхъ рѣкъ, пересѣкающихъ здѣшнюю страну, требуетъ значительной морской силы. Бразильская эскадра, стоящая здѣсь, состоитъ изъ двенадцати небольшихъ военныхъ судовъ, которыхъ весь экипажъ едва имѣетъ отъ 600 до 700 человѣкъ. Можетъ быть, этаго и достаточно было бы для охраненія внутренней торговли, если бы правительство рѣшилось прибавить къ тому нѣсколько пароходовъ. Правда, что императорское правительство учредило постоянное пароходное сообщеніе вдоль всей береговой страны, и каждый мѣсяцъ въ Белемъ приходитъ пароходъ. Учредивъ линіи пароходовъ на рѣкѣ Амазонской и всѣхъ другихъ, впадающихъ въ нее, можно бы сблизить разстоянія, привести въ дѣятельность торговлю и промышленность, и содержать въ страхѣ воинственныя племена, плавающія по этимъ отдаленнымъ водамъ. Для судовъ на парусахъ или на веслахъ, надобно шесть мѣсяцевъ, а иногда еще и болѣе, чтобы подняться вверхъ по рѣкѣ Амазонской до *Pio-Негро*, между-тѣмъ какъ пароходъ проѣзжаетъ это разстояніе въ три недѣли. Никакая страна въ

свѣтѣ не представляетъ столько удобствъ для плаванія, какъ область Пара. Рѣка *Амазонская* или *Марангань*, имѣющая начало въ Верхнемъ Перу, протекаетъ на 1100 миль—изъ которыхъ 800 судоходны—и, благодаря удивительному расположенію впадающихъ въ нее рѣкъ, можетъ довезти до моря произведенія Гойяца и Мальто-Гроссо, провинцій мало извѣстныхъ и изъ которыхъ правительство не извлекло еще никакой пользы, не смотря на всѣ ихъ природныя богатства. Правда, что Общее Собраніе утвердило много проэктовъ о внутреннемъ судоходствѣ въ области Пара — дало много привилегій частнымъ предпріятіямъ, но ничего еще не сдѣлало, все еще надобно дѣлать. Даже не существуетъ еще парохода между Белемомъ и островомъ Марайо, который одинъ равняется пространствомъ съ Португаліею. Духъ товарищества или обществъ между людьми еще младенчествуетъ въ Бразиліи, и капиталисты туземные и иностранные не довѣряютъ существенной опорѣ или прочности правительства.

Описанный переворотъ отодвинулъ Пара по крайней мѣрѣ полустолѣтіемъ назадъ въ области просвѣщенія и образованности. Народъ лѣнивый, неодаренный большею понятливостью, разбросанъ по пространству неизмѣримому. * Дальныя разстоянія, отдѣляющія горо-

* Величайшее протяженіе области Пара отъ сѣвера къ югу, начиная отъ устья Ойяпоки до порогова Санто-Антоніо-де-Мадейра, есть—267 Португальскихъ миль, а отъ востока къ западу—533 мили отъ Туріосса до водопада Увіа, при устьѣ Куміару.

да и мѣстечки, препятствуютъ правительству узнавать ихъ нужды, и, слѣдовательно, облегчать ихъ. Недостатокъ трудолюбивыхъ рукъ примѣтенъ вездѣ. Во время колоніальнаго управленія считалось 60-т. человѣкъ, занимающихся земледѣліемъ. Это число народонаселенія, вмѣсто того, чтобы увеличиться и удвоиться отъ изобилія припасовъ и всѣхъ другихъ необходимыхъ вещей, теперь уменьшилось до половины. Прежде въ области считалось 70 духовныхъ миссій, занимавшихся благосостояніемъ Индійцевъ; теперь ихъ только три: всѣ остальныя представляютъ одно разрушеніе. Индійцы, начинавшіе познавать блага просвѣщенія, теперь все позабыли и сохранили только пороки его; большая часть изъ нихъ возвратилась въ первобытное состояніе свое, и каждый снова сдѣлался или охотникомъ, или рыболовомъ, или ужаснымъ воиномъ. Это небреженіе о природныхъ жителяхъ, эпидемическія болѣзни, и въ особенности оспа, опустошительныя войны и мѣры, принятыя для усмиренія Дикихъ со времени уменьшенія числа духовныхъ особъ, дѣйствовавшихъ въ такихъ случаяхъ словомъ Евангелія, суть истинныя причины умаленія народонаселенія въ области Пара.

Трудно получить удовлетворительныя статистическія свѣдѣнія о странѣ, столь обширной и столь мало подчиненной правительству; и отъ того данныя о народонаселеніи въ области Пара очень не-

вѣрны и совершенно загадочны, особенно въ отношеніи внутренности области. Экс-президентъ Суза-Франко, который съ большимъ трудомъ собралъ самыя достовѣрныя объ этомъ свѣдѣнія, увѣрялъ меня, что число жителей во всей области не простирается свыше 180—200 т. человѣкъ, считая тутъ и 30 т. невольниковъ. Здѣсь не заключаются Индійцы кочующіе. Число сихъ послѣднихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, доходитъ до 100 т., по мнѣнію другихъ—до 200 т. человѣкъ. Для этой страны необходимы жители съ моральною склонностью къ земледѣлію, чтобъ доставить ей благосостояніе, котораго теперь она не имѣетъ, и положить преграду набѣгамъ Индійцевъ. Эта необходимость можетъ быть удовлетворена только посредствомъ хорошо придуманной системы обученія и возстановленія духовныхъ миссій между кочующими племенами. Центральное правительство должно ободрять и устроивать эмигрантовъ для области Пара; провинціальное—заботиться о водвореніи новыхъ пришельцевъ на земляхъ плодоносныхъ и здоровыхъ, и о защищеніи ихъ отъ нападеній Дикихъ. Возстановленіе миссій подъ управленіемъ достойныхъ особъ духовныхъ должно итти наравнѣ съ поселеніемъ иностранныхъ колоній. Благодѣянія просвѣщенія, искуствъ, ремеслъ, склонность къ занятіямъ заступятъ мѣсто привычекъ кочующей жизни, и руки, до сихъ поръ безполезныя, обратятся къ земледѣлію, истинному источнику богатствъ здѣшнихъ дѣвственныхъ странъ. Самыя

рѣдкія и разнообразныя произведенія земли родятся здѣсь почти безъ всякаго воздѣлыванія. Жаръ и влажность содержатъ въ безпрестанной дѣятельности равноденственную растительность, которая, можно сказать, никогда не знаетъ отдыха. Однимъ словомъ, область Пара могла бы сдѣлаться прелестнымъ садомъ и земнымъ раемъ, если бы жители ея были многочисленнѣе и лучше соединены между собою въ моральномъ отношеніи, и если бы отеческіе законы управляли ими.

С. Л.

$\frac{6}{18}$ Января, 1841.

Въ горахъ Оргу.

НАЧАЛЬНИКИ ГВЕРИЛЬЯСОВЪ.

Безъ единовластія и единодушія, самый сильный народъ можетъ подвергнуться всѣмъ ужасамъ междоусобія и озлобленія. Мудрая законная власть, направляя разнородныя силы къ общему благу, поддерживаетъ равновѣсіе частей и устремляетъ къ полезной дѣятельности самыя безпокойныя страсти. Въ новѣйшей исторіи много было разительныхъ примѣровъ, оправдывающихъ эти истины. Но нигдѣ, можетъ быть, такъ горестно и поразительно не обнаружились гибельныя слѣдствія разрыва власти и утраты единомыслія, какъ въ Испаніи. Народъ, преданный религіи своей и своимъ государямъ, исполненный патріотизма и рыцарской чести, явилъ свѣту

зрѣлище, ужасающее кровавыми событіями, единственно отъ того, что государство утратило единство власти. Въ этомъ неестественномъ его положеніи, казалось, самое Небо отвратилось отъ него, лишивъ энергіи и самоотверженія тѣхъ людей, на которыхъ по временамъ возлагали надежды потрясенный законъ и ждавшій спасенія народъ.

Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ война народная, двѣ войны междоусобныя, и три переворота, поливая кровью и осыпая пепломъ Испанію, не миновали ни дворца, ни хижины, не оставили ни одного семейства въ его прежнемъ быту; каждую страсть, низкую и благородную, изобильно надѣлили угодною ей пищею; призывая людей всѣхъ состояній испытывать свои способности на поприщахъ политическомъ и военномъ, ни одному таланту не отказали въ потребности, необходимой для его полнаго развитія, заключалась ли она въ новыхъ надеждахъ или въ новыхъ впечатлѣніяхъ, въ политическихъ буряхъ или въ поляхъ сраженія. И все это безплодно, какъ безплодны облака, скопившіяся на зимнемъ небѣ! Люди, попеременно становившіеся опорами Испанскаго правительства, даже рѣдко умѣли придавать благородство языку оффиціальныхъ бумагъ и вовсе не умѣли пользоваться силами народа; съ 2 Маія 1808 года Испанія еще ищетъ одного изъ тѣхъ людей, въ которыхъ Провидѣніе рѣдко отказываетъ

нуждающимся въ ихъ помощи; людей, увлекаемыхъ на политическую дѣятельность чувствомъ неодолимымъ, неоставляющимъ въ душѣ ни одного другаго чувства; людей, одаренныхъ способностію двигать и останавливать толпы, твердыхъ до упрямства, безъ чего въ смутное время нельзя ни пріобрѣсть, ни удержать власти, суровыхъ отъ необходимости все сгибать передъ собою или попирать негнущихся. Они, если не удивляютъ, подобно Мильтонову Сатанѣ, титаническою смѣлостію своихъ замысловъ, по крайней мѣрѣ въ политическую бурю служатъ якорями отечеству и не даютъ народу истратить своихъ силъ въ безполезной борьбѣ.

Въ войнѣ, слѣдующей за долговременнымъ миромъ, обыкновенно многія тысячи воиновъ погибаютъ прежде, нежели изъ оставшихся рядовъ выдетъ полководецъ; Испанія же, населенная самымъ воинственнымъ изъ новыхъ народовъ, потеряла въ сраженіяхъ цвѣтъ двухъ поколѣній, а не произвела ни одного полководца, даже второстепеннаго! Только два генерала, Палафоксъ и Алварецъ, и нѣсколько Кабесильевъ * остановили на себѣ вниманіе современниковъ. Палафоксъ, герой придворныхъ будуаровъ, игравшій на гитарѣ не хуже Князя Мира, не читавшій даже Испанскихъ военныхъ писателей, схватилъ безсмертіе обороной Сарагоссы. Но оборона Сарагоссы была

* Cabesillo—такъ въ Испаніи называются начальники Гверильясовъ.

дѣломъ нѣсколькихъ людей низшаго сословія, сильныхъ духомъ и вліяніемъ на народъ, почтившій ихъ названіемъ tios —*дядей*. По возвращеніи Фердинанда VII, Палафоксъ потерялся въ толпѣ придворныхъ, и его преждевременной смерти не замѣтила Испанія, какъ смерти такаго вельможи, отъ котораго отечество ничего не требуетъ, потому-что ничего не ожидаетъ отъ него. При колокольномъ звонѣ, зовущемъ не во храмы молиться, при громѣ барабановъ, бьющихъ сборъ не для солдатъ, Алварецъ водилъ на Жиронскіе бастіоны, подъ выстрѣлы двухъ сотъ пушекъ, толпы старпковъ, женщинъ, даже дѣтей. Гомеръ придалъ бы ему роста, чтобъ его чело, нахмуренное военною думой, возвышалось надъ сражающимися; Байронъ придалъ бы ему злую усмѣшку надъ тщетными усиліями Французовъ; но Гомеръ и Байронъ ничего не прибавили бы къ мужеству Алвареца. Одинъ изъ подчиненныхъ спросилъ его: куда отступить въ случаѣ неудачи? «въ могилу!» Отбивая отъ бастіоновъ Французскія колонны, онъ повторялъ приказаніе: стрѣлять по бѣглецамъ, Испанцы ли они или Французы, потому-что примѣръ трусости, оставшейся безъ наказанія, вреднтъ не меньше непріятеля. Алварецъ во время осады слегъ отъ болѣзни; черепья бомбъ влетали въ комнату больнаго, но миновали его, какъ будто судьба позавидовала человѣку въ величіи — и мало было одной смерти Алвареца отъ черепьевъ бомбы. Онъ заплатилъ за свой великій подвигъ медленной смертію въ тюрьмѣ, на

древесныхъ вѣтвяхъ, набросанныхъ непріятельскими часовыми, недопустившими къ умирающему полководцу ни однаго Испанца, чтобъ раздѣлить его послѣднюю заботу объ отечествѣ, принять его послѣдній завѣтъ женѣ и дѣтямъ. Ни съ однимъ изъ плѣнныхъ генераловъ Французы не поступали такъ сурово, какъ съ Алварецомъ; маршалъ Макдональдъ даже унизился до обидныхъ словъ, на которыя такъ отвѣчалъ Алварецъ, какъ отвѣчалъ бы Сципіонъ на обидныя слова отпущенника. По словамъ Французовъ Алварецъ, заключенный въ тюрьму Фигіерскаго замка, умеръ отъ болѣзни. По словамъ же Испанцевъ знаки насильственной смерти были на его трупѣ. Въ тюрьмѣ Фигіерскаго замка поставили ему памятникъ, какъ будто раздираемая смятеніями Испанія недостойна того, чтобъ у нея подъ открытымъ небомъ возвышался памятникъ лучшему изъ ея генераловъ. По опредѣленію Кортецовъ въ залѣ ихъ собранія было изображено золотыми буквами имя Алвареца; но въ 1823 году сорвали эти буквы, свидѣтельствовавшія о благодарности отечества.

Правительство нѣсколько разъ старалось подчинить себѣ Кабесильевъ, назначая генераловъ главными начальниками одной области или опредѣленнаго числа округовъ; но, за исключеніемъ Каталоніи, эти старанія были безуспѣшны. Обстоятельства, въ которыхъ находилась Испанія, и самый образъ войны обезпечивали независимость Кабесильевъ отъ

правительства. Правда, они хотѣли, чтобъ ихъ дѣйствія были одобрены правительствомъ, искали у него чиновъ, но повиновались ему только въ такихъ случаяхъ, когда повиновеніе не вредило ихъ личнымъ выгодамъ. Въ продолжительную народную войну раздробленіе силъ бываетъ неминуемымъ слѣдствіемъ областныхъ народностей; въ Испаніи же при самомъ началѣ войны за независимость * каждая область учредила собственную юнту, и это федеративное правленіе было бы во всякомъ другомъ случаѣ гибельно для Испаніи, какъ для государства, доступнаго Франціи съ сухаго пути, и Англіи съ моря; но въ народную войну федеративное правленіе усилило сопротивленіе и удвоило его способы. Въ Средней Испаніи, постоянно занятой Французами, областныя юнты не могли удержаться; за то въ Сѣверной Испаніи онѣ основали и поддерживали до конца войны правленіе твердое, даже правильное, хотя ходъ войны постоянно принуждалъ ихъ перемѣнять мѣста своего пребыванія, то скитаться по горамъ, то укрываться въ пустыняхъ. Областныя юнты, ограничиваясь внутреннимъ управленіемъ, весьма рѣдко присвоивали себѣ право распоряжаться дѣйствіями Кабесильевъ. Сперва мы скажемъ, какъ они достигали власти; изложимъ затрудненія, съ которыми боролись Кабесильи, чтобъ сохранить власть и ввести подчиненность; потомъ обозначимъ черты, общія всѣмъ

* Такъ Испанцы называютъ свою войну съ Наполеономъ.

Кабесильямъ, и наконецъ сообщимъ біографическіе очерки больше прославившихся.

Въ народное возстаніе, при видѣ опасности, угрожающей отечеству, исчезаетъ порядокъ обыкновенной— и не всегда беретъ верхъ дарованіе, особливо если возставшій народъ предоставленъ самому себѣ, какъ Испанцы въ 1808 году. Правда, Испанскій народъ спѣшилъ выборомъ начальниковъ, воображая, что большая часть препятствій устранится, если возьмутся за дѣла такіе люди, которыхъ онъ почитаетъ способными. Но онъ вообще не терпѣлъ робкихъ совѣтовъ, и лучшими сынами отечества считалъ тѣхъ людей, которые съ большимъ жаромъ возглашали объ общей пользѣ и больше другихъ унижали непріятелей. При томъ, когда его вѣрованіе начало отвергать все необыкновенное, онъ, по мѣрѣ умноженія народныхъ бѣдствій, подчинялся вліянію людей, выдававшихъ себя за вдохновенныхъ свыше. Эти люди при заревахъ пожаровъ, надъ трупами женъ и дѣтей, проповѣдовали о милосердіи Божіемъ; на путяхъ бѣгства послѣ проигранныхъ сраженій пророчествовали о побѣдахъ, и, такъ сказать, занимствовались властію отъ святыни. Вотъ два рода людей, изъ которыхъ выбирались начальники; къ нимъ присоединяли людей замѣчательныхъ по привлекательному виду, даже по физической силѣ—качествамъ, всегда имѣющимъ цѣну въ глазахъ народа. Такъ, въ Ароканѣ, Индѣйцы, сбираясь на войну, выбрали въ кацики того, кто могъ поднять извѣстную

тяжесть, а Гверильясы, въ Логроньо, выбрали въ Кабесильи однаго каменьщика только потому, что онъ удивлялъ своей физической силой. При томъ народъ обыкновенно безъ нужды увеличиваетъ число начальниковъ, думая этимъ придать ума и силы правительству, подобно Индусамъ, думающимъ, что они тѣмъ болѣе возвеличатъ своего идола, чѣмъ больше головъ приставятъ къ его туловищу. Послѣ этаго не удивительно, что люди неспособные становились членами юнтъ и Кабесильями; многіе изъ такихъ людей засѣдали въ юнтахъ до конца войны; но выбывали изъ Кабесильевъ такъ же скоро, какъ выбываетъ изъ обращенія фальшивая монета, съ которой время начало стирать позолоту — ибо они были такъ же свободно избираемы и низлагаемы, какъ начальники бандитовъ. Число Гверильясовъ каждой партіи зависѣло отъ славы и успѣховъ ея начальника, тѣмъ больше, что каждый Гверильясъ присвоивалъ себѣ право переходить изъ одной партіи въ другую, такъ что Кабесилья, имѣвшій у себя подъ начальствомъ нѣсколько сотъ человѣкъ, въ короткое время, послѣ одной или нѣсколькихъ неучачь, оставался начальникомъ немногихъ десятковъ.

Люди несравненно охотнѣе исполняютъ такія обязанности, которыя они сами налагаютъ на себя, нежели обязанности, наложенныя на нихъ природой и законами. Но не смотря на это, толпы возставшаго народа всего медленнѣе научаются повиновенію, даже

и въ такомъ случаѣ, когда онѣ знаютъ, что истинная сила человѣка заключается въ способности предусматривать, въ способности, обладаемой немногими, и что отечество погибнетъ, если народъ, возставшій для его защиты, не будетъ повиноваться этимъ немногимъ. Въ-особенности трудно ввести правильный образъ войны, если пика или штыкъ не составляютъ главнаго оружія. Никогда Европейскія войска не были въ такомъ упадкѣ, какъ въ тотъ промежутокъ времени, который протекъ отъ замѣны пикъ ружьями до введенія штыковъ. Мужество упало вмѣстѣ съ знаніемъ порядка, ибо ручныя схватки, больше всего поддерживающія отвагу, прекратились отъ того, что холодное оружіе помянутаго промежутка времени годилось только для нападенія изъ засадъ и окончанія пораженія. Пики не были главнымъ оружіемъ Гверильясовъ; много труда стоило Кабесильямъ заставить ихъ не бросать штыковъ, полученныхъ съ Англійскими ружьями; слѣдственно и по роду своего оружія Гверильясы были неспособны къ сохраненію военнаго порядка. При томъ затрудненіе ввести его было увеличено переходами Гверильясовъ изъ одной партіи въ другую, переходами иногда столь частыми, что начальникъ не имѣлъ времени ознакомиться съ лицами и именами подчиненныхъ; онъ долженъ былъ становиться на часы, чтобы подать примѣръ бдительнаго часоваго; долженъ былъ первый пускаться въ бродъ, чтобъ показать, что бродъ безопасенъ. Внѣшнихъ знаковъ отличія было недостаточно для

сохраненія власти надъ Испанцами гордыми и неукротимыми, изъ которыхъ немногіе умѣли терпѣливо выслушивать приказанія; многіе сами хотѣли власти, не для удовольствія повелѣвать, а для удовольствія не повиноваться; готовы были, подобно Шуанамъ, противиться начальнику за распоряженія, показавшіяся имъ неблагоразумными. Для сохраненія власти надъ такими людьми надобно было подавать примѣры ружейныхъ выстрѣловъ и ударовъ холоднымъ оружіемъ; надобно было соединить ту умственную и душевную дѣятельность, съ которою человѣкъ, жадный тревогъ и опасностей становится, смотря по вліянію обстоятельствъ и предразсудковъ, или героемъ, или разбойникомъ. Но и такія качества были безполезны безъ знанія мѣстности и здоровья—безъ знанія мѣстности до малѣйшихъ подробностей, а palmas, по выраженію Испанцевъ, непереводимому ни на какой языкъ. «Видите ли этотъ «каменный мостъ, сказалъ Зумала-Кареги одному «Англійскому офицеру: онъ лежитъ на проселочной «дорогѣ, онъ нуженъ только въ дождливое время «года. Но спросите Мину, онъ не запинаясь скажетъ «вамъ, сколько людей можетъ укрыться въ засадѣ «подъ этимъ мостомъ, сколько пороху нужно, чтобъ «взорвать его въ случаѣ нужды.» Здоровье принадлежитъ къ необходимымъ условіямъ для успѣховъ военачальника. Если бы Цесарь занемогъ въ день Фарсальскаго сраженія, а Наполеонъ 18 Брюммера, то Провидѣніе вывело бы изъ толпы другихъ людей. Для партизана же, какъ говари-

валъ партизанъ Фингеръ, здоровье такъ необходимо, какъ молодость для любви. Часто монахъ или кура * въ проповѣди училъ Гверильясовъ повиновенію. Случалось, что Кабесилья самъ восходилъ на церковную каѳедру, распространялся о своихъ побѣдахъ, оправдывался въ своихъ неудачахъ и оканчивалъ убѣжденіями, что повиновеніе съ оружіемъ въ рукахъ необходимо, что Гверильясы повинуются не начальнику, а присягѣ, данной законному государю. Можно привести нѣсколько примѣровъ, какъ Гверильясы, взбунтовавшіеся, но увѣренные въ достоинствахъ своего начальника, увидя приближающихся Французовъ, приходили къ нему просить прощенія, подобно взбунтовавшимся матросамъ, вспомнившимъ въ приближеніе бури свою обязанность, и выдавшимъ капитану начальниковъ возмущенія, вѣря, что только онъ можетъ распоряжаться кораблемъ во время бури.

Для неопытнаго войска въ начальникѣ потребно особенное мужество, безъ котораго онъ легко погибнетъ, что и случалось во время междоусобій въ Испаніи. Не смотря на это можно насчитать до двухъ сотъ Кабесильевъ, ставшихъ извѣстными; остальные появлялись и исчезали съ волнами событій; одни изъ этихъ остальныхъ оставили по себѣ, на мѣстахъ своихъ поисковъ, нѣсколько спасительныхъ уроковъ—ибо

* *Cura* — священникъ.

теряли жизнь или начальство, то принимая свое нетерпѣніе за вдохновеніе; то слѣдуя правиламъ благоразумія въ такую минуту, которая требовала одной дерзости; то—покорясь поперемѣнно двумъ противнымъ чувствамъ: страху отвѣтственности и стыду бездѣйствія—не избѣжали ни того, ни другаго. Другіе изъ этихъ остальныхъ, сражаясь съ честію, но безъ славы, оставили по себѣ, на мѣстахъ своихъ поисковъ, нѣсколько прекрасныхъ воспоминаній. Въ такихъ воспоминаніяхъ, памятныхъ жителямъ немногихъ деревень и часто не доходящихъ до новаго поколѣнія, заключается слава большей части народныхъ партизановъ. Она то же, что слава какаго-нибудь тиральера: онъ, заряжая и прицѣливаясь, воспламеняется отъ мысли, что на него смотрятъ два-три товарища; какъ полководецъ, распоряжаясь въ сраженіи, воспламеняется отъ мысли, что на него обращено вниманіе цѣлой арміи. Но чаще одни непріятели бываютъ свидѣтелями подвиговъ тиральера; онъ платитъ за нихъ жизнію, не оставляя своего имени въ разсказахъ о военныхъ подвигахъ. Есть чудные примѣры, что въ приближеніе опасности, грозящей больше, нежели лишеніемъ жизни, глаза глупца загораются отъ чего-то, похожаго на разумъ, даръ слова украшаетъ его рѣчи, вдохновеніе облагораживаетъ его черты. Въ такія мгновенія Кабесилья, стоявшій ниже людей посредственныхъ, совершалъ подвигъ блистательный, о которомъ говорили въ Палатѣ Кортецовъ и даже за обѣдомъ Веллингтона. Но только на нѣсколько мгно-

веній изъ всей жизни умъ освѣтилъ голову этаго Гверильяса, и ему удалось совершить только одинъ подвигъ, какъ иногда глупцу удается во всю жизнь сказать одно умное слово. Партіи Гверильясовъ были составлены изъ людей разнаго званія и возраста, и потому каждое званіе, каждый возрастъ имѣли своихъ представителей между начальниками. Изъ грандовъ только Герцогъ Магонскій, потомокъ Крильона, является между начальниками Гверильясовъ, и то Гверильясовъ, сражавшихся за короля Іосифа. Изъ Кабесильевъ-старшовъ прославился одинъ Гернандецъ. Онъ извѣстенъ въ исторіи и въ народныхъ пѣсняхъ подъ прозвищемъ el buello—Дѣдушки. «Въ «нашей Ламанчѣ былъ Гверильясъ такой старый, что «въ Ламанчѣ не много осталось деревьевъ, видѣв- «шихъ его дѣтство; такой старый, что его расказы «касались времени, не памятнаго другимъ стари- «камъ—и они величали его Дѣдушкой. Французы «совѣстились поднимать руки на него, дряхлаго «старика, который могъ обороняться только крикомъ, «подобно ребенку; но дряхлость Дѣдушки походила «на филиграновыя ножны, въ которыхъ Толедскій «клинокъ ждетъ врага. Медленны были шаги Дѣду- «шки; его опережали и женщины и дѣти; но онъ «сохранилъ смѣлость юноши, и медленные шаги до- «водили его до поля побѣды, какъ они доводятъ «дряхлаго пилигрима до мощей, почивающихъ на «концѣ Христіанскаго міра.» Изъ начальниковъ Алпухарахскихъ Горцевъ исторія замѣтила однаго молода-

го человѣка, сражавшагося безъ славы и умершаго тоже безъ славы: въ 1817 году два офицера Испанской гвардіи пошли съ ружьями на охоту; одинъ неумышленно застрѣлилъ другаго; застрѣленный былъ помянутый начальникъ Алпухарахскихъ Горцевъ, Графъ Мотецума, послѣдній потомокъ Мексиканскихъ императоровъ. Вообще начальники Гверильясовъ, независимо отъ своихъ подвиговъ, замѣчательны тѣмъ, что вполнѣ выражаютъ характеръ своего времени. Почти всѣ были изъ хижинъ, горныхъ пещеръ выброшены на-встрѣчу непріятелю страстями или обстоятельствами; пять-шесть человѣкъ были выброшены съ двумя дарами: съ мужествомъ столь блистательнымъ, что во времена рыцарства они заняли бы мѣсто въ его военной миѳологіи; со способностію привлекать къ себѣ толпы, походящею на силу магнетизма, и составляющею неотъемлемую собственность ума, характера счастливцевъ, одаренныхъ ею, составляющею даже и въ такомъ случаѣ, когда эти счастливцы чужды честолюбія. Не получа образованія, вполнѣ замѣнили его здравымъ смысломъ; и можетъ быть, они, отъ необработанности своего ума, были способнѣе производить неожиданное, выходившее изъ обыкновеннаго круга, и чаще посѣщались тѣми вдохновеніями, передъ которыми ничто вся ученость, вся начитанность, и тактика и политика — ученость и начитанность, нерѣдко ослабляющія въ человѣкѣ то, что дается природой, и чего нельзя пріобрѣсть ученіемъ. Преданія много

невѣроятнаго придали къ ихъ подвигамъ; но невѣроятное придается только къ подвигамъ людей, вышедшихъ изъ обыкновеннаго круга. Таковы были: два Мины, Эмпесинадо, Мерино, Жорегп, во многомъ сходные съ начальниками Флибустьеровъ и Буканьеровъ, начальниками, сдѣлавшимися ужасомъ Американскихъ морей, но въ началѣ своего поприща принесшими на разбойничій корабль одно мужество и абордажный топоръ.

Блистательные эпитеты, данные современниками историческимъ лицамъ, рѣдко подтверждаются потомствомъ; за-то оно никогда не возражаетъ противъ прозвищъ другаго рода, тоже данныхъ современниками историческимъ лицамъ, прозвищъ, означающихъ какое-нибудь физическое свойство, на пр: плѣшивый, толстый. Такъ остались въ исторіи и подтверждены потомствомъ прозвища, данныя начальникамъ Брабансоновъ, Флибустьеровъ, Вандейцевъ и Гверильясовъ. Въ средніе вѣка, вассалы, не довольные властелиномъ своимъ, уходили отъ него, собирали около себя толпу и принимали имена, выражающія силу, дерзость, жестокость: brise-tête, pourfendeur. Флибустьеры, окатясь морскою водою, при переходѣ черезъ экваторъ, почитали себя переродившимися, и свои фамильныя имена замѣняли другими. Вандейскіе крестьяне въ войну съ республиканцами принимали имена, означавшія или приверженность къ Бурбонамъ: fleur de Lis, coeur

de Roi; или оружіе, которымъ Вандеецъ дѣйствовалъ искуснѣе своихъ товарищей: la massue; или отличительную черту характера: le tranquile; нерѣдко принимали имена изъ временъ рыцарства, особливо Ричарда Львиное-сердце; потому-что въ Вандеѣ сохранилось преданіе, какъ этотъ король былъ лишенъ престола мятежниками, и Вандейцы находили сходство между судьбами Ричарда и своихъ Бурбоновъ. Въ Испаніи же между народомъ существуетъ старинное обыкновеніе замѣнять прозвищами имена людей, даже цѣлыхъ селеній; почему многіе начальники Гверильясовъ стали извѣстны подъ прозвищами, данными имъ народомъ; — такъ-что исторія не сказываетъ именъ тѣхъ Кабесильевъ, которые прославились меньше другихъ. Эти прозвища означаютъ нравственное качество, особенность наружнаго вида, любимое оружіе, чаще же происхожденіе: empecinado—засмоленый, marquisetto—маленькій маркизъ, el pignal—кинжалъ, el buello—дѣдушка, el cosinero—поваръ, el medico—лекарь, el pastor—пастухъ, chaleco—жилетка, calzonero—нижнее платье, el mancheco—сухорукій.

Начальники Гверильясовъ составляли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ единственное утѣшеніе бѣдствующей Испаніи; за ихъ здоровье пили на бивакахъ Шилля и Герцога Брауншвейгскаго; въ высшемъ кругу Вѣнской аристократіи называли по именамъ простыхъ людей, такъ сражавшихся за короля Испанскаго, какъ Австрійское дворянство въ 1745

году сражалось за Марію Терезію. Въ 1810 году Наполеонъ осматривалъ крѣпостныя работы въ Флиссингенѣ; одинъ изъ работниковъ, плѣнный Испанецъ, бросивши свой заступъ, подошелъ къ Наполеону съ упреками. «Это долженъ быть начальникъ Гверильясовъ», шептали придворные, удивленные смѣлостію Испанца. Словомъ, въ Европѣ было время, когда начальники Гверильясовъ удивляли политика, возбуждали зависть въ полководцѣ, побѣжденномъ Французами, и подавали надежду на избавленіе народамъ, недовольнымъ Наполеоновымъ могуществомъ. Къ чести человѣчества надобно бы было, чтобъ исторія, подобно роману, не шла далѣе, какъ скоро герой достигнетъ своей цѣли; тогда многихъ черныхъ и кровавыхъ пятенъ не было бы на біографіяхъ Кабесильевъ. Они, почти безъ исключенія, вмѣшивались въ каждую междоусобную смуту своего отечества, и были постигнуты судьбами столь печальными, какъ судьбы тѣхъ людей, о которыхъ любятъ говорить въ обществахъ; потому-что они служатъ примѣромъ прихотей счастія. Начальники Гверильясовъ, почти безъ исключенія, подобно начальникамъ Вандейцевъ, погибли въ сраженіяхъ междоусобной войны, на мѣстахъ казни, или въ ссылкѣ. Біографическія свѣдѣнія о нихъ тѣмъ больше могутъ быть любопытными, что они, сверхъ воинскихъ подвиговъ, замѣчательны въ литературномъ отношеніи, какъ герои любимыхъ пѣсень Испанскаго народа, а въ отношеніи нравственномъ — какъ люди, доказывающіе своими судьбами, что не долженъ на-

дѣяться тотъ на радости и на долголѣтіе, кто принимаетъ участіе въ смутахъ переворотовъ. Мы предлагаемъ біографическія извѣстія о больше прославившихся, какъ то: объ Одонелѣ, Ласси, Эролесѣ, Сарсфильдѣ, Порлье, Минѣ-студентѣ, Минѣ-старшемъ, Жореги, Эмпесинадо и Мерино.

Коренной законъ, подчинившій Каталонское ополченіе—Сомателовъ и Микелитовъ—генералъ-капитанамъ, придалъ дѣйствіямъ Каталонцевъ такое единство, какаго не имѣли Гверильясы другихъ областей. Но власть генералъ-капитановъ надъ Каталонскимъ ополченіемъ зависѣла отъ степени вліянія, пріобрѣтеннаго ихъ воинскимъ счастіемъ и наѣздничествомъ. Мы сказали—наѣздничествомъ, потому-что полководецъ, очутившійся по какому-нибудь случаю въ рядахъ партизановъ, долженъ показать, что ему не чуждо ихъ дѣло, какъ полководецъ, пріѣхавшій на батарею во время дѣйствія, долженъ показать, что онъ артиллеристъ. По крайней мѣрѣ такъ поступалъ Наполеонъ, такъ поступитъ каждый генералъ, знающій больше одной малой тактики того рода войска, въ которомъ онъ заслужилъ свои эполеты.

Къ счастію Каталоніи, она имѣла двухъ генералъ-капитановъ, Одонеля и Ласси, соединявшихъ таланты полководцевъ съ молодечествомъ партизановъ. Оба молодые люди, потомки Ирландскихъ Якобитовъ; оба въ обдуманной жестокости не уступали своимъ прежъ-

нимъ соотечественникамъ, Ирландскимъ католикамъ, ожесточавшимся въ каждую междоусобную смуту. Оба принадлежатъ къ числу замѣчательныхъ воиновъ, вышедшихъ изъ поколѣнія Якобитовъ, оставившихъ Англію. Начиная съ герцога Бервика, заплатившаго Франціи побѣдами за гостепріимство, до генерала Огилвія, служившаго въ Россіи, почти каждый Якобитъ принесъ на чужую землю одно оружіе и предложилъ его чужимъ государямъ въ замѣнъ или пропитанія, или тѣхъ правъ, которыми онъ пользовался въ своемъ отечествѣ. И послѣ Куллоденскаго сраженія не одинъ Якобитъ завѣщевалъ сыну посвятить себя военной службѣ, чтобъ опытнымъ воиномъ сойти на Англійскій берегъ, когда Богу будетъ угодно развернуть на немъ знамена Стуартовъ. Многія тысячи Якобитовъ погибли на войнахъ за Испанію и Францію; нѣкоторые изъ нихъ съ отличіемъ служили въ Русской арміи. Въ началѣ нашего столѣтія на бивакахъ Французскихъ и Австрійскихъ потомки Якобитовъ-изгнанниковъ еще пѣли Gott save the king, пѣснію-молитву, сложенную ихъ предками во дворцѣ Лудовика XIV. Англійскія газеты въ 1813 году замѣтили, что нѣсколько Англичанъ, обучавшихся въ Саламанкскомъ Университетѣ, были первыми изъ поколѣнія Якобитовъ поступившими въ службу Ганноверскаго Дома. Два фельдмаршала Ласси, одинъ Австрійской, другой Русской службы; Кентъ, одинъ изъ лучшихъ генераловъ Фридерика II, Макдональдъ,

благороднѣйшій изъ Наполеоновыхъ маршаловъ, суть больше прославившіеся потомки Якобитовъ.

Одонель, мученикъ честолюбія, превышавшаго его способности, за отличіе при первой Сарагосской осадѣ произведенъ въ бригадные генералы. Сдѣлавшись генералъ-капитаномъ Каталоніи, умѣлъ въ высшей степени пріобрѣсть любовь Каталонцевъ притворной набожностію и тѣмъ дерзкимъ мужествомъ, съ которымъ человѣкъ тогда видитъ опасность, когда она пройдетъ. За побѣду при Абисбалѣ Каталонцы его назвали спасителемъ отечества. Но послѣ, средп междоусобныхъ смутъ, онъ получилъ другое названіе, означавшее его характеръ, названіе Испанскаго Талейрана. Награжденный за свою побѣду титуломъ графа Абисбальскаго, онъ вскорѣ былъ смѣненъ за нѣсколько неудачь, послужившихъ Каталонской юнтѣ благовиднымъ предлогомъ избавиться отъ такаго полководца, который не терпѣлъ ни равныхъ себѣ, ни высшихъ. Начальствуя пѣхотной дивизіей, онъ съ отличіемъ сражался при Саламанкѣ и Витторіи. Въ новѣйшей Испанской исторіи графъ Абисбальскій замѣчателенъ тѣмъ, что всѣ политическія партіи, раздиравшія Испанію, постоянно приписывали ему таланты первокласснаго полководца и умъ государственнаго человѣка, хотя онъ не доказалъ ни того, ни другаго. Подобные баловни общаго мнѣнія не рѣдки, потому-что каждый боится утвержденіемъ противнаго показать, что онъ не довольно уменъ для

того, чтобъ оцѣнить умъ другаго. Занимая первыя мѣста въ государствѣ, графъ Абиспальскій служилъ попеременно всѣмъ партіямъ, и по крайней мѣрѣ по одному разу обманулъ каждую изъ нихъ. Фердинандъ VII осудилъ его на изгнаніе. При королевѣ Христинѣ, боясь мщенія обманутыхъ имъ, Одонель не смѣлъ воспользоваться позволеніемъ возвратиться въ Испанію. Его друзья и враги были согласны, что онъ умретъ прежде времени отъ той неизлечимой горести, которую, въ поученіе людей, Небо посылаетъ падшимъ честолюбцамъ. Но друзья и враги графа Абиспальскаго обманулись: семеро Одонелей, сыновей и родныхъ племянниковъ графа, вмѣшались въ междоусобную войну; четверо убиты подъ начальствомъ Зумала-Карегн, одинъ разстрѣлянъ Карлистами, другой, любимый сынъ графа, разстрѣлянъ либералами, и газета, извѣщавшая о его казни, была въ рукѣ отца, убитаго параличемъ.

Лассн, будучи кавалерійскимъ капитаномъ въ 1803 году, исключенъ изъ службы за нѣсколько неосторожныхъ словъ о Князѣ Мира. Не имѣя куска хлѣба, потерявъ надежду быть чѣмъ-нибудь въ своемъ отечествѣ, Лассн, пѣшкомъ, съ нищенской сумой пришелъ въ Наполеоновъ Булонскій лагерь и опредѣлился рядовымъ въ пѣхотный полкъ; вскорѣ былъ замѣченъ маршаломъ Бертье, и Наполеонъ, узнавши о причинѣ бѣгства Лассн изъ Испаніи, произвелъ его въ капитаны. Въ 1808 году, начальствуя Француз-

скимъ пѣхотнымъ полкомъ, Ласси вступилъ въ Испанію; по возстаніи Испанцевъ, перебѣжалъ къ нимъ и вступилъ въ военную службу прежнимъ капитанскимъ чиномъ; но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ достигъ степени бригаднаго генерала. Во всѣхъ большихъ сраженіяхъ, отъ начала войны до бѣгства верховной юнты въ Кадиксъ, было замѣчено, что одна бригада Испанской пѣхоты больше другихъ выдерживала натиски кавалеріи, искуснѣе другихъ маневрировала подъ огнемъ батарей, и съ меньшимъ разстройствомъ отступала послѣ пораженія. Этой бригадой начальствовалъ Ласси. Въ 1809 году, онъ, какъ ученѣйшій изъ Испанскихъ генераловъ, занялъ должность генералъ-квартермистра, потомъ смѣнилъ Одонеля въ Каталоніи. Въ 1817 году Ласси за мятежническіе замыслы былъ осужденъ на смерть. Приговоръ, по уваженію прежней его службы, смягченъ былъ осужденіемъ его въ ссылку на одинъ изъ Балеарскихъ острововъ, гдѣ онъ и умеръ. На кладбищѣ одной приморской деревеньки жители Минорки показываютъ мореходцамъ могилу Ласси. Въ 1820 году, при торжественномъ въѣздѣ короля въ Мадридъ, кто-то изъ народной толпы поднялъ пятилѣтняго мальчика, чтобъ показать его королю. Этотъ мальчикъ былъ сынъ Ласси.

Эролесъ, богатѣйшій помѣщикъ въ Каталоніи, на 26-мъ году, уже будучи отцемъ семейства, покинулъ гражданскую службу для войны Гверильясовъ. Онъ, косой, малорослый, смуглой какъ мулатъ, безъ дара

выражать свои мысли, удивлялъ на войнѣ тѣхъ людей, для которыхъ кажется рѣдкимъ явленіемъ молодой богачь, презрѣвшій свѣтскія и семейныя удовольствія, чтобы подвергаться такимъ опасностямъ, отъ которыхъ пятится человѣкъ, утомленный одиночествомъ и бѣдностію. Въ 1821 году Эролесъ возсталъ противъ Кортецовъ съ толпами горныхъ Каталонцевъ, принявшихъ великолѣпное названіе Арміи Вѣры. Нѣсколько времени извѣстіе о дѣйствіяхъ Эролеса было любопытной статьей въ газетахъ и важной депешей въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ; но вскорѣ онъ, разбитый Миной, бѣжалъ во Францію съ остатками Арміи Вѣры, чтобы, по словамъ Роялистскихъ газетъ того времени, просить не убѣжища, а оружія для новыхъ сраженій. Въ 1823 году Эролесъ, предводительствуя своими Каталонцами, вступилъ въ Испанію съ арміей Герцога Ангулемскаго; но ни однимъ блистательнымъ подвигомъ не уменьшилъ того прискорбнаго чувства, которое одолѣваетъ воина, вступающаго въ отечество подъ непріятельскими знаменами. Что стало съ Эролесомъ по окончаніи войны 1823 года, о томъ не позаботились узнать тѣ самые люди, которые такъ недавно величали его новымъ Монкомъ, и наполняли газетные столбцы описаніемъ подвиговъ Эролеса, какъ Гверильяса въ войнѣ съ Наполеономъ и какъ главнокомандующаго въ войнѣ съ Кортецами.

Можетъ быть, на твердой землѣ Европы еще найдется нѣсколько человѣкъ изъ поколѣнія Якобитовъ-изгнанниковъ, не забывшихъ, какъ назывались помѣстья ихъ предковъ, доставшіяся Ганноверскому Дому; но Сарсфильдъ едва ли не былъ послѣднимъ изъ этаго поколѣнія, знавшимъ языкъ своихъ предковъ-Ирландцевъ, вѣроятно отъ того, что бѣдность была удѣломъ его дѣда и отца; ибо изгнанникъ, котораго почести и богатства, пріобрѣтенныя въ чужой землѣ, не разучили любить прежняго отечества, передаетъ дѣтямъ его языкъ, какъ единственное благо, не отнятое завоевателемъ; какъ единственное наслажденіе, не отнятое бѣдностію, наслажденіе разбирать пергамены, данные предкамъ на титулы и помѣстья, и говорить съ соотечественникомъ о родинѣ на родномъ языкѣ. Родясь въ нищетѣ, не получа никакаго образованія, Сарсфильдъ рано вступилъ въ военную службу, и сдѣлался извѣстенъ, какъ человѣкъ представлявшій странную смѣсь причудъ и талантовъ, дѣятельности и распутства. Въ своей молодости онъ выдержалъ нѣсколько поединковъ съ Англичанами, не хотѣвшими согласиться съ нимъ въ томъ, что законнымъ государемъ Англіи должно признавать не курфюрстра Ганноверскаго, живущаго въ Сент-Жемскомъ Дворцѣ, подъ именемъ Георга III; но Генриха IX, живущаго въ одной изъ Римскихъ виллъ, подъ именемъ кардинала Іоркскаго. По смерти кардинала Іоркскаго, Сарсфильдъ, уже будучи генераломъ, неохотно принималъ въ Испанскую служ-

бу Ирландцевъ, выгоняемыхъ бѣдностію изъ своего отечества, говоря, что по смерти кардинала Іоркскаго, какъ послѣдняго Стуарта, они должны служить Ганноверскому Дому. Рѣшительно каждому Ирландцу, приходившему съ желаніемъ вступить въ Испанскую армію, Сарсфильдъ предлагалъ поединокъ на сабляхъ до первой крови, и если Ирландецъ, принявшій вызовъ, неустрашимо отражалъ удары, то, по окончаніи поединка, Сарсфильдъ сажалъ его рядомъ съ собой, напивался за здоровье храбраго соотечественника и принималъ его въ службу. Считаясь лучшимъ пѣхотнымъ генераломъ Испанской арміи, Сарсфильдъ на вахтпарадахъ и на войнѣ не могъ иначе распоряжаться, какъ въ полпьяна. Въ 1811 году, находясь съ своими Гверильясами близъ Барцелоны, занятой Французами, Сарсфильдъ ударился объ закладъ, что онъ въ генеральскомъ мундирѣ, среди дня, подскачетъ къ Барцелонскимъ воротамъ и вобьетъ въ нихъ гвоздь. Сѣлъ на лошадь, взялъ молотъ съ гвоздемъ, и, приказывая офицерамъ своего штаба слѣдовать за собою, поскакалъ къ Барцелонскимъ воротамъ. Не прежде могли остановить его, какъ уже большая часть офицеровъ была перебита выстрѣлами гарнизона, удивленнаго страннымъ явленіемъ генерала съ молотомъ и гвоздемъ. Въ 1821 году Сарсфильдъ, подъ начальствомъ Мины, сражался противъ Эролеса; въ 1823 году передался Французамъ. Онъ пользовался довѣренностію Фердинанда VII, поручившаго ему въ 1827 году наблюдательную армію

на Португальской границѣ. Не уваживъ мнѣнія многихъ важныхъ лицъ своей партіи, королева Христина назначила Сарсфильда главнокомандующимъ арміи противъ Дона Карлоса. Послѣ маловажныхъ неудачъ Сарсфильдъ былъ удаленъ отъ арміи и назначенъ генералъ-капитаномъ Наварры; это былъ важный постъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ королевства. Но въ то же время враждебная Сарсфильду политическая партія включила въ число своихъ жертвъ этаго старика, приблизившаго къ себѣ смерть и трудами на войнѣ и распутной жизнію. Въ Октябрѣ 1834 года Сарсфильдъ, по своему обыкновенію опорожнивши за ужиномъ не одну бутылку вина, лежалъ на постели. Вдругъ ворвались къ нему злодѣи и, нанося удары полководцу, не имѣвшему силы поднять руки для обороны, смѣялись надъ бормотаньемъ его языка, связаннаго виномъ. Трупъ Сарсфильда, исколотый и изрѣзанный, убійцы выбросили на улицу для того, чтобъ, такъ говорили они, очистить домъ для другаго, достойнаго генералъ-капитана; Ирландцы подняли трупъ своего соотечественника. Правительство озаботилось, чтобъ Сарсфильдъ былъ погребенъ съ воинскими почестями; на подушку, несенную за гробомъ съ орденами, одинъ изъ Ирландцевъ положилъ замѣчательную монету, найденную у покойника, и которую онъ, можетъ быть, цѣнилъ дороже орденовъ. Уже померли люди, хранившіе экземпляры этой монеты какъ святыню; теперь они сохраняются въ кабинетѣ королей Англійскихъ и въ

хижинѣ Шотландскаго Горца какъ рѣдкость, при видѣ которой никто не чувствуетъ благоговѣнія — у многихъ готова насмѣшка. Эта монета заключаетъ въ себѣ послѣднее возраженіе послѣдняго Стуарта противъ правъ Ганноверскаго Дома; на одной ея сторонѣ гербъ Англіи, а на другой кардиналъ Іоркскій въ королевской мантіи и коронѣ; кругомъ надпись: по милости Божіей, а не по человѣческой прихоти, Генрихъ IX, король Англійскій, Французскій, Шотландскій и Ирландскій.

Послѣ Бургосскаго сраженія кавалерійскому офицеру Порлье было поручено собрать въ окрестностяхъ Валенціи разбѣжавшихся солдатъ. Исполняя данное порученіе, онъ увидѣлъ себя съ нѣсколькими десятками пѣхотинцевъ, кавалеристовъ, артиллеристовъ отрѣзаннымъ отъ Испанской арміи; смѣло между Французскими колоннами прокрался въ горы, и въ Генварѣ 1809 года первый началъ партизанскія дѣйствія въ Астуріи; продолжая ихъ до конца войны, достигъ генералъ-лейтенантскаго чина. Порлье, по прозвищу Marquisetto (маленькій маркизъ), родился въ Американской Карѳагенѣ; будучи образованъ для морской службы, сражался при Трафалгарѣ. Наполеонъ могъ бы привести Порлье въ доказательство своего мнѣнія, что люди малаго роста вообще превосходятъ дѣятельностію физической и умственной людей большаго роста. Писатели, говорившіе о первыхъ годахъ царствованія Фердинанда VII, любили останав-

ливаться на Порлье, какъ на человѣкѣ замѣчательномъ по многимъ отношеніямъ, и не забыли романической любви къ нему богатой наслѣдницы, которой мать потребовала отъ Порлье-женпха доказательства на его дворянство. Онъ вмѣсто пергаменовъ прислалъ ей свою саблю. Въ 1816 году правительство перехватило письмо Порлье, обличавшее его въ мятежническихъ замыслахъ. Онъ былъ казненъ. «Сражаясь мно«го лѣтъ, говоритъ народная пѣсня на смерть Порлье, «онъ думалъ, что вопли раненыхъ Французовъ будутъ «послѣдними звуками, дошедшими до него въ этомъ «мірѣ; но онъ обманулся, какъ еще никто не обманывался,» и проч. Наполеонъ, прочитавши въ газетахъ о казни Порлье, предрекъ, что скипетръ ускользнетъ угремъ изъ рукъ Фердинанда VII.

Два Испанца такихъ лѣтъ, въ которыя Наполеонъ еще не оставлялъ Бріенскаго училища, почти въ одно время явились на военномъ поприщѣ: одинъ воевалъ нѣсколько недѣль, другой нѣсколько мѣсяцевъ; не смотря на это и на ихъ раннюю молодость, оба, по причинамъ, совершенно противоположнымъ, заняли мѣсто въ военной исторіи.

Одинъ изъ этихъ Испанцевъ графъ Бельведеръ, которому въ хорошемъ полку не повѣрили бы взвода, по какимъ-то связямъ, о которыхъ молчатъ Испанскіе писатели, чтобъ не запятнать отечественной исторіи, получилъ начальство надъ 17-ти ты-

сячной арміей, составленной изъ лучшихъ Испанскихъ войскъ того времени и притомъ вооруженныхъ Англійскими ружьями. Съ легкомысліемъ школьника, ставящаго на карту всѣ свои деньги, графъ Бельведеръ поставилъ на полѣ сраженія свою армію, потерялъ ее въ нѣсколько недѣль, и отъ преслѣдованія непріятельской конницы и отъ негодованія соотечественниковъ спасся въ свои помѣстья. Исторія не удостоила замѣтить, чего достигъ графъ Бельведеръ въ своихъ зрѣлыхъ лѣтахъ, черезъ связи, доставившія ему, девятнадцатилѣтнему, начальство надъ арміей.

Другой изъ этихъ двухъ Испанцевъ, бывшій годомъ или нѣсколькими мѣсяцами моложе перваго, сынъ Наваррскаго крестьянина, Мина el mozo, младшій, больше извѣстенъ подъ именемъ Мины-студента. Онъ, застигнутый войной среди раздумья, опоясаться ли ему веревкой св. Франциска, или положить на плечо карабинъ контрабандиста, смѣло бросилъ на поля сраженій свои осмнадцать лѣтъ съ ихъ студенческими оргіями, съ поединками и серенадами. Лѣтомъ 1808 года Мина съ двенадцатью товарищами началъ партизанить въ окрестностяхъ отцовскаго дома; послѣ первыхъ встрѣчь съ Французами двенадцать товарищей выбрали Мину въ свои начальники; съ каждымъ новымъ успѣхомъ увеличивалось число его Герильясовъ; съ числомъ Герильясовъ увеличивались его успѣхи, такъ-что въ началѣ 1810 года Французы съ удивленіемъ увидѣли, что Наварра, до того времени

покорная побѣдителямъ, вся взялась за оружіе, даже не исключая деревень, ближайшихъ къ Пампелунѣ, занятой Французами, и повинуется какому-то студенту такъ безпрекословно, какъ Европейская армія своему главнокомандующему. Лучшій Испанскій историкъ нашего времени графъ Торрено называетъ смѣлость и дѣятельность Мины-студента чрезвычайными. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, какъ будто предчувствуя, что ему не суждено дожить до зрѣлыхъ лѣтъ, спѣшилъ наполнить воинскими подвигами и дни и ночи молодой жизни. Генералъ Гарисп, которому въ Декабрѣ 1809 года было поручено преслѣдовать Мину-студента, съ досады на свои тщетныя усилія, назвалъ его въ одной изъ своихъ депешъ дерзкимъ мальчишкой. Въ самомъ дѣлѣ Мина-студентъ оправдывалъ это названіе; ибо съ усиліями отчаянія пробивался сквозь Французскіе отряды къ Бидасоѣ, и съ часовыми, охранявшими Французскій берегъ этой рѣки, заводилъ перестрѣлку единственно для того, чтобъ имѣть удовольствіе бросить нѣсколько пуль на землю Наполеоновой имперіи. Презирая явною опасностію, прокрадывался съ храбрѣйшими товарищами черезъ Французскую границу единственно для хвастовства, что его боевой конь отвѣдалъ воды Французскихъ рѣкъ. Не боясь своимъ молодечествомъ вызвать за собой погоню изъ Пампелуны, Мина-студентъ, въ ясный день, растянувши по скатамъ высотъ, лежащихъ на пушечный выстрѣлъ отъ Пампелуны, толпу плѣнныхъ или отбитый обозъ,

приказывалъ Гверильясамъ бить въ барабаны и играть на гитарахъ, чтобы вызвать Французовъ на крѣпостныя стѣны посмотрѣть трофеевъ дерзкаго мальчишки. Въ перестрѣлкахъ, ручныхъ схваткахъ, онъ повелительными тѣлодвиженіями и громкими приказаніями старался обратить на себя вниманіе Французовъ, и безпечно улыбался, когда въ перестрѣлкѣ обращались на него, какъ на начальника, дулы Французскихъ тираліеровъ; когда въ ручной схваткѣ искали его, какъ начальника, пики Французскихъ кавалеристовъ. Но этотъ дерзкій мальчишка, за нѣсколько мѣсяцевъ до того сидѣвшій на лавкѣ Сарагосскаго университета, принудилъ Французскаго губернатора Наварры заключить договоръ о размѣнѣ плѣнныхъ. Между-тѣмъ какъ Французы не обольстили ни одного Наваррца высокой цѣной, положенной ими за голову Мины студента, ихъ генералъ Дагу былъ обвиненъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Кто изъ генераловъ того времени принялъ бы равнодушно извѣстіе, что хотя одинъ изъ его подвиговъ обратилъ на себя вниманіе Наполеона? Успѣхи же Мины-студента встревожили Наполеона. Онъ предписалъ въ Февралѣ 1809 года лучшему изъ своихъ полководцевъ Сюше остановить свое наступательное движеніе въ Каталонію и повернуть въ Наварру, которой усмиреніе, по мнѣнію Наполеона, зависѣло отъ поимки Мины-студента. Между-тѣмъ, какъ Сюше отрядилъ трехъ генераловъ по разнымъ напра-

вленіямъ преслѣдовать Мину студента, онъ, переодѣтый, прокрался въ Пампелуну, посмотрѣть на торжественный въѣздъ Сюше въ этотъ городъ. Отъ излишней увѣренности въ своемъ счастіи, Мина 31 Марта 1809 года попался въ плѣнъ, и съ синими пятнами отъ прикладовъ и кулаковъ, которыми Французы били его, уже безоружнаго, былъ немедленно, по предварительному повелѣнію Наполеона, отвезенъ въ Венсеннскій замокъ, какъ непріятель, стоющій того, чтобъ стеречь его за тѣми же стѣнами, за которыми были заключены завоеватель Голландіи и побѣдитель при Гогенлиденѣ.

Тщетно надѣялся Наполеонъ, что плѣномъ Мины-студента кончится возстаніе Наварры. Въ Апрѣлѣ 1808 года молодой Наваррскій крестьянинъ гналъ мула, навьюченнаго мѣшками съ углемъ на ярмарку ближняго города. За спиной крестьянина висѣлъ карабинъ, котораго мѣткость онъ въ послѣдствіи хвалилъ въ аристократическихъ обществахъ Парижа и Лондона, расказывая, какъ съ своимъ карабиномъ гонялся по горамъ за дикими козами, какъ по удачной охотѣ разводилъ огонь на вершинѣ утеса, варилъ себѣ шеколатъ, и, усталый, засыпалъ, склоня голову на убитую козу. Этотъ молодой крестьянинъ, проходя мимо одной венты, услышалъ восклицанія нѣсколькихъ Наваррцевъ: «смерть Бонапарту! не хотимъ Іосифа!» — Что вамъ сдѣлалъ Бонапартъ? О какомъ

Іосифѣ говорите вы?—спросилъ молодой крестьянинъ своихъ соотечественниковъ. Они отвѣчали: «Бонапартъ взялъ въ плѣнъ короля Фердинанда, даетъ намъ въ короли своего брата Іосифа.» Въ продолженіе всей войны Испанцевъ съ Наполеономъ многое зависѣло отъ того, что молодой крестьянинъ, гнавшій мула, навьюченнаго мѣшками съ углемъ, при извѣстіи о плѣнѣ Фердинанда VII и о воцареніи Іосифа, остановилъ своего мула и сказалъ: «Буду воевать «съ Французами до тѣхъ поръ, пока не напою изъ «Сены моего мула съ Французской кокардой, прицѣ«пленной къ его уху.» Мулъ молодаго крестьянина не напился изъ Сены; за-то много Французскихъ кокардъ потопталъ конь Гверильяса Мины-старшаго, или лучше, Эспоца-и-Мины, ибо онъ на лбахъ множества Французовъ выжегъ раскаленнымъ желѣзомъ свое полное имя: Espoz-y-Mina. Его біографія замѣчательна тѣмъ, что онъ съ своей Европейской славой, съ своимъ вліяніемъ на судьбы отечества, всѣмъ обязанъ самому себѣ; ничѣмъ не обязанъ ни рожденію, ни воспитанію, ни благосклонности людей, снисканной униженіемъ или просто купленной.

Въ своихъ запискахъ, изданныхъ въ Лондонѣ 1826 года, Мина говоритъ, что онъ свое партизанское поприще началъ въ Маѣ 1808 года, въ окрестностяхъ своего дома, нанесеніемъ возможнаго вреда Французамъ. Это значитъ, что онъ не упускалъ слу-

чая убить Француза, если видѣлъ, что убійство останется ненаказаннымъ. Въ Февралѣ 1809 года вступилъ-было рядовымъ въ пѣхоту, но чрезъ нѣсколько недѣль убѣжалъ изъ полку и присталъ къ Гверильясамъ своего племянника Мины-студента. Когда же Мина-студентъ попался въ плѣнъ, то семеро Гверильясовъ избрали его дядю въ свои начальники. Въ Апрѣлѣ 1809 года число его Гверильясовъ возросло до нѣсколькихъ сотъ, а въ Сентябрѣ того жъ года гренадеры Французской гвардіи называли Мину королемъ Наваррскимъ, и около 30 тысячь Французовъ находились въ движеніи противъ Мины.

Ни объ одномъ изъ генераловъ нашего времени не было такъ много писано въ газетахъ и въ книгахъ, какъ о Минѣ. Одни писатели называютъ его Наполеономъ горной войны, причисляютъ его къ тѣмъ великимъ мужамъ, прославленнымъ древностію, которые жили для однаго отечества. Другіе писатели не отнимаютъ у Мины изъ качествъ истиннаго полководца только той дѣятельности, которая на войнѣ замѣняетъ силу; но рѣдко забываютъ присоединить къ имени Мины нѣсколько похвальныхъ эпитетовъ, изъ которыхъ самые умѣренные заключаются въ словахъ: счастливаго, предпріимчиваго. По мнѣнію простодушныхъ Горцевъ Испанскаго сѣвера, ихъ герой Мина не уступаетъ Бернарду дель Карпіо, убившему Роланда, и Бонапарту, ни въ умѣ, ни въ искуствѣ владѣть карабиномъ и ножемъ. Еще най-

дутся Испанцы, вѣрящіе народной молвѣ, что Наполеонъ, приведенный въ ужасъ подвигами Мины, предлагалъ ему, ни больше, ни меньше, какъ маршальскій жезлъ и все Фонтенебло съ дворцомъ, полями и лѣсами. Мина въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что онъ съ первыхъ чиселъ Апрѣля 1809 года до окончанія войны выдержалъ сто пятьдесятъ семь сраженій, кромѣ перестрѣлокъ и сшибокъ; частію перебилъ, частію взялъ въ плѣнъ больше сорока тысячь Французовъ. Путешественники, видѣвшіе Мину, соглашаются, что его лице ничего не обѣщало, что его глаза не сказывали, какія препятствія онъ одолѣлъ, какими опасностями онъ пренебрегъ; но порой, безъ видимой причины, его глаза вспыхивали, и свирѣпый взглядъ напоминалъ Мину, показавшаго, до какой степени безчеловѣчія можетъ быть доведена междоусобная война, и до какой смѣшной злобы можетъ унизиться воинъ, жадный крови. Этотъ свирѣпый взглядъ напоминалъ Мину, тѣлесно наказавшаго и выгнавшаго изъ монастыря сестеръ милосердія, за то, что онѣ ходили за ранеными непріятелями; разстрѣлявшаго престарѣлую женщину потому, что она мать непріятельскаго генерала, восмерыхъ лекарей, за то, что они лечили раненыхъ непріятелей, и наконецъ нѣсколько паръ воловъ, за то, что они везли непріятельскую артилерію, ускользнувшую отъ его преслѣдованія.

Въ 1814 году, по возвращеніи Фердинанда VII, оба Мины, какъ приверженцы Кортецовъ, убѣжали во Францію; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прокрались въ Наварру. Младшій склонилъ на свою сторону часть Пампелунскаго гарнизона; а старшій собралъ толпу Гверильясовъ; послѣ неудачной попытки захватить Пампелуну, оба снова бѣжали во Францію; арестованные по требованію Испанскаго посла, освобождены по приказанію Людовика XVIII, который назначилъ пенсію старшему Минѣ; младшій уѣхалъ въ Англію, гдѣ тоже была ему назначена пенсія правительствомъ. Наполеонъ въ 1815 году, по своемъ вступленіи въ Парижъ, отказалъ Минѣ въ паспортѣ на выѣздъ изъ Франціи, и, желая ли Мину привлечь въ свою службу, или только любопытствуя видѣть славнаго Гверильяса, назначилъ ему аудіенцію. «Я, пишетъ Мина въ своихъ запискахъ, почелъ грѣхомъ вступить въ какія-либо сношенія съ человѣкомъ, сдѣлавшимъ столько зла моему отечеству.» Мина, преслѣдуемый Наполеоновыми жандармами, бѣжалъ изъ Франціи, и воротился въ нее съ Бурбонами.

Мексиканскій конгрессъ въ 1816 году принялъ въ свою эрмію Мину-студента генералъ-лейтенантомъ. Онъ, мечтая повторить за Атлантическимъ Океаномъ свои Наваррскіе подвиги, послѣ нѣсколькихъ удачъ, былъ ложнымъ другомъ преданъ непріятелю, подвергнутъ пыткѣ и разстрѣлянъ въ Ноябрѣ 1817

года. Если бы генералъ Бонапартъ былъ убитъ на мосту при Лоди, то безъ сомнѣнія остался бы нерѣшеннымъ вопросъ: его побѣды были ли слѣдствіемъ геніальныхъ соображеній, или удачной дерзости. Разрѣшеніемъ подобнаго вопроса о Минѣ-студентѣ совѣстно отнять таланты у такаго воина, который, по своей ранней молодости, еще не умѣя вполнѣ ни страдать, ни наслаждаться, перенесъ за воинское счастіе, столь кратковременное, побои непріятельскихъ солдатъ и мщеніе завоевателя, давшаго ему испытать, что человѣкъ чѣмъ моложе, тѣмъ съ большимъ гнетомъ тюремная неволя падаетъ ему на душу и на тѣло. Совѣстно отнять таланты у такаго воина, который освободился отъ тюремщиковъ завоевателя, чтобъ тоску неволи замѣнить тоской изгнанія, безъ надежды когда-либо повидаться съ отечествомъ; переплылъ черезъ Океанъ, чтобъ за новое воинское счастіе, бывшее короче прежняго, перенести измѣну дружбы, муку пытки и позоръ казни. Можно сказать, что Мина-студентъ представляетъ странную смѣсь воинскихъ талантовъ съ легкомысліемъ юноши. Въ самомъ дѣлѣ, страннымъ долженъ былъ казаться Мексиканскимъ войскамъ ихъ полководецъ, любящій войну, какъ можетъ любить ее только юноша, радующійся и блеску оружія, свѣтящемуся отъ солнца, и топоту коней, ржущихъ на воздухѣ, радующійся всему, что есть живописнаго въ приготовленіяхъ къ сраженію, привлекательнаго въ его ужасахъ.

Въ залѣ Мексиканскаго Конгресса виситъ картина, представляюшая казнь Мины-студента. Англичанинъ, написавшій эту картину, далъ его лицу выраженіе дѣтской простоты и юношеской восторженности, выраженіе, напоминающее лучшія картины, представляющія юношей, умирающихъ за вѣру. Что рапира и мертвая голова для Германскаго студента, то для Испанскаго портретъ Мины-студента, еще въ студентческой одеждѣ, но уже съ челомъ и глазами, потемненными задумчивостію, предвозвѣщающею жизнь, полную тревогъ и страданій. Вотъ одинъ изъ романсовъ о Минѣ-студентѣ: «Дѣвушка! послушай, что «Mina-el-mozo, спѣша воевать, совѣтовалъ своей «Долоритѣ: бойся любить Гверильяса! Тебѣ, прижав«шейся къ нему, закутанному въ боевой плашъ, бу«детъ неслышно, какъ его сердце бьется для тебя. «Кончить поцалуя, досказать обѣта не дастъ труба, зо«вущая въ сраженіе. Война уведетъ его такъ далеко, «что тебѣ будетъ не съ кѣмъ переслать ему слова: *люблю*. «Онъ съ бивака на чужбинѣ пойдетъ въ церковь съ «своей невѣстой, а ты будешь цаловать его обручальное «кольцо. Но всего скорѣе война броситъ его въ мо«гилу, а ты будешь ждать свиданія.» «Дѣвушка! «я не Гверильясъ; моей молодости Бонапартъ не убьетъ «тюрьмою; я не поплыву за океанъ въ руки къ «палачамъ; люби меня, какъ Долорита любила Мину«студента; она говорила: лучше не жить, нежели «жить безъ надежды повидаться, безъ умѣнья разлю«бить. Сила молодости поддерживала жизнь Доло-

«риты столь же недолго, какъ свѣжесть росы поддер-
«живаетъ жизнь сломленнаго цвѣтка. Дѣвушка! лю-
«би меня, какъ Долорита любила Мину-el-mozo.»

Въ 1820 году, по возобновленіи Кортецовъ, стар-шій Мина получилъ въ управленіе Каталонію; мень-ше-нежели въ шесть недѣль онъ составилъ армію, и его побѣды надъ арміей Вѣры лишили Испанскихъ Роялистовъ надежды возстановить монархію безъ внѣшней помощи. Въ войну 1823 года славнѣйшіе начальники Гверильясовъ, прославившіеся въ войну за независимость, явились на военномъ поприщѣ, одни генералъ-капитанами, начальниками арміи или корпу-совъ, другіе по-прежнему Кабесильями. Но одинъ Ми-на поддержалъ свою прежнюю славу. Онъ съ 6.000 войска два мѣсяца отстаивалъ Каталонію отъ мар-шала Монсея, имѣвшаго 23.000 Французовъ и 7.000 Каталонцевъ Эролеса. Можно сказать, что одно имя Мины служило защитой Каталоніи. Сдавши Барцело-ну Монсею, Мина сѣлъ на Англійскій корабль, и когда вышелъ на берегъ въ Плимутѣ, то народъ, посадивъ его въ карету, выпрягъ лошадей и привезъ на себѣ въ гостинницу. Осенью 1830 года, съ тремя стами изгнанниковъ, Мина пробрался изъ Франціи въ Испанію; но имя Мины, столь громкое по ту сторону Пиринеи, привлекло къ нему не боль-ше двухъ сотъ Испанцевъ; воинское счастіе Мины, такъ ласкавшее его прежде, помогло ему уже не въ сраженіяхъ, а на побѣгѣ. Послѣ отчаяннаго сопротив-

ленія, онъ, отрѣзанный отъ Французской границы и окруженный со всѣхъ сторонъ, приказалъ своимъ спасаться въ-разсыпную. До пяти тысячь солдатъ и людей разнаго званія, подстрекаемыхъ политическою ненавистію и высокой цѣной, положенной за голову Мины, бросились со стаями собакъ отыскивать его въ лѣсахъ и горныхъ пещерахъ; тридцать часовъ онъ просидѣлъ въ разсѣлинѣ утеса, и, пробираясь во Францію, запятналъ своею кровію тѣ самые утесы, на которые нѣкогда онъ взбирался побѣдителемъ, преслѣдующимъ Наполеоновыхъ солдатъ.

Въ войну за независимость между Гверильясами Мины былъ молодой поручикъ; товарищи хвалили его мужество, но не замѣчали, что у молодаго поручика Наполеоновской подбородокъ, виски сжаты какъ у Цесаря, а черты лица, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ удивительное сходство съ изображеніями Ганнибала на древнихъ барельефахъ. Все это было замѣчено слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ войны за независимость, замѣчено людьми, видѣвшими въ бывшемъ молодомъ поручикѣ Гверильясовъ Мины великаго человѣка, назначеннаго Провидѣніемъ завоевать Испанію для Дона-Карлоса. То былъ Зумала-Кареги, создавшій армію Дона-Карлоса, единственный герой шестилѣтней междоусобной войны Христиносовъ съ Карлистами —регулярныхъ войскъ съ партизанами —войны безпощадной, на которой объ стороны искали меньше добычь, а больше крови, искали меньше

славы, и опять больше крови. Исторія не много представляетъ примѣровъ, чтобы передъ человѣкомъ, который при другихъ обстоятельствахъ не вышелъ бы изъ народной толпы, вдругъ открылось такое блистательное поприще, какое открылось передъ Зумала-Кареги. Гверильясъ въ своей молодости, начальникъ Гверильясовъ въ своихъ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ-было сдѣлалъ Наполеоновскій шагъ на пути къ своей цѣли—завоеванію Испаніи; но при второмъ шагѣ пуля положила его передъ стѣнами Бильбао. Ему умирающему чудилось, какъ Наполеону, что онъ предводительствуетъ войсками; онъ называлъ по именамъ своихъ генераловъ, приказывалъ войскамъ ударить на непріятеля. Но Наполеону чудились генералы уже умершіе, побѣды, одержанныя еще генераломъ Бонапартомъ; а Зумалѣ-Кареги чудилось его будущее сраженіе предъ Мадридскими стѣнами, о которомъ онъ, приступая къ осадѣ Бильбао, помышлялъ какъ о своемъ послѣднемъ сраженіи, долженствовавшемъ рѣшить вопросъ, кому царствовать въ Испаніи: Изабеллѣ II, или Карлу V. Когда Мина былъ назначенъ главнокомандующимъ противъ Зумалы-Кареги, Европа любопытствовала видѣть, что сдѣлаетъ въ 1835 году Гверильясъ 1808 года? Въ прежнемъ начальникѣ контробандистовъ, горныхъ пастуховъ станетъ ли талантовъ для начальства надъ арміей? Война Мины съ Карлистами замѣчательна по обстоятельствамъ, рѣдкимъ въ исторіи: Мина долженъ былъ завоевать такія области, въ которыхъ его имя вну-

шало страхъ и любовь; долженъ былъ сражаться на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ пріобрѣлъ всю свою славу; сражаться съ товарищами своей молодости, съ своими прежними подчиненными, которыхъ самъ научилъ военному искуству. Притомъ система войны, принятая Миной, была та самая, которой слѣдовали Наполеоновы генералы, сражаясь съ Миной; средства, употребленныя противъ него Зумалой-Кареги, были тѣ самыя, которыя Мина употреблялъ противъ Наполеоновыхъ генераловъ. Онъ находился въ положеніи человѣка, умѣющаго мастерски владѣть какимъ-нибудь оружіемъ, но принужденнаго употреблять другое, ему незнакомое оружіе; изнемогая отъ рака въ желудкѣ, Мина усиливалъ свою болѣзнь безплоднымъ гнѣвомъ на то, что противъ него обращены его собственные уроки; и оставленіе Миной начальства надъ арміей было слѣдствіемъ горькаго сознанія въ томъ, что онъ потерялъ надежду побѣдить самаго себя въ своихъ ученикахъ. На водахъ въ Монпелье посѣтители, прежде видавшіе Мину, хотѣли знать, отъ чего въ короткое время посѣдѣли его волосы, оголились его виски? Было ли это слѣдствіемъ физическаго утомленія, или той думы, глубокой и мятежной, въ которой министръ Мартинецъ де ла Роза обвинялъ Мину, утверждая, что если Мина побѣдитъ Зумалу-Кареги, то правительству надобно будетъ имѣть стотысячную армію, чтобы побѣдителя удержать въ повиновеніи. Мина умеръ въ 1817 году генералъ-капитаномъ Каталоніи; умереть

кстати—важное условіе славы; оно не выполнено Миной. Всѣ партіи, раздиравшія тогда Испанію, равнодушно приняли извѣстіе о его смерти, какъ о смерти человѣка, пережившаго ту эпоху своей жизни, въ которую можно было надѣяться на него, или должно было бояться его. При похоронныхъ почестяхъ, отдаваемыхъ Минѣ-полководцу, народъ жалѣлъ о Минѣ-Гверильясѣ.

Осенью 1809 года Французскіе фуражиры, на своемъ обратномъ пути, въ одной изъ Гипускойскихъ тѣснинъ, были встрѣчены пулями горныхъ пастуховъ и зубами ихъ собакъ, хватавшихъ за ноги всадниковъ и лошадей; собакъ рослыхъ и сильныхъ, привыкшихъ видѣть подъ своими лапами волка, уже не щелкающаго зубами, и человѣка съ прокусаннымъ горломъ. Оставя добычу и раненыхъ, фуражиры во всю прыть вынеслись изъ тѣснины; но едва остановились, почитая себя внѣ опасности, какъ были приведены въ безпорядокъ и обращены въ бѣгство ножами горныхъ пастуховъ и зубами ихъ собакъ. Этотъ случай, весьма обыкновенный въ горной войнѣ, замѣчателенъ тѣмъ, что пастухами-Гверильясами начальствовалъ въ первый разъ молодой пастухъ Жореги, сохранившій при чинѣ дивизіоннаго генерала прозвище el Pastor (пастуха). Жореги, меньше счастливый, можетъ быть, меньше предпріимчивый, нежели Мина, не уступаетъ ему въ способностяхъ къ горной войнѣ, и принадлежитъ къ весьма ма-

лому числу Гверильясовъ, стыдившихся убивать непріятелей внѣ сраженія. Онъ, изгнанный изъ Испаніи въ 1814 году, образовалъ себя десятилѣтнимъ пребываніемъ во Франціи и Англіи; въ 1834 году королева Христина назначила его начальникомъ легкой кавалерійской дивизіи, съ которой онъ принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Карлистами, и среди ея ужасовъ не измѣнилъ своему человѣколюбивому характеру. Нерѣдко полководцы Христиносовъ претерпѣвали пораженія отъ того, что не слѣдовали совѣтамъ генерала-пастуха. Карлистскіе Баски въ одной изъ своихъ любимыхъ пѣсень клялись, «что они изъ усовъ и черепа Мины «сдѣлаютъ щотку, чтобъ чистить лошадь Зумалы-Ка«реги, но волоса не тронутъ на головѣ генерала-«пастуха!» Англійскіе офицеры, бывшіе въ главной квартирѣ Христиносовъ, описываютъ Жореги веселымъ, толстымъ, созданнымъ по образцу велпкаго Фальстафа и больше походящимъ по своему обращенію на деревенскаго джентельмена, привыкшаго весело принимать сосѣдей, нежели на генерала легкой кавалеріи, нѣкогда знаменитаго начальника Гверильясовъ. «Я бы хотѣлъ, говоритъ одинъ изъ Англій«скихъ офицеровъ, имѣть Жореги товарищемъ на «дорогѣ, учащаемой разбойниками, и за столомъ, ко«гда скатерть снимутъ для бутылокъ.» Однажды, вступая съ авангардомъ Христиносовъ въ одно Басское мѣстечко, Жореги узналъ въ толпѣ зрителей человѣка, съ которымъ онъ, за двадцать пять лѣтъ

назадъ, встрѣтился два раза. Объ встрѣчи были минутны; въ объ встрѣчи Жореги искалъ жизни этаго человѣка, но теперь соскочилъ съ лошади и протянулъ къ нему руку, говоря: «Ты Наполеоновъ драгунъ; помнишь ли молодаго пастуха, который, заставши тебя на лошади со стаканомъ вина передъ окномъ венты, вскричалъ: Французъ, отдай палашъ! Ты отвѣчалъ: «разбойникъ, возьми, если можешь!» Быстрота лошади спасла тебя отъ пули пастуха. Въ другой разъ тотъ же пастухъ среди ручной схватки пытался ножемъ одолѣть твой палашъ. Этотъ пастухъ—я.» Къ удивленію войскъ и зрителей, Жореги возлѣ себя на землю посадилъ Наполеонова драгуна, чтобъ наговориться съ нимъ о войнѣ, давно минувшей, чтобъ наглядѣться на лице, напоминавшее дѣла молодости.

Въ Кастрилло де Дуэро, мѣстечкѣ Старой Кастиліи, жили четыре брата земледѣльца. Старшій братъ, Жуанъ Мартинъ Діецъ (род. 1775), солдатъ, уволенный послѣ Базельскаго мира, былъ изъ первыхъ Испанцевъ, вступившихъ въ строевое войско по возстаніи 1808 года. Послѣ такъ называемаго Императорскаго похода возвратился домой тѣмъ же простымъ солдатомъ — и по-прежнему занялся земледѣліемъ. Но вскорѣ Французы, за сопротивленіе при сборѣ контрибуціи, сожгли домъ Діеца, изувѣчили его мать, убили его сестру и двухъ племянниковъ. Жители Кастрилло де Дуэро показываютъ путешественникамъ

уединенную часовню, и расказываютъ, какъ Жуанъ Мартинъ на помостъ этой часовни бросилъ клокъ волосъ, вырванныхъ Французами у его матери, горсть пеплу, взятаго съ развалинъ отеческаго дома, положилъ три окровавленныя одежды, и произнесъ страшную клятву мщенія Французамъ. До сего времени Испанецъ, клянущійся въ любви своей донпѣ, или въ кровавомъ мщеніи своему врагу, прибавляетъ, что сдержитъ свою клятву не хуже Жуана Мартина. Въ декабрѣ 1809 года съ тремя своими братьями Жуанъ Мартинъ началъ партизанить въ окрестностяхъ Циудадъ-Родриго; въ началѣ 1810 года произведенъ прямо въ капитаны, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ полковники, и сталъ извѣстенъ подъ прозвищемъ Эмпесинадо—*засмоленаго*; въ послѣдствіи король позволилъ ему носить это прозвище вмѣсто фамиліи Діеца. Партизанъ Давыдовъ назвалъ Эмпесинадо пламеннымъ; но исторія подтвердила эпитетъ безпощаднаго, данный ему Французами; потому-что онъ не давалъ пощады непріятелю какъ на полѣ сраженія, такъ и въ лазаретной каретѣ. Съ лицемъ, обросшимъ волосами и вымазаннымъ смолой; съ кровью Французовъ, запекшейся на одеждѣ и на рукахъ, и смываемой свѣжей кровью другихъ Французовъ, Эмпесинадо казался однимъ изъ тѣхъ безобразныхъ видѣній, которыя тревожатъ сонъ больнаго. Часто, уронивши саблю, сбросивши съ себя платье, онъ съ длиннымъ ножемъ бросался въ пыльное облако ручной схватки, наносилъ и принималъ удары, какъ такой человѣкъ,

который въ бѣшенствѣ гнѣва радуется тому, что отплачиваетъ болью за боль. «Если бы воткнуть во-«роново перо въ волосы Эмпесинадо, продѣть кольцо сквозь его ноздри, говоритъ генералъ Вильсонъ, «то вы приняли бы этаго генерала за колдуна Сѣве-«ро-Американскихъ дикарей, по обыкновенію выма-«ранпаго грязью и кровью, за недостаткомъ красокъ.» Въ архивѣ Испанскаго Военнаго Министерства, можетъ быть, уцѣлѣли лоскутки бумаги, къ которымъ вмѣсто подписи приложены пять пальцевъ, обмакнутыхъ въ чернила, а иногда во что-то красное. Эти лоскутки бумаги—военныя донесенія Эмпесинадо, плохо знавшаго грамоту, и не любившаго отказывать себѣ въ удовольствіи скрѣпить донесеніе о побѣдѣ кровью побѣжденныхъ. Въ обществѣ лице и ухватки Эмпесинадо выражали дерзкую и насмѣшливую самонадѣянность Американскаго дикаря, увѣреннаго въ своихъ физическихъ силахъ, и въ томъ мужествѣ, съ которымъ воинъ наноситъ смерть безъ состраданія и принимаетъ ее безъ страха. Въ 1823 году, по взятіи Кадикса Герцогомъ Ангулемскимъ, Эмпесинадо, генералъ Кортецовъ, зная, что для него нѣтъ прощенія, хотѣлъ съ 1400 солдатъ продолжать войну. Вскорѣ близъ Тарифы былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и преданъ въ руки своихъ враговъ личныхъ и политическихъ. Годъ и восемь мѣсяцевъ Эмпесинадо просидѣлъ въ тюрьмѣ инквизиціи. Въ 1825 году враги Эмпесинадо рѣшились его повѣсить. Занося ногу на роковую лѣстницу, Эмпесинадо схватилъ

въ охапку штыки близъ стоявшей стражи и, упавши грудью на штыки, умеръ такой смертію, которой позавидовали бы сотни замученныхъ имъ Французовъ. Если бы Эмпесинадо былъ убитъ въ войну за независимость, то Наполеоновы генералы повѣрили бы трупъ съ описаніемъ его примѣтъ, какъ члены Конвента повѣряли трупъ Вандейскаго партизана Ларожъ-Жакеленя; но въ 1825 году алгвазилы надъ трупомъ страшнаго Гверильяса держали совѣтъ, должно ли его повѣсить или похоронить; а онъ съ широкими ранами лежалъ какъ воинъ, убитый въ сраженіи, и ждущій товарищей для погребенія.

Одинъ монахъ, почитавшійся ученымъ, потому-что умѣлъ сказать другимъ монахамъ, о чемъ они поютъ по-Латыни, замѣтилъ способности въ монастырскомъ пастухѣ Мерино, взялъ его къ себѣ въ келью, и приготовилъ къ духовному званію. Война за независимость застала Мерино въ Вила-Вгадѣ, мѣстечкѣ Старой Кастиліи, патеромъ, пишущимъ стихи, бьющимъ медвѣдей въ ближнемъ лѣсу, и выходящимъ на дуэли. Въ своемъ приходѣ, съ своими прихожанами, среди долинъ Старой Кастиліи, Мерино началъ свое военное поприще, и въ теченіе трехъ войнъ: съ Наполеономъ, Кортецами и Христиносами, сражался слишкомъ пятнадцать лѣтъ, все на тѣхъ же долинахъ Старой Кастиліи, все начальствуя Гверильясами своего и ближнихъ приходовъ, уже сыновьями и внуками Гверильясовъ 1808 года, и все не

оставляя, въ свободное время, любимаго занятія своей пастушеской жизни — схватокъ съ медвѣдями. Будучи небольшаго роста, но желѣзнаго сложенія, Мерино сохранилъ до преклонныхъ лѣтъ славу ѣздока, смиряющаго дикихъ лошадей, стрѣлка, не знающаго промаха, и Гверильяса такъ дѣятельнаго, что простой народъ надѣлилъ его способностію спать по одной минутѣ въ сутки. Впрочемъ воинскія способности Мерино ограничиваются начальствомъ надъ двумя или тремя тысячами человѣкъ, въ противномъ случаѣ онъ теряется. Достигши генеральскаго чина, онъ сохранилъ прежнее званіе, и потому по обѣимъ сторонамъ Пиринеи извѣстенъ подъ именемъ генерала-патера. Всегда на бѣгунѣ лучшей крови, всегда въ рясѣ, при саблѣ, съ огромнымъ трабухо, заряженнымъ картечью и висящимъ на крюку у праваго бока, въ треугольной шляпѣ съ генеральскимъ галуномъ, а въ праздничной день съ орденской лентой черезъ плечо, Мерино носился съ своими Гверильясами по долинамъ Старой Кастиліи; при встрѣчѣ съ непріятелемъ, раздавши повелѣнія, бралъ въ зубы кинжалъ, подъ мышкой правой руки сжималъ трабухо, снятое съ крюка; подскакивалъ къ непріятелю, и, осыпавши его картечью, опускалъ трабухо на крюкъ, и обнажалъ саблю для ручной схватки. Люди, раздѣляющіе политическія мнѣнія Мерино, перевели на Французскій языкъ его стихи, и увѣряютъ, что онъ не знаетъ многихъ нуждъ Европейской жизни и слѣдственно многихъ пороковъ. Самъ

же Мерино такъ говоритъ о себѣ въ своихъ стихахъ: «Душисты мои сигары, какъ сигары, свернутыя «невнухами изъ цвѣтовъ Востока, отъ дыма которыхъ «пьянѣютъ жены султана. Кури мои сигары и слу«шай мои стихи. На войнѣ я добылъ коня такаго, «что король хотѣлъ бы сидѣть на немъ въ день «сраженія за свою столицу. На войнѣ я много «добылъ золота, много тканей, какихъ нѣтъ на «грандессѣ въ день ея представленія королевѣ. На «войнѣ я добылъ славу, звучащую далече отъ той «долины, гдѣ звучитъ колоколъ родной деревни. «Но мой конь принадлежитъ первой мѣткой пулѣ; «золото я разбросалъ по пригоршнямъ Гверильясовъ; «тканями я одѣлъ рѣки Старой Кастиліи; мнѣ же «принадлежитъ изъ всего золота только золото моихъ «орденовъ, изъ всѣхъ земель, только земля моего бу«дущаго могильнаго холма. А слава, скажешь ты... «Душисты мои сигары, какъ тѣ сигары, отъ дыма «которыхъ пьянѣютъ жены султана. Но сигары—дымъ. «Звонка моя слава, какъ ударъ моей сабли объ чу«гунъ латника. Но слава дымъ.» Одинъ Испанскій журналистъ, разбирая стихи Мерино, замѣтилъ: «Мы бы хотѣли знать, что сильнѣе въ этомъ стихо«творцѣ: жажда ли битвъ или литературное самолюбіе? «Пощадитъ ли онъ своего врага, если онъ вздумаетъ «просить помилованія прочтеніемъ наизустъ его сти«ховъ?» Друзья и родственники Испанцевъ, убитыхъ Мерино въ двѣ междоусобныя войны, много разъ покушались отомстить ему то оружіемъ, то ядомъ. Въ

1835 году одинъ полковникъ Христиносовъ за значительную сумму взялся убить Мерино; но давши промахъ изъ пистолета и бросившись на Мерино съ саблей, упалъ подъ картечью его трабухо. Въ Іюлѣ 1838 года враги Мерино такъ понадѣялись на свои мѣры схватить его живаго, что уже поставили висѣлицу на Меридской площади, а любопытная толпа спорила: будетъ ли просить пощады воинъ, никогда не дававшій пощады; но Мерино спасся. Никто не зналъ, въ какой лѣсъ, въ какую пещеру Мерино каждую ночь уходилъ съ бивака, спасая свою голову отъ враговъ личныхъ и политическихъ. Эти таинственные ночлеги, счастіе, выведшее Мерино невредимымъ изъ многихъ схватокъ съ медвѣдями и изъ великаго множества сраженій, и наконецъ разныя его другія удачи, увеличенныя до чудеснаго народной молвой и народными пѣснями, объясняютъ, почему Шатобріанъ, назвалъ Мерино баснословнымъ курой, т. е. патеромъ. Въ концѣ 1838 года Мерино, разбитый въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, потерявшій своихъ лучшихъ Гверильясовъ, еще держался на долинахъ Старой Кастиліи, пока Христиносы не открыли его послѣдняго убѣжища—двухъ или трехъ хижинъ на днѣ глубокаго оврага. Скрывшись въ ближнемъ кустарникѣ, Мерино видѣлъ, какъ Христиносы зажгли эти хижины, и, можетъ быть, онъ, престарѣлый Гверильясъ, смотрѣлъ на пожаръ своего послѣдняго убѣжища съ тѣми чувствами, съ которыми отецъ семейства смотритъ на пожаръ своего дома, уже не надѣясь выстроить другой.

Съ немногими монахами-офицерами Мерино спасся въ главную квартиру Дона-Карлоса и съ нимъ въ 1839 году удалился во Францію. Ему, вѣрному Испаніи прошлаго столѣтія, престарѣлому представителю мнѣній уже умершихъ, нечего было дѣлать въ Испаніи 1839 года. Одинъ изъ журналистовъ Южной Франціи извѣщалъ, что *Шатобріановъ баснословной кура* составляетъ свои записки. Но тяжело старику отдавать отчетъ въ своей жизни не тѣмъ людямъ, съ которыми онъ былъ молодъ. Притомъ между Мерино и Испанцами 1839 года слишкомъ много ненависти для того, чтобъ они могли такъ судить о немъ, изгнанномъ врагѣ, какъ судятъ объ умершемъ врагѣ, когда уже нѣтъ ни вреда, ни опасности быть безпристрастнымъ.

Николай Невѣдомскій.

ГЕРОЙ ОЧАКОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Тетьяна Петровна извѣстна была въ околодкѣ какъ женщина умная, заботливая хозяйка и чадолюбивая мать. Управленіе хозяйствомъ у нея шло необыкновенно. Настанетъ время удобное для работъ: косить, сѣять, пахать или что нужно по хозяйству, но работа не начиналась за «неблагопріятнымъ временемъ.» На прим. хлѣбъ созрѣлъ, скоро начнетъ осыпаться, но снимать его не велитъ барыня: луна-де въ ущербъ, не будетъ полнаго счастья. Весною, на вспаханную землю спали дождики, сѣять хлѣбъ пора, рабочіе собрались, мѣшки наполнены зерномъ, но это понедѣльникъ, тяжелый день для начала, сѣянье отлагается до завтра. Крестьяне сѣтуютъ, что день прошелъ безо всего, ни барынѣ, ни имъ; но барыня

лучше понимаетъ дѣло: въ году-де столько дней, что и перечесть ихъ трудно, а тяжелые понедѣльники всѣ на счету, по одному въ недѣлю; какъ ихъ не уважить! Та же честь была и пятницѣ; но это считался не тяжелый, а святый день: бѣда той дворовой и даже сельской женщинѣ, если наблюдательное око Тетьяны Петровны усмотритъ кого изъ нихъ за работою, хотя бы это бездѣльное стопанье, ну, и узелокъ завязать, и за то бѣда! «Скучно кому безъ работы», приказываетъ, бывало, Тетьяна Петровна: «собирайтесь вмѣстѣ, ходите по гостямъ, сидите на улицѣ, хоть спорьте, ссорьтесь между собою, а работою, хотя и бездѣльною, не занимайтесь; не губите души своей въ такой день.»

Хотя бы и въ счастливый, по ея замѣчаніямъ, день работники собраны, перекликаны, поведены атаманомъ въ поле—сѣно ли косить или другое что работать, но повстрѣчайся имъ ѣдущій на пустой телегѣ, идущій съ пустымъ мѣшкомъ и т. под.; конечно! строжайше отъ барыни приказано воротиться, и въ тотъ день не начинать ничего. Пустая-де встрѣча предвѣщаетъ пустую, безполезную, безуспѣшную работу.

Какъ ни мудро распоряжалась хозяйствомъ Тетьяна Петровна, а доходы шли да шли. Получивъ сто рублей, вмѣсто того, что надобно бы получить пятьсотъ и болѣе, она чванилась и приговаривала: «Вотъ

я съ женскимъ умомъ, съ бабьимъ распорядкомъ, а деньги знай-получаю. Смѣются сосѣды надъ моими примѣтами; не получала бы я ничего, если бы не наблюдала за небеснымп силами. По ихъ теченію я дѣйствую, чрезъ нихъ и собираю. Оставлю Ромашечкѣ сколько-нибудь кое-чего.» А этотъ Ромашечка былъ единственный сынъ ея, о жизни котораго хочу расказать, что знаю.

Не было ему еще полныхъ семи лѣтъ, какъ онъ, послѣ отца, остался сиротою. Лишь началъ помнить себя, какъ уже былъ окруженъ «бабусями». Это особый родъ старухъ, славящихся знаніемъ всякаго рода нашептываній, наговоровъ и др. полезныхъ средствъ. Ихъ дѣло было блюсти за здоровьемъ «панычa», беречь отъ недобраго глаза и снимать урокп. Усердныя къ своему дѣлу, лишь замѣтятъ, что панычь не скоро послѣ обѣда спрашиваетъ чего покушать, тотчасъ шепчутъ надъ нимъ и предлагаютъ разныя лакомства: непокойно спитъ—новое шептанье, и несутъ, сонпаго, къ насѣдкамъ и, исполнивъ тамъ все по обряду, укладываютъ «опочивать.» Дитя, наскучивъ безпрестанными забавами, призадумается, зѣвнетъ... бабуси къ нему, заклинаютъ, отгоняютъ уроки, умываютъ непочатою водою и — успокоиваютъ.

Подростая, онъ уже зналъ, какія послѣдствія бываютъ отъ худыхъ встрѣчъ, помнилъ несчастные

дни и, однимъ словомъ, весь катихизисъ суевѣрій матери своей зналъ наизустъ. Въ существованіе вѣдьмъ, и какое онѣ добрымъ людямъ причиняютъ зло, вѣрилъ твердо; затвердилъ всѣ расказы о кладахъ, и по какимъ примѣтамъ можно узнать, изъ серебряныхъ ли или золотыхъ денегъ онъ состоитъ. Кромѣ такихъ премудростей, тѣ же бабуси открыли ему, что противъ судьбы никто и ничего перемѣнить не можетъ. Умный былъ мальчикъ! Все слышанное понималъ и помнилъ. И чуть-было бабуси умолкнутъ съ своими расказами, то Тетьяна Петровна и понукаетъ ихъ: «А ну, ты, шкуратка! не ужели не вспомнишь чего расказать ребенку? Его вѣкъ великъ, много пригодится знать ему изъ этаго.» И шкуратка, вытряхивая изъ своей памяти все, слышанное ею въ теченіе долгой своей жизни, расказывала ребенку; а десятилѣтній ребенокъ, что называется, глоталъ каждое слово ея, и вечеромъ поступалъ по слышаннымъ наставленіямъ: лишь увидитъ гдѣ валяющійся клубокъ нитокъ или шерсти, тотчасъ рветъ, обрываетъ его и бросаетъ въ огонь. Встрѣтитъ собаку, преслѣдуетъ ее, бьетъ, тиранитъ... во всемъ этомъ онъ видитъ колдуней, волшебницъ, превращающихся въ разные виды и страшилища, и ночью доящихъ сосѣдскихъ коровъ, овецъ, наконецъ птицъ, змѣй и рыбъ!.. все это злыя женщины собирали на волшебство, чтобы красть съ неба облака съ дождемъ и чрезъ то произвести неурожаи въ хлѣбѣ и во всемъ. Все это слыша и вѣря всему, умненькій мальчикъ Ромаша еще тогда поло-

жилъ намѣреніе, выросши, дѣйствовать всѣми способами, чтобы истребить на землѣ такой злой родъ людей.

Въ такомъ похвальномъ намѣреніи утвердила его многознающая одна изъ бабусь, окружающихъ его. Убѣдила вѣрить питомца своего, что не можно того выдумать, чего не было на свѣтѣ. «Что вы ни раскажите, говорила она: все это когда-нибудь было.» Потомъ говорила, что была на свѣтѣ однимъ-одна телушка, родившаяся въ третій день Мартовской луны: день же тотъ, какъ нарочно, пришелся тогда въ понедѣльникъ. Телушка эта росла и стала коровою. Послѣ перваго теленка, она, ходя по лѣсу, потеряла одинъ рогъ свой. Отъ чего и какъ это случилось, бабуся на-вѣрное не знала; а чего она не знала, того и утверждать не хотѣла. Потерянный ею, т. е. не бабусею, а коровою, рогъ одинъ человѣчекъ, крѣпко знавшій во всемъ силу, нашелъ и, отыскавши «чортовъ палецъ» (вотъ, что находятъ въ мѣловыхъ горахъ, когда чортъ ломаетъ мѣлъ для картежниковъ, чтобъ имъ записывать выигрышъ, такъ иногда попадается ему мѣловая гора не по силѣ, и онъ ломаетъ объ нее свои пальцы; какъ же ихъ у него и запасныхъ много, то онъ объ отломленномъ не безпокоится и тутъ же оставляетъ его; вотъ такой-то палецъ нашелъ все знающій человѣчекъ), да и выдолбилъ имъ тотъ коровій рогъ, да и затрубилъ... какъ же затрубилъ, такъ что тогда произошло, такъ и вообра-

зить страшно!.. Умненькій мальчикъ, слушая все это, задрожалъ сильно и весь прижался къ раскащицѣ, которая и сама тряслась какъ въ лихорадкѣ отъ однаго воображенія о случившемся тогда. Что же такое страшное произошло? Всѣ вѣдьмы слетѣлись къ тому человѣчку: иная на ступѣ, другая на кочергѣ, та на помелѣ; явились и, превратившіяся въ то время кто въ видѣ сороки, кошки, жабы... да куда! страшно и рзсказывать. Ну ихъ совсѣмъ!

Умненькій нашъ мальчикъ и этотъ расказъ запряталъ въ память свою до времени.

Между-тѣмъ Тетьянѣ Петровнѣ пришло на мысль: «не оставаться же Ромашѣ дуракомъ. Пора ребенка научить всему.» И для этаго, по вездѣ принятому тогда правилу, поручено было приходскому дьячку выучить господское дитя читать всякія книги и писать скорописью, чтобы ему не стыдно было въ чужіе люди показаться. И надобно отдать честь Ромашѣ, что онъ очень успѣлъ во всемъ, преподаваемомъ ему: всякую книгу читалъ бѣгло и писалъ быстро все, что ни скажутъ ему или что самъ выдумаетъ. Тетьяна Петровна радовалась такимъ его способностямъ, гладила его по головѣ, и въ одинъ изъ уреченныхъ семейныхъ дней достала изъ сундука единственную книгу покойнаго Тихона Ивановича, Экономическаго магазина V часть, подарила ее сыну и сказала: «Какъ ты уже, Ромаша, можешь самъ понимать все,

то вотъ тебѣ, по наслѣдству, отцовская библіотека. Читай ее часто, какъ и покойникъ это дѣлалъ, то и самъ будешь такъ же уменъ.»

Но нашему Ромашѣ ученыя занятія не шли въ голову. По живому характеру своему, онъ не могъ ничѣмъ заняться на мѣстѣ. Бѣгать, выдумать какую шалость, сдѣлать проказу, перепортить все, улаженное матерью, перенести или запрятать приготовленное ключницами, на это былъ большой мастеръ. Начнутъ было его упрекать, выговаривать, запрещать, такъ куда? Онъ свое понесетъ: засыплетъ прпговорками, скороговорками, да при этомъ какъ станетъ кривляться, мигать, зубы скалить, такъ такъ смѣшно, что, повѣрьте, и мертвый разсмѣялся бы, если бы увидѣлъ его гримасы и услышалъ его выдумки. Умненькій, остроумный былъ мальчикъ!

Но что я говорю? Какой онъ мальчикъ? Правда, онъ только кончилъ ученье, но ему уже было шестнадцать лѣтъ. Довольно, что онъ уже брилъ бороду. Чего же вамъ больше? Тетьяна Петровна, съ восторгомъ поглядывая на него, часто говорила: «Рости, Ромаша, рости. Скоро женю тебя. Стукнетъ тебѣ тридцать лѣтъ, такъ и благословлю. Раньше не позволю; не хочу, чтобы невѣстка, при мнѣ, умничала въ домѣ. Черезъ одиннадцать лѣтъ я устарѣю, не буду вмѣшиваться ни во что; тогда женись, на комъ

хочешь, и живите, какъ хотите; хоть на головахъ ходите, я вамъ не помѣшаю и благословляю васъ.»

А Ромаша... или пусть уже будетъ Романъ Тихоновичь — услыша такое материнское распоряженіе, начнетъ говорить ей съ досадою: — помилуйте, матушка, что вы сдѣлали? Ну, какъ въ такой злой часъ вы сказали, что я не женюсь прежде одиннадцати лѣтъ? Это бѣда! Когда дождешься, что эти тяжелые годы пройдутъ? —

«Что же дѣлать, Ромаша!» начнетъ-было она уговаривать его. «Это самый лучшій годъ для супружества. Тутъ страсти пріугаснутъ, разсудокъ начнетъ брать верхъ надъ человѣкомъ. Я сама шла за-мужъ въ двадцать семь лѣтъ, такъ я уже знаю. Твой отецъ былъ счастливъ мною; а что часто вздыхалъ, такъ тому причиною былъ тихій его характеръ.»

И Романъ Тихоновичь, слыша такія благоразумныя доказательства, не убѣдится, а отойдетъ съ неудовольствіемъ, что не исполняется главное желаніе его... Да не подумаетъ никто возразить мнѣ, что конечно Романъ Тихоновичь, судя по его первымъ понятіямъ, не думалъ еще въ шестнадцать лѣтъ о женитьбѣ. Вспомните вы себя въ томъ возрастѣ, и я честью моею увѣряю васъ, что именно въ то время, если еще и не ранѣе, вами овладѣло сильное жела-

ніе жениться. И вы, такъ же какъ и Романъ Тихоновичь, сильно досадовали, что никто не думалъ устроить судьбу вашу. И что, если бы намъ въ тѣ годы была воля, на комъ бы мы только не женились? Чудо! Всякая молоденькая, подходящая къ нашимъ лѣтамъ дѣвочка, всякая для насъ была красавица; а особливо, если у которой болтались свѣтлые, кудрявые, мягкіе какъ шелкъ локоны, бѣлое платьецо охватывало стройный станъ, пунсовый кушачекъ опоясывалъ его, шейку покрывала голубая или другаго яркаго цвѣту косыночка... Тогда бѣда! Не правда ли, что и вы такъ же, какъ и я, въ томъ возрастѣ, замѣтивъ столько прелестей, всю ночь не спали, а только ахали, страдали до... до новаго, подмѣченнаго платьеца съ яркаго цвѣта косыночкою? Въ тѣ годы о другихъ достоинствахъ въ дѣвушкѣ не заботились; къ чему дальнѣйшія разысканія, когда все видѣнное такъ сильно дѣйствовало на насъ?

Ахъ, Боже мой! подумаешь, какъ въ человѣкѣ, съ теченіемъ лѣтъ, перемѣняются понятія о благѣ для жизни. Отъ шестнадцати лѣтъ все думаешь, что въ платьецѣ и косыночкѣ все благо, ничего болѣе не нужно. Подите же отъ тридцати лѣтъ: тутъ дѣвушка будь раз-красавица, принарядись въ самыя пестрыя платья, укрась себя пышными косынками, ничто не обратитъ вниманія, если ея душа не сама двух-сота по крайней мѣрѣ, если ея красота не ничтожна предъ блескомъ ея брильянтовъ, или если

ларчики и комоды ея пусты. Чудное, чудное созданіе человѣкъ!

Обратимся къ нашему Роману Тихоновичу, такъ же досадующему, какъ досадовали я, вы и всѣ люди въ шестнадцать лѣтъ отъ роду за то, что не позволяли жениться.

Когда не позволила ему матушка жениться, такъ надобно же было пріискать какое занятіе, и онъ нашелъ его. Изволите видѣть, чрезъ ихъ село проходилъ какой-то пѣхотный полкъ и дневалъ тутъ. Было ученье; Ромаша, какъ былъ тогда еще мальчикъ, и мальчикъ живой, способный на всѣ штуки — выдумать и произвести такія шалости, которыхъ сотнѣ мальчиковъ и на мысль не придетъ, ему подавай — бѣгалъ смотрѣть на эти солдатскія ученья, и все ему тамъ понравилось. Тотчасъ изъ ребятишекъ его лѣтъ навербовалъ себѣ цѣлый взводъ и принялся ихъ учить, какъ замѣтилъ у настоящихъ солдатъ. «На-право, налѣво, на-право кругомъ, впередъ ступай!» Всему этому онъ обучилъ свою команду. Послѣ ученья онъ съ нею пускался отыскивать, тогда еще главныхъ своихъ непріятелей, собакъ; гонялся за ними, приказывалъ бить ихъ, и торжествовалъ свою побѣду надъ ними, не оставляя предполагать, что, быть можетъ, въ видѣ какой собаки, онъ дѣлаетъ зло вѣдьмѣ, превратившейся на ту пору въ собаку.

Такое благородное еще въ дѣтствѣ занятіе показывало въ немъ храбрый и неустрашимый духъ, въ коемъ онъ, выростая, болѣе удостовѣрялъ всѣхъ, удивляющихся ему. Онъ не боялся ничего на свѣтѣ; даже очень покойно проспживалъ вечеромъ одинъ въ темной комнатѣ, что, какъ вамъ извѣстно, очень страшно, и не всякій на это рѣшится. Съ дѣтства еще не терпѣлъ никакихъ противорѣчій: тогда кричалъ, ревѣлъ, кидался не землю; теперь же, выросши и ставъ Романомъ Тихоновичемъ, еще болѣе настаивалъ, чтобы все ему повиновалось, и онъ того, кто ему хоть мало въ чемъ противорѣчилъ, принимался тузить и заставлялъ противъ себя молчать и исполнять все по желанію своему. При всѣхъ таковыхъ воинственныхъ наклонностяхъ, онъ имѣлъ къ тому крѣпости и силы довольно, что могли подтвердить попадавшіеся въ руки ему.

Теперь, когда онъ достигъ шестнадцатилѣтняго возраста и, по естественному порядку, хотѣлъ жениться, игра въ солдаты была для него скучна. Тоскуя отъ неисполненія своего желанія, онъ досадовалъ на все, сдѣлался нетерпѣливъ и, дѣло не дѣло, за все горячился и тузилъ, кто только попадался ему. Такое его занятіе не нравилось Татьянѣ Петровнѣ, и она, чтобъ доставить ему разсѣяніе, придумала не держать его дома; для чего посылала его къ сосѣдамъ на всѣ семейные праздники.

Роману Тихоновичу такіе выѣзды очень нравились, и онъ не пропускалъ къ тому случаевъ. Бывая между людьми, узнавалъ свѣтъ и всѣ приличія. Видая почти ежедневно однѣхъ и тѣхъ же барышень и перелюбивши ихъ всѣхъ по очереди, онъ уже не такъ пылко хотѣлъ жениться, соглашался отложить до времени, а между-тѣмъ, не подростутъ ли красивѣйшія отъ наличныхъ теперь.

Его вездѣ принимали ласково и приглашали ко всякому празднику. Всѣ знали его странности, и тѣшились имъ. Бывало, нарочно кто-нибудь скажетъ, хотя бы и не къ нему: какой Романъ Тихоновичь хорошенькій... или, какой цвѣтъ лица... какъ онъ проворно пошелъ... весело засмѣялся... и все т. под. тутъ онъ, лишь услышалъ, выбѣгаетъ и отыскиваетъ «бабусю», которая въ каждомъ порядочномъ домѣ непремѣнно должна была находиться, и проситъ ее умыть себя поскорѣе. Бабуся умываетъ его водою, бросивъ въ нее нѣсколько угольковъ, и потомъ, полизавъ его вдоль и поперегъ лица, успокоиваетъ его, что «уроки» сняты Хотя онъ носилъ при себѣ вѣрное средство, предохраняющее отъ всѣхъ уроковъ и недобраго глаза, но не оставлялъ умыванья и слизыванья. Это же средство—хотя и простая, но весьма удивительная штука. Не знаю, извѣстна ли она вамъ. Такъ и быть, научу васъ. Возьмите простую иголку со сломаннымъ ушкомъ, воткните себѣ гдѣ-нибудь въ платье, чтобы только чужой глазъ не видалъ, и

вы увидите, какъ бы васъ ни хвалили, какъ бы вамъ ни завидовали, васъ не станетъ морозить съ плечъ, не нападетъ на васъ зѣвота, слѣдовательно «уроки» не пристанутъ къ вамъ.

Разсказы его о вѣдьмахъ, кладахъ, сужденія о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ, вѣра въ встрѣчу и недобрый глазъ, тѣшили всѣхъ, кому онъ только ни объяснялъ такія положительныя истины; никто не хотѣлъ выводить его изъ пріятнаго для него вѣрованія, и всѣ соглашались съ его основнымъ мнѣніемъ, запмствованнымъ отъ бабусь, что нельзя того выдумать и сказать, чего не было прежде того.

Бывая у сосѣдей, замѣчалъ онъ, что всѣ молодые люди однихъ съ нимъ лѣтъ, или служатъ въ военной службѣ или приготовляются къ ней, чего уже давно ему желалось. Разговарпвая съ ними о томъ, какъ можно и чрезъ кого опредѣлиться въ полкъ, онъ съ восторгомъ слушалъ всѣ пересказы объ удовольствіяхъ въ военной службѣ, и сѣтовалъ на себя, что онъ еще не служитъ. Самое описаніе трудностей и лишеній, необходимыхъ въ военной службѣ, болѣе воспламеняло его и поощряло вступить на это поприще; но онъ не зналъ, какъ склонить къ тому мать свою, которая, какъ онъ предугадывалъ, едвали отпуститъ его отъ себя. Онъ бы рѣшился сказать ей о намѣреніи своемъ, но не былъ увѣренъ, назначено ли ему

судьбою служить, или нѣтъ? И онъ ожидалъ велѣнія ея — и наконецъ дождался.

Какъ-то случилось, что Романъ Тихоновичь три ночи, да еще съ-ряду, худо почивалъ. Видите ли, какъ судьба издали закидываетъ свои петли! Не былъ влюбленъ ни въ одну изъ послѣдне-видѣнныхъ имъ дѣвушекъ и ужиналъ всегда съ отличнымъ аппетитомъ, а ляжетъ въ постель, не спитъ вовсе до самаго разсвѣта. «Это не даромъ», подумалъ онъ, и отнесся къ матушкинымъ бабусямъ. Тѣ, потолковавши и погадавши, рѣшили: «поѣзжай, паныченько, въ городъ, закажи отыскать черную курицу, прикажи зарѣзать ее при себѣ, ошпать; перья возьми съ собою, а курицу броспть, чтобы никто не ѣлъ ее. Воротишься, мы тебя тѣми перьями подкуримъ, и будешь почивать по-прежнему.»

И вотъ нашъ Романъ Тихоновичь покатилъ въ городъ въ сотовариществѣ своего Кирюшки, парня лѣтъ двадцати, неразлучнаго товарища, вѣрнаго слуги, вечерняго совѣтника, всегдашняго собесѣдника и исполнителя порученій своего *паныча*. Къ счастью, всѣ встрѣчающіеся имъ ѣхали и шли съ полнымъ, что веселило ихъ и обѣщевало необыкновенный успѣхъ.

Пріѣхавъ благополучно въ городъ, исполнили все по препорученію бабусь и уже собирались въ

обратный путь, какъ вдругъ суматоха въ городѣ... народъ съ страшнымъ шумомъ, оставляя все, бѣжитъ по улицамъ, къ заставѣ; толпятся, тѣснятся, другъ друга давятъ, хотятъ видѣть... что же?.. Полкъ входитъ съ церемоніею, барабаны бьютъ, солдаты маршируютъ въ ногу какъ одинъ, а тутъ еще музыка играетъ... чудесно! Народъ смотритъ, любуется; Романъ Тихоновичъ и его Кирюшка съ ними...

Романъ Тихоновичъ, еще бывши мальчикомъ, видалъ солдатъ, да и что тамъ? Одна рота, за-просто всегда учившаяся; а здѣсь цѣлый полкъ, съ знаменемъ, съ барабанами, съ музыкою, какой онъ ни на одной деревенской свадьбѣ не слыхалъ; офицеры, убранные на удивленіе, въ щегольскихъ мундирахъ... Все это пробудило воинственный духъ въ Романѣ Тихоновичѣ; онъ былъ въ восторгѣ и, въ забытьи, стоя на одномъ мѣстѣ, все какъ будто маршировалъ и расталкивалъ стоящихъ около себя... «Ахъ, канальство! думалъ онъ: что если бы я уже былъ въ службѣ! что если бы судьба захотѣла, чтобы я опредѣлился?..»

Какъ при этой мысли, Кирюшка, дергая его за рукавъ, говоритъ: — А что, папычъ! Вотъ бы вамъ пойти въ эту службу. Съумѣли ли бы вы такъ ступать? —

Кончено. Въ этихъ Кирюшкиныхъ словахъ Романъ Тихоновичь призналъ велѣніе судьбы. Вышедъ изъ толпы, едва могъ отвлечь Кирюшку отъ невиданнаго и неслышаннаго имъ доселѣ; собрался и поспѣшилъ домой...

Не просто, а именно по велѣнію судьбы, въ чемъ былъ твердо увѣренъ Романъ Тихоновичь, встрѣчались ему одни только солдаты, отставшіе отъ полка и поспѣшавшіе въ городъ. Все это болѣе утверждало его въ мысли, что «пришло его время.» Обдумывая, какъ приступить къ исполненію задуманнаго, онъ молча сидѣлъ въ своей таратайкѣ, къ удивленію Кирюшки, привыкшаго всегда, для сокращенія скуки въ дорогѣ, говорить съ своимъ панычемъ о разныхъ предметахъ.

Въ такихъ же мысляхъ онъ пріѣхалъ домой и, не сказавъ матери ничего, онъ поспѣшилъ лечь въ постель. Явились бабуси, подкурили привезенными перьями съ черной курицы... Подѣйствовало ли на него это полезное средство, отложимъ расказъ до другаго времени; а теперь я объясню вамъ, какой разговоръ, того же вечера, Романъ Тихоновичь имѣлъ съ Кирюшкою.

«Знаешь ли, Кирюшка, что я тебѣ скажу?» спросилъ онъ.

— Теперь не знаю, а когда скажете, то буду знать — отвѣчалъ Кирюшка остротою, имъ придуманною.

«Думаю... хочу пойти въ службу.»

— Въ какую? Не въ эту ли, что сегодня такъ громко на музыкѣ барабанила? —

«Когда другой нѣтъ, такъ только-что въ эту.»

— Выдумали же ни сё, ни то. Когда вамъ такъ полюбилась музыка, такъ пошлите ее нанять сюда; пусть здѣсь трубятъ цѣлый день; какъ набарабанятъ вамъ полную голову, такъ тогда не то скажете. И выдумали же что: въ службу! развѣ вы умѣете верхомъ ѣздить? —

«Оно правда, что нѣтъ; да въ этой службѣ воюются пѣшкомъ.»

— Говорите. Это они здѣсь пѣшкомъ, чтобъ имъ не забиваться съ лошадьми, а какъ скажутъ имъ воеваться, такъ они вскочатъ на коней, да съ нихъ и бьютъ Турковъ. —

«Нѣтъ, Кирюшка; эта служба все пѣшкомъ воюется; а есть другая, такъ та на лошадяхъ.»

— Вотъ въ ту, что на лошадяхъ, лучше итти, нежели въ эту. Одно то, что на конѣ васъ Турокъ не такъ скоро достанетъ, какъ пѣшкомъ; а другое то, что какова не мѣра, такъ на конѣ скорѣе можно уйти, нежели пѣшему. —

«Вотъ же ты, Кирюшка, правду говоришь. А я объ этомъ и не догадался. Но здѣсь конной службы нѣтъ, а только пѣшая.»

— Все-таки я не совѣтовалъ бы вамъ ни въ какую итти. Дома вамъ воля: сколько хотите, столько и спите; куда вздумали, туда и поѣхали. А въ службѣ видѣли какъ? И поворотиться не можно безъ приказу. —

«Что же дѣлать, Кирюшка? Я давно уже хотѣлъ служить, а теперь и судьба велѣла.»

— Что же это судьба за цаца такая, что всѣмъ приказываетъ, а сама не служитъ нигдѣ? Ох-ох-охъ! Чуть ли эта судьба не съумничаетъ и надо мною, велитъ мнѣ итти за вами на службу? —

«А что ты думаешь? можетъ, и такъ.»

— Да не можетъ, а истинно такъ. А кто будетъ васъ въ службѣ будить? —

Долго они разсуждали еще объ этомъ, и наконецъ рѣшили: Роману Тихоновичу пти въ пѣхотную службу и Кирюшкѣ быть при немъ, только на войну за нимъ не выходить.

Что же сталось съ Тетьяной Петровной, когда она услышала отъ сына о такомъ его непремѣнномъ желаніи, и что на это есть велѣніе судьбы, такъ явственно чрезъ Кирюшку изъяснившей велѣніе свое. Сначала она сочла, что сынокъ ея тронулся въ умѣ и отъ того несетъ чепуху. Предохраняя себя отъ могущей встрѣтиться по сему непріятности, она, отъ сильной любви къ нему и нѣжности чувствъ, хотѣла было уйти въ другую комнату и запереться отъ него; но вдругъ пришла ее успокоивающая мысль, что это на сына «послано», и она, какъ и должно было ей поступить, прибѣгла къ бабусямъ... Было же работы бабусямъ, не только домашнимъ, но призывали всѣхъ извѣстныхъ въ околодкѣ, о конхъ носилась молва, что могутъ помогать добрымъ людямъ. Когда же всѣ онѣ истощили свое искуство и не успѣли отвлечь Романа Тихоновича отъ предпринятаго имъ, тогда рѣшительно объявили, что «насылка» въ немъ необыкновенная, которой если Гаврило Черномазъ не отведетъ, такъ и никто болѣе не можетъ справиться. Гаврило Черномазъ цыганъ, старъ-человѣкъ, вѣкъ свой живетъ въ лѣсу, и только ему и дѣла, что палитъ уголья и лошадей лечитъ отъ всѣхъ болѣзней;

такъ ему ли не знать въ наговорахъ и отговорахъ силы?

Послали за Черномазомъ. Что же? Вѣрите вы или не вѣрите, какъ хотите, а только я знаю, что лишь взглянулъ на снадобья бабусь, засмѣялся и сказалъ: «этимъ и съ воробьемъ не совладаете. Куда вамъ съ такою силою справиться? Тутъ и мнѣ поработать будетъ въ пору.» И принялся Черномазъ за Романа Тихоновича, который и далъ ему волю дѣлать надъ собою, что знаетъ. Чего-то онъ надъ нимъ не дѣлалъ! Романъ Тихоновичъ все исполнялъ; но, улыбаясь, самъ себѣ говорилъ: «таки-ничего не помогаетъ. Кто что можетъ противъ судьбы!»

Видя, что ни бабусины, ни Черномазовы средства ничего не помогаютъ, и Романъ Тихоновичъ то и дѣло все твердитъ, какъ онъ пойдетъ въ службу, какъ станетъ воеваться съ Турками, по скольку ихъ будетъ убивать за одинъ разъ, Татьяна Петровна принялась за свои средства: начала плакать, голосить, уговаривать сыночка своего. «Можетъ, тебѣ пріѣлись наши кушанья? Скажи, я перемѣню кухарку и, пожалуй, чего для тебя не сдѣлаю, даже «кухаря» пріищу и найму. Можетъ, постель не мягка? Сдѣлаю тебѣ новую, на одномъ чистомъ гусиномъ пуху; почивай, сколько хочешь. Или не захотѣлось ли тебѣ опять жениться? Позволяю и благословляю тебя. Выбирай, гдѣ хочешь; женись, на комъ вздумаешь; послѣднюю

нищую возьми, я приму ее, какъ дорогую невѣстушку; отъ всѣхъ кладовыхъ отдамъ ей ключи, все хозяйство поручу, сама покорюсь ей, въ глаза буду смотрѣть ей, чтобъ только угодить, только не ходи въ эту службу, гдѣ только и дѣла, что «муштруются», да изъ ружей палятъ и дѣлаютъ человѣкоубійство. Ну, какъ... иди это слово отъ насъ къ проклятымъ Туркамъ!.. ну, какъ тебя убьютъ? Что ты тогда мнѣ скажешь?.. Останусь я какъ былиночка въ полѣ!.. Кому все, что я собирала чрезъ столько лѣтъ, кому оно достанется?..» Но воля ваша, я не могу всего такъ жалостно пересказать, какъ она въ тѣ поры говорила, упрашивая сыночка, чтобы не ходилъ *на войну*. Въ ея понятіи военная служба и война—одно и то же, а отъ того и говорила такъ умно и жалостно, что если бы вы тогда услышали ея трогательныя рѣчи, расплакались бы, чисто расплакались бы, и ни за что не пошли бы въ военную службу; если же вы были бы тогда на службѣ, то въ ту же минуту, выслушавъ ея благоразумныя убѣжденія, подали бы просьбу въ отставку.

Романа Тихоновича ничто не трогало и не убѣждало отложить его намѣреніе. Не тѣхъ онъ былъ свойствъ, чтобы итти на перекоръ судьбѣ, которая такъ явно, чрезъ Кирюшку, изъявила свое велѣніе. На всѣ убѣжденія онъ возражалъ все одно: «не можно итти противъ судьбы. Хоть сто лѣтъ обдумывай, перебирай сверху въ низъ и съ низу вверхъ, не

пересилитъ судьбы. Сякъ или такъ, она поставитъ на своемъ; такъ чего и спорить противъ нея?»

Романъ Тихоновичъ поставилъ на своемъ. Приступили снаряжать Романа Тихоновича *на войну*, т. е. въ полкъ, квартирующій за двадцать верстъ. Нашили ему разнаго бѣлья лѣтъ на нѣсколько; устроили огромную постель изъ одного пуху; сколько теплыхъ одѣялъ, шубъ, тулуповъ, подвязныхъ шапокъ, кепегъ, сапогъ, рукавицъ... именно двѣ фуры однимъ этимъ нагружено было, выключая съѣстной провизіи, отправленной года на два. Кирюшка не оставилъ своего паныча. «Жили вмѣстѣ и умирать будемъ вмѣстѣ», говорилъ онъ, принимая все на свои руки. Причемъ Тетьяна Петровна строго приказывала: «корми паныча, не жалѣй ничего; выдавай все, чего дитя захочетъ. Покушаетъ это, пришлемъ еще.»

Что же происходило уже при выѣздѣ Романа Тихоновича, такъ и вообразить страшно. Такъ все было жалко, что я почти отказываюсь отъ описанія... Но нечего дѣлать: взялся, такъ и долженъ, хотя слегка, скрѣпя сердце и заливаясь слезами, разсказать.

И безъ моего напоминанія каждый предугадываетъ, что не только каждый членъ, но и всѣ составы у Романа Тихоновича были заговорены, чтобы не коснулись ни порохъ, ни пуля изъ ружья, пушки и

всякаго огнестрѣльнаго орудія; всякая шпага, сабля, кинжалъ, стрѣла, коснувшись до нѣжнаго тѣла, не только не поранила бы, но отскочила бы какъ отъ каменной стѣны. Но это огражденіе сдѣлано не бабусями: ихъ дѣло было оговорить паныча отъ всякихъ болѣзней, дурнаго глаза, остуды, недоброй встрѣчи. Важнѣйшее же заклинаніе на счетъ сохраненія тѣла отъ ранъ и увѣчья пропзвелъ цыганъ, Гаврило Черномазъ, за два мѣшка муки и кормленнаго кабана.

Когда съ этой стороны обезпеченъ былъ Романъ Тихоновичь, тогда начались наставленія нѣжной матери. «Въ городѣ служи, сколько душѣ твоей угодно, говорила она, цалуя и обливая его слезами; когда начальство непремѣнно прикажетъ носить шпагу и ружье, нечего дѣлать, носи, но съ осторожностью, чтобы тебя не убило; а лучше всего, не заряжай никогда ружья и шпаги изъ ноженъ не вынимай; хоть какъ бы ни приказывало начальство, ты все говори: слушаю, слушаю, а самъ свое дѣлай, береги себя. Кушай побольше, есть что; почивай подолѣе, есть на чемъ. А лишь скажутъ итти на Турка, такъ ты тогда, мой любезный Ромашенька, все брось, имущество, Кирюшку, все это наживное, а своя жизнь дороже всѣхъ тысячь; уходи и прямо ко мнѣ. Никому въ свѣтѣ тебя не выдамъ! и что бы я за мать была, чтобы на явную смерть выдала свою утробу?..» И все такія умныя рѣчи говорила Тетьяна Петровна. Говорила бы боль-

ше, но въ ту пору подъѣхала повозка, долженствовавшая отвезти сына ея... тутъ... но не берусь описывать послѣдняго прощанья... скажу только, что Романъ Тихоновичь вырвался изъ объятій матери, какъ птица влетѣлъ въ кибитку, нырнулъ въ подушки, закричалъ: «погоняй», и роковая кибитка тронулась съ мѣста...

«Воротись, воротись, Ромашенька! Воротись... я приказываю тебѣ... я твоя мать... вспомни, что у тебя нѣтъ другой матери!..» Такъ вопила и кричала Тетьяна Петровна, бѣгучи со всѣхъ ногъ... то-то материнское сердце! гдѣ и сила взялась?.. простоволосая, въ распахнутомъ пудреманѣ... и какъ она громко кричала, какъ жалобно приговаривала, что не только куча крестьянъ и бабъ, собравшихся глядѣть, какъ ихъ барыня, однимъ-одинаго сыночка провожаетъ въ городъ «на войну», не только они на-взрыдъ плакали, да не прогнѣвайтесь, и камень, если бы тутъ былъ, а го не было, одинъ голый песокъ, и камень бы, говорю, всплакнулъ бы, слыша вопли матери и жалкіе призывы къ сыну, который, предавшись мечтамъ о будущей участи своей, уже начиналъ дремать, не обращая никакаго вниманія на происходившее за нимъ.

Не успѣли ввести въ домъ Тетьяну Петровну, какъ она одинаго изъ конюховъ послала догнать панича и сказать, что если была ему какая недобрая

встрѣча, такъ бы воротился и дождался благопріятнаго времени.

Схвативъ лошадь, конюхъ пустился какъ изъ лука стрѣла и, скоро догнавъ экипажъ, разбудилъ паныча и донесъ ему порученіе матушкино. Романъ Тихоновичъ, зѣвая, велѣлъ отвѣчать ей, что все идетъ хорошо; никакой встрѣчи не было, только Кирюшка замѣчаетъ, что отъ города имъ на встрѣчу летятъ птицы и все смирныя, не хищныя, и онъ толкуетъ, что, не воевавши ни съ кѣмъ, панычь скоро воротится.

Эта примѣта очень успокоила Тетьяну Петровну; но она, узнавъ, что Ромашенька лежитъ въ подушкахъ, другаго конюха послала догнать паныча и спросить, хорошо ли послана ему постель? и если чуть безпокойно, такъ бы остановился и приказалъ бы Кирюшкѣ поправить, какъ только можно лучше. Дорога-де не близкая, растрясетъ, измучитъ...

Не успѣла отрядить втораго посыльнаго, какъ принесли ей ватрушки, да преотмѣнныя, только-что изъ печи, горячія, поджаристыя, какія любитъ Романъ Тихоновичъ. Нѣжное сердце Тетьяны Петровны и этаго обстоятельства не оставило безъ вниманія; спѣшно отобравъ «десяточекъ лучшихъ ватрушекъ», обливъ масломъ и смѣтаной, укутавъ все въ салфетки, приказала третьему конюху скакать «какъ муха»,

догнать паныча и просить, чтобы непремѣнно скушалъ хоть нѣсколько, потому-что ужъ вѣрно-де проголодался, а впередъ еще не близко ѣхать; не кушавши, тяжело будетъ.

Какъ принялъ путешествующій Романъ Тихоновичь двухъ отъ матери посыльныхъ, приказывалъ ли исправить постель, кушалъ ли ватрушки, намъ знать это не нужно.

Не буду подробно описывать, какъ Романъ Тихоновичь, пріѣхавши въ городъ и отдохнувши послѣ такаго переѣзда, проискивалъ и проискалъ, чрезъ кого ему быть представлену въ полкъ; какъ онъ для рѣшительнаго опредѣленія въ службу избралъ число не только не феральное, но еще и счастливое для начала; луна была растущая, день былъ вторникъ, въ старомъ календарѣ стояло, что день этотъ пригоденъ для бритья бороды, метанія крови и для начала всякаго дѣла вообще; какъ онъ учился службѣ и привыкалъ къ ней; какъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ (это было въ 1786 году), скоро вышелъ въ офицеры, и какъ исправлялъ собственно службу. Ничего такаго не буду описывать, потому-что все шло очень обыкновенно. Много важнѣйшихъ обстоятельствъ въ жизни Романа Тихоновича, которыя въ подробности едва ли могу пересказать.

Не могу однако же умолчать о моемъ всегдашнемъ удивленіи на счетъ военной службы, вотъ съ какой стороны: вступитъ въ нее такимъ неуклюжимъ, ни фигуры въ немъ, ни ловкости, рукъ не умѣетъ держать; посмотрите же вы на него чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже не тотъ человѣкъ: ходитъ ловко, шаркаетъ пристойно, ужимается красиво, за словомъ въ карманъ не лазитъ: къ барышнямъ льнетъ, не замолчитъ предъ ними; не онъ, а онѣ краснѣютъ предъ нимъ, да того и смотри, что такое «баимо» отпуститъ, что вы бы отъ него въ вѣкъ не ожидали.

Такъ передѣлала служба и нашего Романа Тихоновича: прислушиваясь къ другимъ, онъ съ небольшими ошибками могъ командовать взводомъ, дежурилъ по ротѣ, и до того вникнулъ въ службу, что сидѣлъ и на обвахтѣ за упущенія и нерадѣніе. Въ обществѣ не былъ лишній. Прежде всѣхъ скажетъ, которое сегодня число, въ какомъ положеніи луна теперь и когда она родится, и много такаго важнаго зналъ, за что нѣкоторые почитали его умнымъ. Впрочемъ, извините, онъ и не былъ вовсе дуракъ, а такъ, страненъ былъ своимъ вѣрованіемъ въ вѣдьмъ, существованіе кладовъ, дурнымъ встрѣчамъ и прочему такому, чему и признанные за умныхъ вѣрятъ, и переувѣрить ихъ никто не можетъ. Стало быть, чему вѣрятъ умные люди, то не можетъ быть глупость.

Романъ Тихоновичь пускался въ умничанья при такихъ случаяхъ, гдѣ меньше ожидали отъ него; на прим. Въ одномъ холостомъ обществѣ разсуждали о чертяхъ, видалъ ли ихъ кто и можно ли кому увидѣть его. Тутъ Романъ Тихоновичь отозвался, что видалъ ли кто живаго чорта, онъ не знаетъ; но что одинъ мужичокъ божился, что въ дуплѣ дерева нашелъ онъ однѣ косточки издохшаго и чуть ли еще не замерзшаго чорта.

Такое увѣреніе приняли за басню и доказывали, что чортъ не можетъ пропасть ни отъ жару, ни отъ холоду, и вообще, чортъ никогда не околѣваетъ.

Со всѣмъ жаромъ доказывалъ Романъ Тихоновичь — и какъ умно говорилъ! — что найденныя кости и перья не были ни звѣриныя, ни птичьи; чьи же? Конечно чортовы. Онъ какъ залѣзъ въ дупло, а тутъ подхватилъ морозъ, вотъ онъ и околѣлъ. «Да знаете ли, прибавилъ Романъ Тихоновичь: если бы этаго не было, никто бы и не говорилъ, потому-что нельзя выдумать того, чего не было когда-нибудь. Что хотите выдумайте, скажите, это не будетъ выдумка, а было прежде и было непремѣнно.»

Такое его вѣрованіе общество товарищей взяло на замѣчаніе до случая.

Въ другой разъ, у полковника, между серьёзными людьми зашла рѣчь о какомъ-то въ то время провалившемся городѣ, и что на томъ мѣстѣ явилось озеро. Жалѣли о бѣдныхъ жителяхъ того города, такъ жалко погибшихъ. Тутъ Романъ Тихоновичь не выдержалъ и вступилъ въ рѣчь:

«Отъ чего же они жалки? Они-себѣ будутъ тамъ жить преблагополучно.»

— Какъ могутъ люди жить въ водѣ?—возразили ему.

«Такъ могутъ, что могутъ, сказалъ рѣшительно Романъ Тихоновичь. Они превратились въ рыбъ и живутъ-себѣ.»

Всеобщій хохотъ.

«Вы не вѣрите, господа? спросилъ онъ, удивляясь ихъ сомнѣнію; спросите же у нашего рыболова Тимохи, такъ онъ раскажетъ вамъ, что именно съ нимъ случилось. За нашимъ селомъ есть большое озеро, которое, какъ расказываютъ знающіе люди, было прежде деревнею. Она вдругъ провалилась и стала озеромъ. Ну, вотъ озеро, да и озеро, и нужды нѣтъ. Люди въ немъ ловятъ рыбу и кушаютъ преблагополучно, и ничего. Вотъ и Тимоха ча-

сто ловитъ тамъ рыбу, и ничего. Въ одинъ день, уже къ вечеру, между другими рыбами, поймай онъ щуку, да преудивительную! Она щука, какъ щука, да на головѣ у нея волосы черные, длинные, заплетенные въ двѣ косы и положены вѣнкомъ на головѣ, вотъ какъ убираются наши Малороссіянки, и въ тѣ косы воткнутъ былъ цвѣточикъ. Удивясь такой рыбѣ, Тимоха взялъ да этими же косами и привяжи эту щуку въ лодкѣ у себя, и ничего, продолжаетъ ловить еще. Вдругъ изъ воды, изъ самой-таки воды раздается тоненькій голосокъ: «Мелашко, Мелашко!» Тимоха испугался, слушаетъ, что будетъ, какъ вотъ привязанная въ лодкѣ щука отзывается дѣвичьимъ голоскомъ: — А чего? —

«Зачѣмъ ты нейдешь встрѣчать стадо?» кричитъ голосъ изъ воды: «я сама уже загнала твою корову. Гдѣ ты? Иди сюда.»

— Нельзя, отвѣчаетъ щука изъ лодки: человѣкъ меня поймалъ и въ лодкѣ привязалъ за косы...—

«Тимоха испугался ужасно, развязалъ щучьи косы и пустилъ ее въ воду... Вотъ какъ это было», заключилъ свой расказъ Романъ Тихоновичь: «а потому и тѣ люди не погибли, а рыбами живутъ и понынѣ.»

Такимъ образомъ Романъ Тихоновичь былъ разгаданъ. Офицеры–товарищи скучали безъ него, и при всякомъ собраніи посылали за нимъ, давали ему свободу расказывать все, что онъ слышалъ въ росказняхъ бабусь, и нарочно заводили его въ споры, чтобы слышать собственныя его сужденія и замѣчанія. «Повѣрите ли, говарилъ онъ: въ прежнее время были такіе силачи, что ввернетъ кольцо въ землю и вертитъ ее около себя.»

— Мы не споримъ, возражали товарищи: потому-что увѣрены, нельзя того выдумать, чего не было прежде. Но на чемъ же стоялъ тотъ человѣкъ, который землю вертѣлъ около себя? —

«Ужъ на чемъ же нибудь стоялъ», такъ утверждалъ Романъ Тихоновичь, недовольный возраженіями и опроверженіемъ его расказовъ: «нельзя не стоять особо на чемъ, когда землю вертѣть. Да такой сильный человѣкъ и безъ насъ выдумаетъ, на чемъ стать ему.»

Подобныя доказательства, при всѣхъ возраженіяхъ, дѣлаемыхъ ему, лились рѣкою. Романъ Тихоновичь, жаждавшій найти кладъ, самъ для товарищей своихъ былъ драгоцѣннымъ кладомъ.

Воспомянемъ же единожды навсегда про матушку его, Татьяну Петровну. Начиная съ другаго дня

отъѣзда его изъ дому, непремѣнно каждый день посылаемъ былъ отъ нея нарочный къ сыну узнать: каково онъ почивалъ, не видѣлъ ли значительнаго сна; смирно ли въ полку; не наѣзжали ли Турки; не воевался ли онъ съ ними или съ другимъ какимъ непріятелемъ; не можно ли ему уѣхать изъ полку—и проч. все такое. Нерѣдко присылаемы были пироги, блины или сладости какія. Кирюшкѣ же чрезъ посыльныхъ подтверждаемо было строжайше смотрѣть прилежно за панычемъ и беречь его какъ глазъ. Не заставлять его быть голоднымъ, стлать постель попокойнѣе, ружья и шпаги не давать ему въ руки; а чуть только задумаетъ съ кѣмъ воеваться, тотчасъ прибѣжать къ барынѣ и объявить. Она сама пріѣдетъ и увезетъ его изъ полку, чтобы не допустить до бѣды.

По временамъ, Романъ Тихоновичь отпускаемъ былъ домой на нѣсколько дней. Тогда Тетьяна Петровна была внѣ себя отъ радости, что сынъ ея возвратился изъ похода живъ, здоровъ и даже не раненъ. Дома его нѣжили, покоили и отпускали снова «на войну» съ прежними, горькими слезами.

Возвращеніе Романа Тихоновича изъ дому для офицеровъ было новою радостью. Онъ пріѣзжалъ съ новыми свѣдѣніями объ открывшихся въ околоткѣ вѣдьмахъ, новомъ способѣ истребить ихъ, необычайномъ какомъ происшествіи, коему бы и повѣ-

рить трудно, если бы объ этомъ не расказывали; а расказываютъ, слѣдовательно оно случилось.

Невѣрующихъ расказамъ его и спорющихъ съ нимъ онъ не любилъ, и тотчасъ уходилъ отъ нихъ. Изъ всего общества офицеровъ, два вкрались въ дружбу къ нему до того, что онъ открылъ имъ все, что было у него за душою. Не только передалъ имъ свои понятія о всѣхъ предметахъ, наиболѣе занимающихъ его, тайныхъ намѣреніяхъ и планахъ, какъ истребить съ лица земли всякаго рода колдовство и тѣмъ водворить всеобщее благоденствіе, къ чему имѣлъ онъ самыя вѣрныя и основательныя надежды; но, подъ страшною клятвою не открывать никому и хранить въ величайшей тайнѣ, научилъ онъ ихъ важнымъ и сильнымъ словамъ, кои они должны были шептать себѣ при выходѣ изъ квартиры, чтобы избавиться отъ уроковъ при встрѣчѣ съ кѣмъ бы то ни было, чтобы иногда чей дурной глазъ не помѣшалъ въ предпріятіяхъ. Всему, что самъ зналъ, всему научилъ.

Въ одинъ день, Романъ Тихоновичь съ прочими офицерами былъ у своего капитана. Туда пришелъ Жидъ съ разными товарами: чубуками, табакомъ, мыломъ и прочимъ, нужнымъ для офицеровъ. Кто покупалъ, кто торговалъ, а Романъ Тихоновичь съ однимъ изъ своихъ друзей, ходя по комнатѣ, придумывалъ средство, какъ бы убѣдить жителей города разрыть

за городомъ гору, въ коей, извѣстно было, зарытъ неоцѣненный кладъ.

Тутъ подошелъ къ нимъ Жидъ и съ сожалѣніемъ чистымъ Русскимъ выговоромъ изъяснялся, что нѣтъ охотника купить у него секретную вещь.

«Какая тамъ у тебя секретная вещь?» съ презрѣніемъ спросилъ другъ Романа Тихоновича.

— Такая вещь, ваше благородіе, говорилъ Жидъ въ полголоса, что я боюсь и говорить... —

«Какая, какая? скажи мнѣ», торопливо спросилъ его Романъ Тихоновичъ и, схвативъ Жида за рукавъ, отвелъ его въ уголъ. Другъ же, захохотавъ, сказалъ: «вѣрно вздоръ какой-нибудь», и отошелъ отъ нихъ.

— Пусть его благородіе говоритъ, что хочетъ, началъ объяснять Жидъ со всею важностью: а я вашему благородію скажу, что это не вздоръ, а вещь важная и весьма полезная. Видите ли, ваше благородіе; тутъ есть мой дядюшка... и у него есть вещь... о! чудесная вещь... это рожокъ... —

И Романъ Тихоновичъ весь дрожалъ отъ нетерпѣнія услышать далѣе.

— Это рожокъ по виду простой, продолжалъ Жидъ; но ни чуть не простой. Видите ли, ваше благородіе!.. есть на свѣтѣ злыя женщины... —

«Вѣдьмы. Я знаю ихъ. Ну, такъ что этотъ рожокъ?» подпрыгивая отъ нетерпѣнія, выспрашивалъ Романъ Тихоновичь, и изъ опасенія. чтобы Жидъ, не объяснивъ ему всего, не ушелъ бы отъ него, взявши за обѣ руки, просилъ договаривать скорѣе все, что знаетъ.

— Ну, когда ваше благородіе знаете все, такъ знаете, какой важности этотъ рожокъ. Мой дядя продаетъ его, но никто... —

«А что онъ хочетъ за него?» уже шопотомъ спрашивалъ Романъ Тихоновичь и подалѣе отводилъ Жида, чтобы никто не подслушалъ ихъ разговора.

— Не знаю, что онъ потребуетъ за него; но знаю, что кто хочетъ купить этотъ рожокъ, тотъ отнюдь не долженъ торговаться, а согласиться на все, чего продавецъ потребуетъ, и тогда только рожокъ будетъ имѣть силу.—

«Гдѣ же живетъ твой дядюшка? Пойдемъ къ нему скорѣе. Я боюсь, чтобы кто не перекупилъ.»

— Не бойтесь, ваше благородіе, этотъ рожокъ не всякому пригоденъ. Къ дядюшкѣ же надобно итти секретно. Я выйду прежде и буду ожидать васъ за воротами. —

Условясь во всемъ, жидъ оставилъ Романа Тихоновича, собралъ небрежно свои вещи и, не получивъ денегъ за купленныя офицерами, вышелъ, дѣлая знаки Роману Тихоновичу, и онъ началъ торопиться за нимъ.

Сколько ни удерживали его товарищи, сколько ни убѣждали остаться, но онъ не склонился ни на что, спорилъ и, почти съ неудовольствіемъ вырвавшись отъ нихъ, побѣжалъ за ворота.

Тутъ нашелъ онъ Жида, и съ нимъ вмѣстѣ пошли изъ улицы въ улицу. Сильно безпокоили Романа Тихоновича встрѣчающіяся бабы съ пустыми ведрами, идущія за водою; но Жидъ тутъ же прошептывалъ надъ нимъ свои заклинанія, одувалъ его и тѣмъ успокоивалъ.

Послѣ долгой ходьбы пришли они къ хижинѣ, гдѣ жилъ Жидовскій дядюшка. Въ тускло освѣщенной избенкѣ сидѣлъ старый—не кто больше, какъ— Жидъ, съ длинною, бѣлою и пушистою, точно какъ ленъ, бородою, но краснощокій и съ живыми глазами.

Дядюшка тотчасъ узналъ, кто и зачѣмъ пришелъ. Къ удивленію Романа Тихоновича, онъ объяснилъ во всей подробности намѣренія и желанія его, и началъ описывать достоинство рожка, происхожденіе и чудесную силу его, такъ же точно, какъ говорила ему одна изъ бабусь, пѣстунницъ его. Удивлялся и тому, что, говоря Жидовскимъ нарѣчіемъ, вдругъ сбивался на чисто-Русскій; и что голосъ, даже самое лице, выключая бороды, весьма похоже на однаго офицера; но Романъ Тихоновичь разсудилъ, что ни малѣйше не предосудительно офицеру имѣть одно лице съ Жидомъ; притомъ же волшебникъ, какимъ безъ сомнѣнія былъ Жидъ, можетъ принимать всѣ виды, какіе пожелаетъ.

Тутъ, обдумавши все, Романъ Тихоновичь съ жадностью слушалъ о всѣхъ достоинствахъ рожка, и когда дядюшка спросилъ его, что онъ можетъ дать за такую чудную вещь, тутъ Романъ Тихоновичь, съ безпокойствомъ, предложилъ ему... десять рублей...

«Гмъ!.. десять рублей!» такъ говорилъ Жидъ: «Турецкій султанъ предлагалъ мнѣ милліонъ злотыхъ, но... не забывай, сынъ мой! продолжалъ онъ важно, что за эту удивительную вещь торговаться не должно, и потому... если бы я интересовался деньгами, то, живя на свѣтѣ тысячу двѣсти лѣтъ съ мѣсяцами... (тутъ Романъ Тихоновичь взглянулъ на Жида и удивился, что въ такихъ лѣтахъ

онъ крѣпокъ и бодръ, какъ бы и въ двадцать лѣтъ) конечно могъ бы продать его султану, взявъ въ придачу одну изъ хорошенькихъ дочерей его; но для меня деньги — прахъ, а красота женская никогда не прельщала меня. Я могу продать тебѣ рожокъ на одномъ весьма незначительномъ условіи.»

И Романъ Тихоновичь заранѣе обѣщевалъ исполнить все.

«Рожокъ этотъ потеряетъ свою силу, если протрубитъ въ него женатый человѣкъ. Кто хочетъ имѣть его для пользы человѣчества, тотъ не долженъ никогда жениться. Вотъ я, мои семь сотъ сыновей и все потомство наше до нѣсколька сотъ тысячь людей, всѣ до однаго не были женаты, по ненависти нашей къ прекрасному полу, и все изъ опасенія, что бы не взять жены колдуньи, коихъ половина на добрыхъ въ ихъ полѣ. Какъ же мнѣ паскучила уже холостая жизнь, то, располагая жениться, рѣшился свой рожокъ передать такому человѣку, который отрекся бы отъ женитьбы. Согласенъ ли ты на такомъ условіи принять отъ меня эту таинственную вещь?»

— Нѣтъ, почтеннѣйшій дя... — сказалъ Романъ Тихоновичь съ уваженіемъ и, какъ старика, хотѣлъ почтить его титломъ «дядюшка»; но вспомня, что онъ Жидъ, пріостановился и, помолчавъ немного,

продолжалъ: — не могу отказаться отъ первѣйшей на человѣкѣ лежащей обязанности. Да мнѣ и судьба назначила быть женатымъ. Не могу идти противъ нея. — Но скажите вы мнѣ, почтенный... старецъ, почему вы, живя столько лѣтъ и владѣя такимъ сокровищемъ, до сихъ поръ не истребили злыхъ колдуней, какъ это сдѣлаю я въ первый день обладанія этою чудесною вещью? —

«Привычка вторая натура, сынъ мой! Рожокъ имѣетъ свою силу только ровно въ часъ по захожденіи солнца. Я же съ молодыхъ еще лѣтъ сильно пристрастился къ бостону, и лишь отобѣдаю, тотчасъ за карты, что и дѣлалъ во всю долгую жизнь мою. Углубясь въ игру и наставивъ ремизовъ, я пропускалъ уреченный часъ, а злыя вѣдьмы торжествовали до сего времени. Видя же въ тебѣ такой благородный жаръ завладѣть сокровищемъ и употребить его на общую пользу, я могу уволить тебя отъ обязательства не жениться цѣлый вѣкъ; но вмѣсто того ты уже долженъ непремѣнно, хотя тягостное, но необходимое условіе исполнить въ точности.»

— Какое, какое? говорите скорѣе; все исполню.—

«Слушай же, сынъ мой! Если ты сегодня получишь отъ меня таинственную вещь, то завтра въ самый полдень ты долженъ замолчать, хотя бы средн самаго интереснаго разсказа, замолчать, какъ безъ-

языкій, и ни полслова не сказать ровно сутки. Въ теченіе двадцати-четырехъ-часоваго молчанія, только всего что въ минуту захожденія солнца ты долженъ громко закуковать три раза какъ кукушка, а при самомъ восхожденіи солнца прокричать пѣтухомъ также три раза; начать же говорить можешь не иначе, какъ въ самый полдень. Тогда рожокъ будетъ имѣть свою силу, и ты въ первый вечеръ можешь имъ скликать къ себѣ всѣхъ волшебницъ въ мірѣ. Обѣщаешь ли во всей точности исполнить условіе?»

— Обѣщаю, мудрый старецъ! Но научи меня прежде, какъ я долженъ кричать? Такъ ли? Ку-ку, ку-ку, кукареку, кукареку. —

«О! совсѣмъ не такъ. Это ни на что не похоже. Подражай мнѣ.»

И началось кукованье и кукарекапье. Магъ понуждалъ ученика кричать, сколько можно громче, а тотъ дралъ горло изо всей сплы: «куку, куку, кукареку-у-у...»

Когда уже накричался Романъ Тихоновичь до того, что всѣ сосѣди слышали, магъ, послѣ необходимыхъ волшебныхъ церемоній, клятвы ужасной, которую Романъ Тихоновичь, трепеща всѣмъ тѣломъ, кричалъ за Жидомъ на какомъ-то языкѣ, котораго оба не понимали; послѣ всѣхъ такихъ таинственныхъ

обрядовъ волшебный рогъ, уложенный въ какой-то ящикъ и увернутый въ хлопчатую бумагу, какъ драгоцѣнность какая, торжественно былъ врученъ Роману Тихоновичу, непомнящему себя отъ радости, дѣлаясь обладателемъ такой чудной вещи.

Возвращаясь домой, Романъ Тихоновичъ шелъ, какъ говорится, не слыша земли подъ собой. Въ сумерки каждый предметъ, представлявшійся глазамъ его, казался ему страшилищемъ, идущимъ противъ него, клубкомъ, катящимся подъ ноги ему... и онъ, неустрашимый! выставлялъ противъ нихъ ящикъ съ завѣтнымъ сокровищемъ, и ясно видѣлъ, какъ увѣрялъ послѣ, что всѣ эти привидѣнія разсѣевались какъ туманъ.

Безъ дальнѣйшихъ приключеній онъ пришелъ домой, и первое слово было его, воскликнутое съ радостью: «ну, Кирюшка! что я досталъ, такъ ты и не отгадаешь.»

— Когда не скажете, то и не отгадаю; а когда скажете, то буду знать — отвѣчалъ острякъ.

Тутъ Романъ Тихоновичъ со всею подробностью разсказалъ о происхожденіи рожка, и сколькихъ стоило трудовъ завладѣть имъ. Но объ условіяхъ скрылъ, а только хвалился, что теперь ему очень легко истребить всѣхъ вѣдьмъ съ лица земли.

«Прежде всего, панычь, проучите нашу маркитантшу, Сидоровну. Вотъ уже вамъ скажу спасибо.»

— Не ужели же она вѣдьма? —

«Самая безъестественная и безсовѣстная. Покупаетъ, или гдѣ уже она беретъ, молоко, не знаю, и какое оно, того вамъ не скажу; и это молоко, то и дѣло, какъ ни придешь, она переливаетъ изъ большихъ въ маленькіе кувшины; стало быть, она вѣдьмитъ. Что ни купишь у нея, то либо обмѣритъ, либо обвѣситъ и въ счетахъ приписываетъ; стало быть, она вѣдьмитъ. Проучите ее первую.

— Пѣтъ, Кирюшка; она женщина услужливая и мнѣ нужна. Скажи ей, чтобъ она завтра утромъ пришла ко мнѣ, я ее усовѣщу, чтобъ оставила всѣ колдовства; а не то, послѣ завтра, пусть не прогнѣвается. —

Потомъ, не открывая Кирюшкѣ тайны, Романъ Тихоновичь приказалъ ему, что приготовить и какъ служить ему, «когда онъ будетъ казаться ему чуднымъ.» Болѣе ничего не открылъ вѣрному слугѣ своему, и отпустилъ его.

Утромъ Кирюшка, по обыкновенію, разбудя барина своего, донесъ, что онъ привелъ-было маркитантшу къ самой квартирѣ; но чуть лишь она хотѣла

войти въ домъ, то ее отъ дверей такъ оттолкнуло, что она чуть на ногахъ устояла, и послѣ того сказала, что ни за что въ свѣтѣ не пойдетъ, потому-что вы-де «не простый», а что-нибудь знаете.

— Э! Кирюшка, это вотъ что, съ восхищеніемъ сказалъ Романъ Тихоновичъ: сила рожка велика! Она именно вѣдьма. Ее первую проучу. —

Зарепортовавшись по службѣ нездоровымъ, Романъ Тихоновичъ располагалъ все время искуса и обѣта молчанія провести въ одиночествѣ, чтобъ не нарушить клятвы; но утромъ собрались у него офицеры и нечувствительно завели его въ обыкновенные разсказы о всѣхъ извѣстныхъ ему чудесностяхъ. Заговорившись, онъ не примѣчалъ, какъ текло время, какъ вотъ, среди самаго занимательнаго мѣста въ любопытномъ происшествіи, одинъ изъ бесѣдовавшихъ офицеровъ сказалъ: «какъ время бѣжитъ; сей часъ будетъ двенадцать часовъ...» Романъ Тихоновичъ ударилъ себя въ лобъ, поблѣднѣлъ, молча взглянулъ на часы товарища и, увѣрясь, что не дошло еще одной минуты до полдня, успокоился, но тутъ же замолчалъ, замолчалъ и замолчалъ какъ нѣмой.

Сколько товарищи ни приставали къ нему, сколько ни понуждали его, чтобы заставить его хоть слово проговорить, онъ былъ твердъ и, глядя на нихъ спокойно, молчалъ. Офицеры сочли, что его постиг-

гла какая болѣзнь, хотѣли послать за лекаремъ, оказать ему помощь; но онъ, даже и знаками не отвѣчая ничего, ушелъ въ свою комнату и заперся отъ нихъ на крючокъ. Слышалъ онъ и изъ заключенія своего, что офицеры принимали участіе въ его положеніи и строго подтверждали Кирюшкѣ, что если случится съ бариномъ его что необыкновенное, такъ бы онъ немедленно давалъ знать.

Вечеромъ возвращались офицеры отъ зари, какъ навстрѣчу имъ Кирюшка, испуганный, дрожитъ и со слезами разсказываетъ: «сдѣлайте милость, господа, помогите, чѣмъ знаете, моему панычу... Совсѣмъ одурѣлъ. Все сидѣлъ запершись въ комнатѣ, а чуть лишь солнце стало садиться, какъ выскочитъ изъ комнаты, какъ побѣжитъ и, не сказавши мнѣ ни слова, остановился среди двора и началъ смотрѣть на солнце какъ сычъ... потомъ какъ закукукаетъ, словно живая кукушка, да такъ громко, что сосѣдки кучами сбѣжались смотрѣть на это диво; а панычь, покукуковавши, сколько ему вздумалось, побѣгалъ по двору и опять вбѣжалъ въ комнату и заперся.»

Офицеры увѣрили вѣрнаго слугу, что какъ уже солнце зашло, то и лечить никого не можно. Утромъ же, если еще что случится съ бариномъ, пришелъ бы разсказалъ, тогда они подумаютъ.

Рано утромъ было ученье за городомъ. Кирюша прибѣжалъ и туда съ жалобою, что баринъ его все болѣе и болѣе дурѣетъ. «Вчера вечеромъ, разсказывалъ онъ, вышелъ онъ изъ заперти и показалъ рукою, что хочетъ кушать. Я поставилъ ужинъ. Нечего скрывать, панычь кушалъ славно, и все молчалъ. Ночь почивалъ покойно; только свѣтъ сталъ, онъ вышелъ и сталъ ходить по двору, а я за нимъ, такъ-себѣ и ходимъ. Чуть только солнышко показалось, панычь мой и захлопалъ руками, и началъ во все горло словно пѣтухъ кричать: «кукареку, кукареку-у-у!» Меня такъ и проняли слезы! я къ нему, а онъ отъ меня, да и заперся снова. Я къ маркитантшѣ, чтобы шла помочь нашей бѣдѣ; она и пошла со мною. Такъ чтожъ? Только лишь хочетъ войти въ домъ, такъ ее что-то и отшвырнетъ далеко. Нѣсколько разъ такъ было; послѣ она сказала: «твой панычь и самъ великую силу имѣетъ.» Однако, раскинувши бобами, сказала, что это не наслано, а само нашло и скоро сойдетъ само по себѣ. Сдѣлайте милость, научите меня, что мнѣ дѣлать? Не бѣжать ли къ барынѣ и не разсказать ли ей о бѣдѣ?»

Офицеры увѣрили его, что не нужно безпокоить матушки Романа Тихоновича, когда такъ много знающая маркитантша увѣрила, что все само пройдетъ; а ему приказали не безпокоить больнаго ничѣмъ.

Окончивъ свои занятія по службѣ, они собрались въ квартирѣ его, и хотя онъ не выходилъ къ нимъ, а оставался по-прежнему въ запертѣ, но они и за-глаза хвалили во весь голосъ умъ его, знаніе всѣхъ предосторожностей отъ зла и все такое, какъ одинъ офицеръ и сказалъ: «Не знаю, дождемся ли мы, чтобы онъ вышелъ? Вотъ уже и первый часъ начался...»

Вдругъ отворилась дверь; Романъ Тихоновичъ вышелъ изъ заключенія здоровый и покойный; посмотрѣлъ на часы и, увѣрясь, что двенадцать часовъ прошло, искусъ его миновался, онъ торжественно воскликнулъ: «побѣда!.. сколько ни претерпѣлъ, но достигнулъ своего. Поздравьте меня!»

Товарищи, изумляясь всему, видѣнному имъ, приставали къ нему съ распросами, что значитъ такое чудное его дѣйствіе?

«Это еще ничего; вотъ увидите штуки важнѣе того», говорилъ Романъ Тихоновичъ, и отъ восторга щелкалъ пальцами. «Увидите невиданное доселѣ. Приходите, господа, къ нашему капитану всѣ за часъ до захожденія солнца, и приносите, у кого есть, шпаги, пистолеты, ружья заряженныя; тамъ-то вы чудеса увидите. Только заранѣе говорю, кто изъ васъ боится страшнаго, такому не совѣтую приходить, чтобъ не испугался на-смерть.»

Еще болѣе удивлялись такому неразгаданному дѣйствію умнаго Романа Тихоновича, товарищи, кто похрабрѣе, дали слово притти въ назначенное мѣсто и исполнить все по его наставленію. Нельзя утаить, что нашлись и такіе, которые не посмѣли явиться на мѣсто, а располагали издали смотрѣть на всѣ дѣйствія чуднаго товарища своего.

Въ назначенное время Романъ Тихоновичъ приходитъ къ капитану и застаетъ всѣхъ офицеровъ въ сборѣ. Никто не надивится, какъ онъ веселъ, говорливъ, все обѣщеваетъ показать сего вечера нѣчто необыкновенное; но что, не открываетъ никому Указывалъ на принесенный съ собою ящикъ, просилъ не прикасаться къ нему, чтобы не причинить себѣ бѣды, отъ которой и онъ не будетъ умѣть помочь.

Солнце садилось... и онъ, со всею важностью просилъ офицеровъ, кто похрабрѣе, вооружиться принесенными съ собою оружіями. Вооруженные. кто шпагою, пистолетомъ, а кто палкою и даже метлою, офицеры выступили и расположились по двору въ разныхъ указанныхъ распорядителемъ пунктахъ. Ставъ посреди двора, онъ вынулъ свой таинственный рожокъ, и со всею важностью просилъ офицеровъ: «лишь я затрублю въ этотъ рогъ, то вы что увидите предъ собою, кошку-ли, собаку, корову, женщину или другое какое бы ни было привидѣніе, тотчасъ, не думавши и не боясь ничего, стрѣляйте въ нихъ, колите,

рубите, бейте, чѣмъ случится; я за все отвѣчаю. Слѣдуйте моему примѣру, и вы увидите, какую пользу мы принесемъ человѣчеству.»

Убѣдясь его краснорѣчіемъ, офицеры торжественно увѣряли его, что не пощадятъ даже жизни своей, пойдутъ на всѣ опасности и исполнятъ все, требуемое имъ.

Отряженъ былъ одинъ офицеръ на крышу сарая наблюдать мигъ, когда солнце лишь скроется... Всѣ устроились... торжественное молчаніе водворилось... ожидаютъ важнаго событія...

«Скрылось!» закричалъ офицеръ съ крыши сарая, и Романъ Тихоновичь трубитъ изо всей мочи...и... о, ужасъ!.. у близъ стоящаго сарая отворяются ворота, и изъ него выбѣгаютъ чудовища въ длинныхъ бѣлыхъ покрывалахъ, съ распущенными волосами... кто идетъ прямо, кто ползетъ на четверенькахъ... явились страшилища, обросшія шерстью, точно въ вывороченныхъ тулупахъ, съ рогами и другіе т. под. уроды... все это кричитъ, реветъ, визжитъ, пищитъ, воетъ и съ страшнымъ шумомъ бросается по всему двору... Въ дополненіе ужаса, изъ другаго сарая выбѣгаютъ съ страшнымъ крикомъ гуси, утки, вылетаютъ кучи воробьевъ, выкатываются большіе клубки нитокъ и катаются по двору, точно какъ будто ихъ кто изъ-за угла за нитку тянетъ...

При первомъ появленіи такихъ страшилищъ, Романъ Тихоновичъ внѣ себя закричалъ: «бейте... стрѣляйте... чѣмъ попало бейте!.. Это вѣдьмы, колдуньи... Смотрите на меня!..» и онъ силится вытащить свою шпагу, чтобы, для примѣра, заколоть нѣсколько чудовищъ... но, о бѣда! никакъ не можетъ вытащить шпаги изъ ноженъ... «А! закричалъ онъ съ ужасною досадою: заколдовали злодѣйки!» и, схвативъ ее съ ножнами, поднимаетъ вверхъ и кричитъ: «за мною, храбрые товарищи! будемъ преслѣдовать чудовищъ!»

Но, къ большому ужасу и горести своей, онъ видитъ, что при первомъ появленіи страшилищъ нѣкоторые офицеры упали въ обморокъ; другіе хотя и рѣшились стрѣлять, но кремни у пистолетовъ осѣклись; у прочихъ или шпаги не шли изъ ноженъ, какъ и у самаго предводителя, или руки окостенѣли до того, что они не могли владѣть палками, метлами... а между-тѣмъ вѣдьмы, въ настоящемъ человѣческомъ видѣ, поспѣшили скрыться въ огородъ, садъ и т. п., а вѣдьмы, бывшія въ видѣ птицъ дворовыхъ и воробьевъ, съ страшнымъ крикомъ и чирканьемъ выбѣжали со двора и разлетѣлись въ разныя стороны... Храбрый и неустрашимый Романъ Тихоновичъ, пока вышелъ изъ смущенія, видя всѣхъ товарищей и шпагу свою заколдованными, не имѣлъ уже кого преслѣдовать... Болѣе всего жалѣлъ, что не схватилъ маркитантши, которая

безъ всякаго превращенія, въ своемъ видѣ, бывъ выкликана рожкомъ, впереди всѣхъ быстро выбѣжала со двора...

Измученный ратоборствомъ противъ нечистой силы, герой нашъ до того усталъ, что едва держался на ногахъ, но не переставалъ съ большимъ жаромъ еще кидаться во всѣ стороны, разсѣкая необнаженнымъ мечемъ своимъ одинъ воздухъ, полагая, что удивительнымъ рожкомъ своимъ онъ выкликалъ и такихъ колдуней, кои скитаются по свѣту невидимками... Уже онъ близокъ былъ до того, чтобы упасть на мѣстѣ; но пришедшіе въ себя товарищи, взявъ его подъ руки, насильно ввели въ комнату.

Упавъ на диванъ, долго отдыхалъ, и потомъ принялся упрекать, что его рано отвели; увѣрялъ, что многихъ жестоко поранилъ и отсѣкъ члены у нѣкоторыхъ шпагою, и что завтра узнать можно, которая изъ женщинъ въ городѣ колдунья, потому-что на ней видны будутъ раны и увѣчья, которыя онъ имъ нанесъ.

Офицеры превозносили храбрость и неустрашимость Романа Тихоновича и наперерывъ описывали всѣ его геройскіе подвиги; удивлялись силѣ волшебства, успѣвшей заколдовать ихъ оружіе и навести

на нихъ такой страхъ, что они падали, какъ пустыя бутылки; удивлялись также чудесности рожка, однимъ визгомъ призвавшаго колдуней со всего свѣта, какъ увѣряли офицеры, издали смотрѣвшіе на побоище, и видѣли, какъ прилетали онѣ сюда изъ разныхъ государствъ.

Поглаживая свой рожокъ, Романъ Тихоновичь самъ завидовалъ своему счастью, и клялся, что не отдастъ его не только за милліоны, но и жизнь свою готовъ положить, если бы кто вздумалъ отнять у него такую драгоцѣнную вещь.

Отдохнувши и наслушавшись похвалъ, пошелъ онъ къ себѣ и, при встрѣчѣ вѣрнаго Кирюшки, тотчасъ спросилъ: «а что, Кирюшка, видѣлъ ты меня?»

Готовый всегда съ острымъ словомъ, Кирюшка отвѣчалъ, улыбаясь: и прежде видѣлъ и теперь вижу.

«Дуракъ! видѣлъ ли, какъ я билъ вѣдьмъ и сколько ихъ истребилъ?» И тутъ со всею подробностью началъ описывать, чего вовсе и не было: какъ всѣ волшебницы съ злостью бросились на него, и какъ онъ одинъ — потому-что прочіе офицеры были всѣ заколдованы — большую половину истребилъ, а остальныхъ докончитъ сего вечера.

На все это самохвальство Кирюшка, вздвигивая плечами, сказалъ: «чудно! я, кажется, тамъ же стоялъ. Меня Пархомовъ, капитанскій денщикъ, пригласилъ прежде посмотрѣть на комедію, какая у нихъ будетъ, такъ я и пришелъ. Какъ же вы запищали въ свою дудочку, то и выскочили изъ сарая сперва маркитантша, а потомъ другіе солдаты, знакомые мнѣ, переряженные, кто въ простынѣ, кто чортомъ въ вывороченномъ тулупѣ — и чортъ знаетъ чѣмъ, да и бросились всѣ, кто куда попалъ; а вы знай-кричите не-своимъ голосомъ, да машете во всѣ стороны шпагою. Такъ это у васъ вѣдьмы, и это вы ихъ такъ-то перебили?

«Теперь я понимаю, Кирюшка, что и ты былъ околдованъ и видѣлъ все не такъ, какъ должно. Вотъ посмотри, что будетъ завтра. Я уже не допущу околдовать тебя.»

На другое утро — когда всѣ офицеры по службѣ собрались у ротнаго командира, и тутъ же явился Романъ Тихоновичь — вошедшіе дежурные и другіе по должности, донося капитану о благосостояніи роты и разныхъ происшествіяхъ, объявили, что многія женщины въ городѣ отъ неизвѣстныхъ причинъ переранены и такъ избиты, что врядъ-ли будутъ живы. Кто же ихъ такъ измучилъ — не открываютъ.

Съ участіемъ выслушалъ капитанъ это извѣстіе, и приказывалъ тотъ же часъ послать къ нимъ лекаря съ фельдшерами для поданія помощи...

«Помилуйте, г. капитанъ!» вскричалъ внѣ себя отъ восторга Романъ Тихоновичь: «вотъ и видно, что онѣ настоящія колдуньи. Это я вчера при васъ же такъ переколотилъ. Ихъ не только лечить, но скорѣе, собравши всѣхъ, перетопить живьемъ. Съ остальными же я сегодня управлюсь; только мнѣ нужна ваша помощь, господа!»

Получивъ отъ нихъ согласіе неустрашимо содѣйствовать ему во всемъ, Романъ Тихоновичь потребовалъ къ себѣ всѣ вчерашнія и вновь приготовленныя оружія, ошепталъ ихъ по-своему, чтобъ не дѣйствовали на нихъ никакіе заговоры злыхъ волшебницъ. Всѣмъ офицерамъ раздаетъ порученія, выучиваетъ ихъ таинственнымъ словамъ, кои сильны разрушать всякое заколдованье. Кромѣ того онъ упрашиваетъ ихъ не трусить по-вчерашнему, а подражать ему, бить все, что ни увидятъ послѣ того, какъ онъ протрубитъ въ безцѣнный рожокъ.

Замучился, усталъ нашъ Романъ Тихоновичь, пока придумалъ, устроилъ, распорядилъ все для наступающей экспедиціи; а между-тѣмъ и солнце близится къ захожденію... настаетъ минута великаго событія...

Какъ вотъ, въ препровожденіи однаго офицера, входитъ — нѣкто или нѣчто — высокое, съ огромнымъ брюхомъ, въ широкихъ шараварахъ; платье прочее въ родѣ Турецкаго, какъ и чалма на головѣ; все пестро, изъ лоскутковъ составлено. Самъ же молодецъ лицемъ необыкновенно красенъ, словно краскою намазанъ, съ страшно-длинными рыжими усами, упадающими даже на грудь чудовища.

Ввалясь въ комнату, этотъ чудо-богатырь немедленно повалился на диванъ и, пыхтѣвъ долго, осмотрѣлъ всѣхъ тутъ бывшихъ и на какомъ-то странномъ языкѣ спросилъ что-то у пришедшаго съ нимъ офицера. Офицеръ указалъ на капитана, и *чудо* проговорило страннымъ голосомъ: «Салям-аликъ.»

Послѣ долгихъ пересказовъ, все на томъ же непонятномъ для всѣхъ языкѣ, офицеръ перевелъ и сказалъ, что это племянникъ самаго султана, сынъ сестры его.

При этомъ словѣ капитанъ и всѣ офицеры бросились къ шпагамъ и, прицѣпивъ ихъ, стали около такой важной особы съ почтеніемъ.

Племянникъ султана, легкимъ наклоненіемъ головы поблагодаривъ за оказанную ему почесть, началъ говорить, все по-своему, что-то длинно, краснорѣчиво и очень умно.

Офицеръ перевелъ, и вотъ что открылось. Султану тѣсно въ своихъ владѣніяхъ, и онъ хочетъ покорить, по сосѣдству, Америку, въ чемъ съ арміею успѣть не можетъ, а нужна ему сверхъестественная сила. На этотъ конецъ онъ желаетъ со всего свѣта собрать волшебницъ. Чрезъ газеты онъ уже вызывалъ ихъ; но, не смотря даже на обѣщанныя имъ тамъ награды, не явилась ни одна. Султанъ рѣшился употребить съ ними силу. Чрезъ разные талисманы узналъ онъ, что есть таинственный рожокъ, на звукъ котораго всѣ волшебницы соберутся въ одно мѣсто, и что этимъ рожкомъ владѣетъ мудрый магъ, Жидъ, прожившій уже тысячу двѣсти лѣтъ. Этаго Жида отыскали и на перекладныхъ примчали къ султану. Жидъ объявилъ, что этотъ рожокъ отданъ имъ Роману Тихоновичу. Тогда султанъ призвалъ своего любимаго племянника и послалъ въ Россію отыскать Романа Тихоновича и потребовать отъ него рожокъ...

«Ни за что въ свѣтѣ не отдамъ!» съ большою горячностью вскрикнулъ Романъ Тихоновичь, узнавъ, въ чемъ дѣло.

Племянникъ султана очень разсердился на упрямство Романа Тихоновича, и началъ что-то говорить къ нему съ большимъ жаромъ.

Но Романъ Тихоновичь, хотя и не понималъ ничего, но все кричалъ: «Говори, что хочешь, хоть до вечера говори, а не отдамъ, не отдамъ. Мнѣ онъ самому нуженъ.»

Турокъ, видя, что споромъ ничего не успѣваетъ, сдѣлался снисходительнѣе, упрашивалъ на добровольную уступку, предлагалъ милліоны; отъ имени султана предлагалъ дочь въ замужство; а если онъ согласится принять магометанство, то двухъ, трехъ дочерей отдастъ за него, съ приданымъ, за каждою по области.

Куда!.. Романъ Тихоновичь не смотрѣлъ ни на что: отвергалъ Турецкихъ красавицъ, презиралъ всѣми сокровищами, о величіи и славѣ не помышлялъ; сдѣлать благо роду человѣческому истребленіемъ на землѣ волшебницъ — предпочиталъ всему.

Видя такую непреклонность, племянникъ султана началъ разгорячаться и выходить изъ себя, требовать, настаивать, и наконецъ сталъ грозить, что если онъ не выдастъ ему рожка, такъ онъ тутъ же на воротахъ повѣситъ его...

Надобно было въ эту минуту видѣть Романа Тихоновича! Онъ поблѣднѣлъ, затрясся — не отъ горячности, а чисто отъ страха; въ крайности рѣшился

обратиться къ капитану и товарищамъ, умоляя защитить его отъ насильственной смерти.

Капитанъ, молча, пожималъ плечами, и съ робостью стоялъ предъ разгнѣваннымъ Туркомъ; прочіе офицеры, также боясь гнѣва его, отворачивались отъ жалкаго Романа Тихоновича. Одинъ только другъ его подалъ совѣтъ, чтобы онъ, пріободрясь, прикрикнулъ на него; авось-либо Турокъ струситъ. Если же нѣтъ, тогда — нечего дѣлать! — самому струсить и просить пощады. Когда же дойдетъ до послѣдней крайности, т. е. когда онъ увидитъ роковую петлю, тогда, чортъ съ нимъ! отдать ему рожокъ. Своя жизнь милѣе паче всего свѣта. А можетъ быть, султанъ, на-радостяхъ, хоть уже и не дочь, такъ племянницу выдастъ за него и хоть маленькую областишку дастъ въ приданое. Все лучше, нежели висѣть на воротахъ.

Романъ Тихоновичъ послѣдовалъ такому благоразумному совѣту, и началъ разгорячаться до того, что вскрикнулъ: «да какъ..?» Потомъ, все больше приходя въ гнѣвъ, уже закричалъ: «да какъ вы смѣете?..» и далѣе, выйдя даже изъ себя, закричалъ изо всей мочи: «Да какъ вы смѣете меня вѣшать?.. Я васъ не боюсь... не боюсь и въ грошъ не ставлю вашего дядюшку съ его дочерьми...»

Всѣ остолбенѣли отъ изумленія. Ожидали страшнаго происшествія; но, къ удивленію, племянникъ хладнокровно всталъ и спросилъ офицеровъ: слышали ли они, какъ обиженъ дядя его и онъ самъ?

Никто не могъ отговориться неслышаніемъ, потому-что Романъ Тихоновичь громко прокричалъ роковыя слова.

«И такъ, объявилъ племянникъ Султана чрезъ переводчика, «когда честь моего дяди, моихъ прекрасныхъ кузинъ и моя собственная имъ обижена, я требую отъ него удовлетворенія. Дуэль на смерть! Пусть выбираетъ оружіе, и сейчасъ, тутъ же!»

Въ высшей степени страхъ овладѣлъ Романомъ Тихоновичемъ. Съ убѣдительными просьбами бросался онъ къ офицерамъ, прося защитить его отъ видимой смерти; приводилъ въ убѣжденіе, что теперь, какъ онъ очень испуганъ, руки его дрожатъ, то онъ и не можетъ дѣйствовать вѣрно ни пистолетомъ, ни шпагою. Просилъ, умолялъ, чтобы кто другой вышелъ за него на поединокъ.

Ничто не помогало. Племянникъ султана взбѣшенъ былъ ужасно, кричалъ, топалъ ногами; не позволялъ никому драться за своего противника и настаивалъ, чтобы скорѣе все устроивали.

Явились секунданты; рѣшили стрѣляться; пистолеты зарядили. Турокъ сталъ съ бодрымъ духомъ, а Роману Тихоновичу, почти умирающему отъ страха, вложили въ руку пистолетъ и поддерживали его съ обѣихъ сторонъ...

«Стрѣляйте!» сказалъ секундантъ... Турокъ выстрѣлилъ... Романъ Тихоновичь упалъ... но не отъ пули, а отъ страху...

Приведя его въ чувство, убѣждали оканчивать скорѣе дуэль. Уже онъ со всѣмъ великодушіемъ прощалъ врага; но офицеры требовали отмщенія за честь свою и... опять вложили ему въ руку пистолетъ; держатъ, навели руку... выстрѣлили, и племянникъ грознаго султана грянулся о полъ со всего размаху...

«Убилъ... убилъ!.. Теперь неизбѣжна война съ Турками!...» Эти слова поразили Романа Тихоновича, когда онъ нѣсколько очувствовался послѣ выстрѣла. Взглянулъ на противника и съ ужасомъ увидѣлъ его неподвижно лежащаго... изъ мѣста, гдѣ сердце, виднѣлся комокъ чего-то краснаго... «Это кровь!.. рана!..» разсудилъ Романъ Тихоновичь, и, не думая долго, не занимаясь, что происходитъ около него, стремительно выскочилъ изъ комнаты и побѣжалъ, куда глаза глядятъ...

Занявшись положеніемъ племянника султанова, таская его съ мѣста на мѣсто, офицеры не скоро хватились Романа Тихоновича; когда же приступили къ разыгранію послѣдняго дѣйствія своей траги-комедіи, такъ и слѣдъ его простылъ! Посылали отыскивать на квартиру; но Кирюшка объявилъ, что онъ не являлся туда.

Посреди такихъ заботъ вошелъ фельтфебель и, обратясь къ капитану, торжествующимъ голосомъ сказалъ: «честь имѣемъ, ваше благородіе, *проздравить* съ походомъ. Сейчасъ прискакалъ *кульеръ*; велѣно скоро выступать; *изъ канцеляріи* посылаются приказы въ роты, чтобы скорѣе собирались.»

— Не слыхалъ ли, куда походъ? —

«Никакъ подъ *Платаву*, ваше благородіе! Царскій смотръ будетъ.» (Это было въ 1787 году.)

— Ура!.. ура!..—вскричали офицеры, и бросились къ занятіямъ, необходимымъ въ такомъ положеніи. Не только о Романѣ Тихоновичѣ, но и о таинственномъ рожкѣ его никто не заботился; онъ, т. е. рожокъ, какъ оставленный безъ вниманія, перешелъ въ руки хозяйскихъ дѣтей на игрушки... Подумаешь, какъ бываетъ на свѣтѣ! не только вещь, но и человѣкъ, почитаемый Романами Тихоновичами за нѣчто важ-

ное, другими презирается и оставляется безъ вниманія.

А между-тѣмъ Романъ Тихоновичь бѣжитъ не оглядываясь. Уже выбрался онъ изъ города, своротилъ съ большой дороги, идетъ проселочною, боясь погони. «Худо мнѣ будетъ, если поймаютъ меня, размышляетъ онъ; убить такаго человѣка, бѣда!.. А хоть побожиться, не я убилъ его; я даже не помню, держалъ ли я пистолетъ своею рукою... и кто выстрѣлилъ, не знаю! А когда не уйду, то буду отвѣчать.»

Уже вечерѣло, а Роману Тихоновичу до деревни итти оставалось верстъ еще десять. «Страшно одному въ полѣ и ночью, думаетъ онъ; у меня только шпага; но что она можетъ противъ вѣдьмъ? А чудесный мой рожокъ? лишился я его навсегда!..» Какъ вотъ, на его счастье, ѣдетъ ему по пути человѣкъ на телегѣ; видя бредущаго въ полѣ, сжалился надъ нимъ и, распросивъ, куда онъ идетъ, предложилъ подвезти его. Не прежде согласился герой нашъ сѣсть въ телегу, какъ прошептавъ заговоръ отъ всякихъ привидѣній, боясь злости и мщенія враговъ своихъ за дѣйствія противъ нихъ. Какъ же телега не разсыпалась, человѣкъ не исчезалъ, а потому Романъ Тихоновичь и сѣлъ безъ страха.

Скучно ѣхать молча, бывши вдвоемъ, а особливо вечеромъ, когда самыя мысли такъ же мрачны, какъ и природа, а встрѣчающіеся на пути предметы кажутся совсѣмъ въ превратномъ видѣ. И вотъ наши путешественники, слово за слово, разговорились, и, ставъ пріятелями, пустились въ откровенности. Вечерніе сумерки, одиночество въ дорогѣ, наклонили разсужденія ихъ на все сверхъестественное, и они вдались въ воспоминанія, кто что видалъ, кто о чемъ слыхалъ... Нашему Роману Тихоновичу съ своими свѣдѣніями по этой части пришлось замолчать, словно мальчику, учащему буки-азъба, предъ профессоромъ словесности. Сколько этотъ мужичекъ зналъ истинныхъ, справедливыхъ событій и случаевъ съ кладами и другими колдовствами! Еще дѣдъ, отецъ раскащика, а потомъ и онъ самъ, все это слышали отъ какаго-нибудь добраго *человѣчка*, Богъ знаетъ, откуда шедшаго и ночевавшаго у нихъ, и божившагося, что все это есть истинная правда. Какъ же не повѣрить, когда онъ божился?

Великій, новый свѣтъ открывался Роману Тихоновичу! Онъ съ жадностью слушалъ своего спутника, и до того развлекся, что уже пересталъ видѣть въ каждомъ кустѣ, въ каждой кочкѣ трупъ племянника султанова; пересталъ считать каждый шелестъ погонею раздраженныхъ Турковъ... все это забыто; одне чудныя повѣсти, удивительные расказы заняли умъ его, и онъ составлялъ планъ, если благополучно

отдѣлается за убійство невѣрнаго Турка, оставить военную службу и всего себя употребить на одинъ занимающій его предметъ — истребленіе колдуней и всякаго злаго волшебства; а если попадется подъ руку порядочный кладъ, завладѣть имъ на всякій случай.

Въ случаѣ, если ему понадобится, онъ положилъ за руководствомъ прибѣгнуть къ новому знакомому, и для того распросилъ въ подробности объ имени, прозваніи, гдѣ его найти, и проч. и проч. Въѣхавъ въ село, онъ распрощался съ товарищемъ и пошелъ къ дому, твердя: «Марко Кваша... живетъ въ Цюцюбиновкѣ... не забуду.»

Тетьяна Петровна, нерѣдко видя пріѣзжающаго сына своего «изъ войны», не удивилась и теперь прибытію его позднымъ вечеромъ. Послѣ обыкновенныхъ распросовъ, Романъ Гихоновичъ рѣшился раздѣлить горе свое съ нѣжно любящею его матерью.

«Тутъ, матушка, бѣда со мною», такъ началъ онъ издалека.

— Какая бѣда? раскажи скорѣе, что такое? — вскрикнула Тетьяна Петровна, измѣнилась въ лицѣ и засуетилась.

«Спрячьте меня, куда знаете, и скорѣе.»

— Отъ чего спрятать?.. говори скорѣе; я насилу стою. —

«Тото и есть. Я... убилъ...»

— Не Кирюшку ли? — Тетьяна Петровна знала, что сынъ ея иногда поколачивалъ вѣрнаго своего Кирюшку.

«Когда бъ Кирюшку, а то больше—Турка...»

— Тьфу, какъ ты меня напугалъ! Я думала, что человѣка убилъ; а Турокъ, это ничего. Побольше бы ихъ наколотить. —

«Турокъ-то не простой, племянникъ самаго султана.»

— Такъ что же? я и во снѣ все Турковъ вижу, да такихъ страшныхъ! хоть что, а сонъ отгонятъ. Да скажи же ты мнѣ, развѣ ты уже воевался съ этими бусурманами? Какъ воротился отъ тебя Пантюшка, такъ и не говорилъ, пришли ли они сюда. —

«Они-то еще не пришли, и я воевался не со всѣми, а съ однимъ; да и того взялъ, да и убилъ.»

—И хорошо сдѣлалъ, Ромашечка! Когда бъ они всѣ только по-одиначкѣ приходили, а ты шпагою и перебилъ бы всѣхъ.—

Долженъ былъ Романъ Тихоновичъ пересказать ей подробно о причинѣ ссоры и о послѣдствіяхъ дуэли. «Теперь мнѣ кругомъ бѣда! заключилъ онъ: султанъ разсердится за смерть племянника и станетъ требовать меня себѣ; наши выдадутъ, вотъ мнѣ и аминь. Такъ я и разсудилъ уйти изъ полку. Спрячьте меня только, чтобъ не нашли, когда придутъ за мною.»

—О, какъ же ты преумно выдумалъ, что ушелъ изъ полку! я тебя такъ спрячу, что и самъ султанъ не сыщетъ. Дѣвки! скорье сюда.—

И по велѣнію Татьяны Петровны все въ домѣ засуетилось...

Въ опочивальнѣ ея былъ шкапъ глубокій. Въ шкапѣ стояло ложе Татьяны Петровны. За шкапъ умудрилась она отдѣлить уголь для кровати сына. Устроили мягкую постель, ввели туда гонимаго, и это логовище завѣсили ковромъ. Татьяна Петровна была въ восторгѣ и разсуждала: какъ бы кто ни смотрѣлъ, никакъ не догадается, что за ковромъ лежитъ Рома-

ша. Всей дворнѣ строжайше приказано—солдатъ ли, Турокъ будетъ спрашивать: тутъ ли панычъ? божиться, что его здѣсь нѣтъ и не было.

Вечеръ прошелъ покойно въ пересказахъ Романа Тихоновича, въ какой опасности находился онъ въ смертномъ поединкѣ съ племянникомъ султана и какъ много помогли наговоры Черномаза: проклятой Турокъ выстрѣлилъ ему прямо въ сердце; но пуля, какъ отъ камня, отскочила и покатилась по полу; всѣ это видѣли.

«Конечно, разсуждалъ Романъ Тихоновичъ: я долженъ былъ защищать жизнь свою, но все мнѣ жаль, что я убилъ человѣка!..»

—Такой уже тамъ и человѣкъ!—успокоивала его Тетьяна Петровна умными представленіями.—Турокъ! Души въ нихъ нѣтъ; одна плоть человѣческая. Теперь заснн. Ромашечка; вся бѣда сномъ пройдетъ. Тамъ у тебя подъ подушечкою завернуты въ красное сукно разныя, сонъ дающія травы; смотри, чтобъ не выпали. Почивай покойно. Ох-ох-охъ! — Такъ заключила Тетьяна Петровна разговоръ свой и, поворотясь на другой бокъ и повторивъ нѣсколько разъ свое громкое и глубокое «ох-ох-охъ!» започивала покойно...

Но сердце матери, при угрожающей бѣдѣ дѣтищу, ни въ какомъ случаѣ, и даже во снѣ, не будетъ покойно. Тетьяна Петровна кажется и заснула, вотъ и всхрапнула, но скоро и проснулась и уже и отзывается: «Ромашечка! Ромаша! Романъ Тихоновичь!»

Послѣ нѣсколькихъ призывовъ, которые постепенно все были громче и громче и наконецъ во весь голосъ, кто бы не проснулся? А потому и Романъ Тихоновичь долженъ былъ проснуться и непремѣнно откликнуться.

«Ты спишь, Ромашенька? Спишь-ли? скажи. А? Ромашенька, спишь?»

— Сп-лю — едва проговорилъ Романъ Тихоновичь, и чтобъ сдержать слово, тутъ же засыпалъ.

«Спи, мой сыночекъ! не бойся ничего. Кто бы ни пришелъ сюда, мимо меня долженъ итти, такъ я не допущу до тебя. Ох-ох-охъ!» и засыпала не надолго; снова просыпалась, кликала и разбужала спавшаго сына для того, чтобы удостовѣриться, спитъ ли онъ, тамъ ли и не взялъ ли его кто оттуда?

Такія, часто повторяемыя навѣдыванія, до того наскучили Роману Тихоновичу, что онъ, какъ бы мать нѣжно ни кликала его, рѣшился не отвѣчать.

При первомъ неоткликѣ его Тетьяна Петровна крѣпко встревожилась. Она сочла, что конечно, когда она покрѣпче пріуснула, тутъ припли солдаты или еще и Туркп, и увели бѣднаго сыночка ея. Желая разсѣять тревожащее ее сомнѣніе, она встала съ постели, взяла свѣчку и, приподнявъ коверъ, успокоилась, увидѣвъ спящаго сына непробуднымъ сномъ.

Только во снѣ она и была покойна. Утро у нея начиналось въ пять часовъ. И вотъ только-что взглянула на почивающаго сына и спѣшила въ другую комнату «пить горячее», какъ вбѣжала дѣвчонка съ донесеніемъ: «барыня! солдатъ пріѣхалъ.»

Тетьяна Петровна такъ и обомлѣла... руки опустились... свѣту не взвидѣла, и почти упала на обыкновенное кресло свое и вскричала: «а зачѣмъ онъ сюда таскается? Вонъ его отсюда! что ему тутъ надобно?»

— Пріѣхалъ, говоритъ, за панычемъ; опять въ службу брать. Говоритъ, требуютъ. —

«Что же ты ему сказала?»

— Я сказала: цуръ тебѣ, говорю, отъ насъ; у насъ, говорю, нѣтъ никакаго панича; сама, говорю, барыня. Ступай-себѣ, говорю, куда хочешь. —

«И преумно сказала. Что же онъ?»

— Бросилъ мнѣ бумаги въ глаза и говоритъ: не правда; онъ, говоритъ, здѣсь; отдай ему, говоритъ, эти бумаги и скажи, говоритъ, чтобъ поспѣшалъ за нами, говоритъ. А самъ сѣлъ на повозку, взялъ, да и поѣхалъ-себѣ. А я ругаю его и весь родъ. Уже досталось ему! —

«Вотъ умница. Что же онъ тебѣ?»

— И ничего. Все ѣдетъ да молчитъ. Я въ кухнѣ уже и печь растопила, а сама все браню его; а потомъ сказала, чтобъ онъ и двора нашего не зналъ.—

«А проклятыя бумаги гдѣ?»

— А на чорта намъ онѣ? Растопивши печь, я, не смотря въ нихъ, тутъ же и бросила ихъ въ огонь; нужды нѣтъ, что онѣ-себѣ съ большою печатью. —

«Да ты, я вижу, преумная дѣвчонка! Я не ожидала отъ тебя такаго проворства; надобно тебя наградить. Я прикажу тебя опредѣлить смотрѣть за гусенками. Съ солдатомъ справилась, а съ коршуномъ и подавно.»

Тутъ вбѣжали разныя должностныя и другія дворовыя женщины, въ большомъ испугѣ, одна передъ

другою поспѣшая кричать: «знаете, барыня, что? Солдатъ пріѣзжалъ...»

— Знаю, знаю — говорила она имъ въ отвѣтъ, спокойно попивая чаекъ съ прикускою — пріѣзжалъ, да взялъ шишъ себѣ полъ носъ, а не Ромашеньку. Что бы я за мать была, чтобы выдала утробу мою на поруганіе! Не только солдатъ, хоть весь полкъ пріѣзжай, не дамъ и не дамъ. Я мать. Не шумите вы здѣсь, а то онъ, какъ сквозь сонъ услышитъ, такъ чтобъ не перепугался. И вчера такаго страху задали ему, что былъ самъ не-свой. —

И въ самомъ дѣлѣ Романъ Тихоновичь вышелъ изъ обыкновеннаго порядка. Спалъ такъ крѣпко, что къ обѣду насилу разбудили его. День прошелъ покойно, и уже рѣшено было, что не-зачѣмъ ему ѣхать въ полкъ: будутъ ожидать, а потомъ и забудутъ; на томъ дѣло и кончится.

Какъ вотъ въ слѣдующій день, ни думано ни гадано, пріѣхалъ офицеръ, бывавшій иногда у Татьяны Петровны съ сыномъ ея. Вошелъ такъ проворно въ переднюю, что *мальчикъ*, пятидесятилѣтній Степка, обязанный сидѣть тамъ, не успѣлъ его встрѣтить и отказать. Офицеръ идетъ впередъ, а мальчикъ вслѣдъ за нимъ кричитъ: «панича нѣтъ у насъ, ей Богу нѣтъ!» Офицеръ все идетъ впередъ, и слышитъ торопливый крикъ Татьяны Петровны:

«Ромаша, спрячься скорѣе за коверъ!» И въ слѣдъ за этимъ хотьла-было выйти изъ спальня, но офицеръ вошелъ прямо туда.

«Извините меня, мой батюшка!» говоритъ сконфуженная хозяйка: «вы не въ приличное мѣсто зашли.»

— Помилуйте, сударыня! Я человѣкъ военный, безъ церемоній. Позвольте мнѣ здѣсь посидѣть съ вами; здѣсь какъ-то покойно и очень пріятно. —

«Что же, батюшка? Не за Ромашею ли вы пріѣхали? Такъ его здѣсь нѣтъ. Хоть весь домъ обыщите.»

— Совсѣмъ не нуженъ мнѣ Романъ Тихоновичь. Если бы онъ даже тутъ за ковромъ находился... —

«Что это вы, батюшка, подозрѣваете?.. Какъ ему за ковромъ сидѣть?.. Конечно... это коверъ... но туда неприлично заглядывать...» Такъ путалась въ словахъ Тетьяна Петровна.

— Сдѣлайте одолженіе, не почитайте меня способнымъ чѣмъ-нибудь васъ обезпокоить. Я пріѣхалъ, по усердію моему, разсказать вамъ о славномъ подвигѣ сына вашего... —

«Какъ онъ, бѣдненькій, убилъ проклятаго Турка... такъ мнѣ расказывали сегодня.»

— Какое убилъ? Турокъ живучѣе собаки. Только лишь мы его перетащили, онъ ожилъ, и давай съ нами балагурить; цѣлый вечеръ мы съ нимъ хохотали. Жалѣли очень, что Романа Тихоновича не было съ нами. —

«Гдѣ же теперь мой Ромаша?»

— Кажется, у себя на квартирѣ. Мы и не справлялись. Но хоть и безъ него, а мы оспориваемъ его право. Турокъ все настаиваетъ, чтобъ завладѣть рожкомъ... —

«Нѣтъ, шишъ возьметъ!» закричалъ Романъ Тихоновичь, и вышелъ изъ-за ковра...

— Ромашенька! что ты сдѣлалъ? Тебя здѣсь нѣтъ!—закричала Татьяна Петровна, и бросилась-было къ нему, чтобы утащить его опять въ избранное ею убѣжище; но Романъ Тихоновичь, освободясь изъ рукъ ея, кричалъ съ жаромъ: «Нѣтъ; теперь я не долженъ скрываться, а долженъ дѣйствовать. Я боялся однаго султана, чтобъ онъ не сталъ мнѣ мстить за смерть проклятаго своего племянника, а какъ онъ живъ, такъ я не позволю басурману владѣть моимъ сокровищемъ. Поѣдемъ, Петръ Ивановичь! сказалъ

онъ, оборотясь къ офицеру: довезите меня, сдѣлайте милость, до города. Я не допущу злодѣю торжествовать!»

И съ сими словомъ вышелъ, едва простясь съ матерью. Офицеру того и надобно было. Онъ зналъ, что Романъ Тихоновичь ни за что не явится въ полкъ послѣ случившейся исторіи, и много бы встрѣтилось хлопотъ вызывать его; а потому и подпялся на такую штуку, и чуть лишь Романъ Тихоновичь явился и пожелалъ ѣхать, то офицеръ уже и не выпускалъ его изъ рукъ, но поскорѣе къ бричкѣ — и укатили...

«Воротись, Ромашенька... воротись!.. крпчала, вопила Татьяна Петровна. Они давніе душегубцы... Сами боятся Турокъ, тебя выставляютъ на явную смерть... воротись...» Но нашихъ молодцовъ и слѣдъ простылъ.

«Пантюшка! скачи въ городъ и скажи панычу, чтобы сейчасъ воротился, а не то разсержусь на него. Кирюшкѣ же скажи, чтобы, моимъ именемъ, запряталъ всѣ шпаги и ружья, и не допускалъ бы панича ни съ кѣмъ воеваться; а не то, будетъ онъ меня помнить. Скачи скорѣе и привези отвѣтъ; цѣлую ночь буду ожидать тебя.»

Пантюшка поскакалъ. Тетьяна Петровна съ нетерпѣніемъ ожидала, надѣясь, что онъ привезетъ Романа Тихоновича съ собою. Уже и полночь, а ихъ нѣтъ. «Вѣрно везетъ Ромашечку съ собою. Когда бъ только не завезъ въ ровъ, ночь темная.» Такъ разсуждала Тетьяна Петровна, и приказала нѣсколькимъ верховымъ ѣхать на встрѣчу съ фонарями.

Уже и свѣтъ... никто не возвращается, нѣтъ никакой вѣсточки... Какъ вотъ уже утромъ явился Пантюшка съ другими посланными. Пріѣхать-то онъ пріѣхалъ, да не смѣетъ къ барынѣ глазъ показать, боится объявить ей горестную вѣсть... но когда, по требованію ея, привели его къ ней, и она грозно начала спрашивать его, гдѣ онъ дѣвалъ паныча?

«Гдѣ я дѣвалъ паныча? отвѣчалъ Пантюшка, по обычаю повторяя вопросъ: гдѣ я его дѣваю, когда его нѣтъ и я его не видалъ!»

— Какъ не видалъ?.. Гдѣ же онъ? —

«Гдѣ онъ? — въ походѣ.»

— Куда пошелъ въ походъ? —

«Куда пошелъ въ походъ?—въ самую Полтаву.»

— Ахъ, мое горе тяжкое! Въ Полтаву, гдѣ Шведская могила? Тамъ же онъ и пропалъ отъ проклятыхъ Шведовъ! — едва могла говорить Тетьяна Петровна, заливаясь горькими слезами! Наконецъ вздумала, къ своему утѣшенію, спросить:—одинъ ли пошелъ въ походъ, или еще кто съ нимъ? —

«Кто съ нимъ? Да таки всѣ до единаго съ Кирюшкою прямо пошли изъ города, а папыча здѣсь схватили, да уже на дорогу вывезли...»

Кончено. Невыразимо отчаяніе, грусть, тоска Тетьяны Петровны!.. И вотъ что значитъ въ недобрый часъ сказать слово! Она, проливая слезы, отъ тоски не находя ни въ чемъ отрады, горюя, что даже не простившись съ нею, какъ долгъ велитъ, сыночекъ ея ушелъ, или правильнѣе, насильно уведенъ въ походъ подъ Полтаву, противъ лютыхъ Шведовъ, гдѣ уже одинъ разъ была баталія, а теперь вѣрно будутъ воеваться на-смерть. Въ такихъ горестныхъ размышленіяхъ вдругъ и скажи она: «не увижу я своего Ромашечку больше на этомъ свѣтѣ!..» и вдругъ съ этимъ словомъ: охъ!.. Потомъ охъ да охъ, все охъ ла охъ, и слегла въ постель... Бабуси принялись поить ее всѣмъ, чѣмъ знали и слышали отъ другихъ. Все дѣлали съ нею какъ должно, а она, все-таки, какъ должно, отдала Богу душу... Бѣдная! въ болѣзни своей не имѣла и вѣсточки отъ своего Ромашеньки; и страдала и скорбѣла жестоко! Пусть будетъ ей вѣчная

память, а мы обратимся къ Роману Тихоновичу. Гдѣ-то онъ гуляетъ?

Хорошо онъ гуляетъ! Офицеръ, обманомъ вывезшій его отъ матери, не повезъ въ городъ, но поѣхалъ другою дорогою. Романъ Тихоновичь, не примѣчая ничего, занятъ былъ своимъ предметомъ, и съ большимъ жаромъ разсуждалъ, что онъ теперь, защищая право свое на рожокъ, не побоится выттн съ Туркомъ на поединокъ, и готовъ убить племянника султана, не боясь грѣха, потому-что слышалъ отъ матушки, что Турокъ — все равно что Жидъ; души въ нихъ нѣтъ, а только плоть человѣческая.

Что же съ нимъ сталось, когда они, вмѣсто города, гдѣ квартировали, пріѣхали въ селеніе, занятое ихъ полкомъ, и когда онъ узналъ, что полкъ на походѣ въ Полтаву; что нѣтъ никакой возможности воротиться или хотя на часъ побывать у матушки; что о племянникѣ Турецкаго султана никто и не слышалъ, равно какъ и о удивительномъ рожкѣ. Спрашиваетъ у своихъ товарищей, бывшихъ свидѣтелями происшествія; тѣ въ-полголоса отвѣчаютъ ему: «не говорите при всѣхъ, это секретъ!» Спроситъ у прочихъ товарищей; тѣ смотрятъ на него во всѣ глаза, расхохочутся, и оставятъ его.

Съ ума сойти готовъ Романъ Тихоновичь, не понимая ничего. Одно ему утѣшеніе — вѣрный его

Кирюшка: но и тотъ не можетъ ничего объяснить. «А почему я знаю! такъ отвѣчалъ онъ на всѣ вопросы барина своего. Вы пошли комедію строить съ вѣдьмами, а я-себѣ какъ заснулъ, да и спалъ до утра. Тутъ и набѣжали не только унтеры, да и настоящіе офицеры; отыскивали васъ, выспрашивали, гдѣ вы дѣвались, а я имъ все говорю по-солдатски: не могу знать. Какъ тутъ сошлись солдаты, думаю, со всего свѣта и все въ нашъ городъ, заиграли въ барабаны и во всякія музыки, и пошли изъ города. Я думаю, что мнѣ дѣлать? А Пархомовъ сказалъ: ступай за нами. Я взялъ, да и поѣхалъ за ними: мнѣ сказали, что вы будете тамъ. Анъ такъ и есть, тутъ я васъ и нашелъ. Больше этаго я ничего не знаю ни про какаго Турка; шуръ ему отъ меня! и объ рожкѣ не слыхалъ; спрашивайте у тѣхъ, кто знаетъ.»

Нечего было дѣлать Роману Тихоновичу, и онъ, при полку, дошелъ до самой Полтавы. Квартиры ихъ были въ близкихъ отъ города селеніяхъ. Кромѣ этаго полка были легкоконцы, другіе егери и гренадеры, всѣ собравшіеся на смотръ.

Полтава и окрестности ея оживились. Полтавскія барышни, тогда еще бывшія панночками, но также славившіяся красотою, образованіемъ и служившія примѣромъ для прочихъ во всей области, были въ восторгѣ, видя такое множество офицериковъ, одинъ другаго красивѣе, любезнѣе, ловче. Со всего собрав-

шагося корпуса офицеры дѣлали свое дѣло, не теряя времени, свободнаго отъ службы. Отыскивали семейныхъ помѣщиковъ, знакомились, услуживали, не пропускали дней рожденій и именинъ каждаго члена семейства, пріѣзжали съ поздравленіями... Волею-неволею, батеньки и маменьки устроивали пиръ; молодежь веселилась, и промежду всего составлялись партіи... Панночки достигали всегдашняго желанія своего, выходили за военныхъ; а офицеры, женясь по выбору, получая еще и приданое, обезпечивали себя на всю жизнь.

Примѣры заразительны. Романъ Тихоновичь, не отставая отъ товарищей своихъ, любезничалъ съ панночками по-своему: родителямъ ихъ доставлялъ много удовольствія объясненіями своихъ вѣрованій, и до того былъ съ этой стороны занимателенъ, что получалъ особыя приглашенія. Видя товарищей достигающихъ цѣли своей, женящихся на миленькихъ и съ достаткомъ, онъ придумывалъ, какъ бы устроить и свое счастье. Отягченный такими мыслями, онъ все соображалъ, въ которую бы панночку ему влюбиться? Всѣ и каждая ему нравились; но всѣ и каждая имѣли свой кругъ, своихъ преслѣдователей, изъ-за которыхъ онъ, не только предпринять что-либо, сказать значущее словцо, но и приступить не могъ.

Пріѣзжаетъ онъ къ одному помѣщику на именинный пиръ. Занявъ собою общество и отвѣчавъ на

всѣ предложенные вопросы знающими уже его, онъ принялся озирать украшеніе общества, барышень... Что же сталось съ нимъ, когда давнишняя мечта его осуществилась, и онъ нашелъ свой идеалъ!... Надобно же было такъ случиться, что всѣ съѣхавшіяся барышни, убранныя отлично, были въ различныхъ пестрыхъ платьецахъ; одна только въ бѣломъ, съ розовою косыночкою на шейкѣ. Свѣтлые волосы, распущенные локонами; розовой кушачокъ, украшенный пышнымъ бантомъ: платье въ приличныхъ мѣстахъ также изукрашено было миленькими бантиками... и въ добавокъ, голубые сафьяные башмачки!.. Всѣ прелести собраны вмѣстѣ, о которыхъ онъ только мечталъ, но доселѣ не встрѣчалъ ни на одной. Пришедя въ себя послѣ поразившаго его изумленія отъ встрѣчи столькихъ прелестей, соединенныхъ во едино, Романъ Тихоновичъ сказалъ самъ себѣ: «теперь я пропалъ! Чувствую, что влюбляюсь!..» Вздохнулъ и принялся дѣйствовать.

За другими офицерами, окружавшими барышень, въ кругу коихъ находился и предметъ его, не могъ онъ ничего начать. Должно бы поговорить съ нею: слово за слово, тутъ что-нибудь и сказалось, высказалось, услышалось бы, такъ приступу нѣтъ, и его, стоящаго въ отдаленіи, не примѣчаютъ: надобно употребить хитрость. Вотъ онъ избралъ одно мѣсто въ той же комнатѣ и остался на немъ во все время. Не оставляя его ни въ какомъ случаѣ, онъ сталъ

безпрестанно глядѣть на свой предметъ. Никто и ничто его не развлекало; онъ все глядитъ на нее... Нѣтъ такой дѣвушки, которая бы тотчасъ не подмѣтила, что на нее пристально смотритъ, да еще и офицеръ; а потому и подмѣченная Романомъ Тихоновичемъ не долго была невнимательна къ нему: онъ все смотритъ на нее, вотъ и она взглянула на него... Она взглянула, а онъ вздохнулъ, да такъ чувствительно!... Еще немного спустя, она опять взглянула на смотрящаго на нее, а онъ вздохнулъ уже чувствительнѣе прежняго, да еще и руку на сердце положилъ. Ясное изъясненіе.

Такія переглядки сначала были изрѣдка, потомъ пошли чаще, и наконецъ дошло до того, что если кто станетъ между ними и заслонитъ ей Романа Тихоновича, то она склонитъ свою головку и изъ заслонившаго ей, взглянетъ на Романа Тихоновича, отъ восхищенія непомнящаго себя и все только усиливающаго вздохи. Молодые люди поняли другъ друга, и довольно для нихъ.

Предложена прогулка, и вся молодежь пустилась въ садъ. Предметъ Романа Тихоновича, знавши всю любовную тактику — впрочемъ если иная дѣвушка и не знаетъ ея, такъ лишь бы случай открылся, натура научитъ, какъ должно поступать—начала отставать отъ гуляющихъ группъ, но дѣлая это такъ, чтобы замѣ-

тившій ее офицеръ видѣлъ, гдѣ она и чѣмъ занимается.

Романъ Тихоновичь все видѣлъ, все замѣтилъ и во всемъ догадался... Оба, отставая отъ всѣхъ, они увидѣли себя однихъ и вмѣстѣ... Не-то они гуляли, не-то стояли... Сдѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ или въ бокъ, да и станутъ, но другъ на друга не глядятъ... и будто не занимаются... Хитрые!

Романъ Тихоновичь, долго думая, разсудилъ: зачѣмъ терять время? Когда уже онъ влюбляется въ нее, такъ надобно и познакомиться... и вотъ рѣшился познакомиться... подходитъ все ближе... и вотъ близъ нея уже... взглянуть боится... и едва, едва могъ проговорить: «какъ васъ, сударыня, зовутъ?»

— Юлія... — сказано ему въ отвѣтъ.

«Юлія!» заговорилъ нашъ Романъ Тихоновичь уже смѣлѣе: «какое прекрасное имя!»

— Да; самое романическое... —

«А по батюшкѣ какъ?»

— Терентьевна. —

«Гмъ. Юлія прекрасно, а Терентьевна нейдетъ.»

— Это правда. Маменька всегда жалѣла, что мой тятенька Терентій.—Послѣ этаго она уже спросила Романа Тихоновича:—а на что вамъ мое имя?— и при этомъ взглянула на него такъ, что если бы онъ и хотѣлъ сказать, зачѣмъ онъ спрашивалъ, такъ рѣшительно не могъ, а только, задыхаясь отъ сильнаго чувства, едва выговорилъ: «Такъ... мнѣ... для чего-то нужно...» Необыкновенный взглядъ Юліи Терентьевны такъ подѣйствовалъ на него, что онъ не могъ сказать, для чего онъ хочетъ знать все, касающееся къ ней.

Не получивъ объясненія, Юлія Терентьевна продолжала свое дѣло, и потому, выждавъ время, начала будто свободно говорить, что весьма неудивительно, что не знаетъ ея имени, потому ни разу не былъ у нихъ въ домѣ и что если пожалуетъ, то дяденька и тетенька весьма обрадуются знакомству съ нимъ...

«Такъ буду же завтра непремѣнно. Я и то дуракъ былъ, что до сего времени не былъ у вашего дяденьки. Правда и то: въ-первые сегодня васъ узналъ. А кто вашъ дяденька?»

Юлія Терентьевна расказала... не все, а сколько нужно было расказать и объяснить предъ человѣ-

комъ, съ коимъ она нашла себя въ такихъ неразгаданныхъ отношеніяхъ.

Говоря о родныхъ, о семъ, о томъ, и слушая расказы Романа Тихоновича о матери, домашнихъ занятіяхъ, тягостяхъ въ службѣ, Юлія Терентьевна, достигнувъ цѣли своей, приковавъ къ прелестямъ своимъ понравившагося ей, не разсудила продолжать прогулки, а тихо пдучи, старалась сблизиться со всѣми гуляющими и, приставъ къ нимъ, сдѣлалась для Романа Тихоновича снова неприступною. Онъ не сѣтовалъ на это, имѣя полную свободу переглядываться съ нею и даже видѣть ее улыбающуюся въ отвѣтъ на страстные вздохи его.

Кто же была эта Юлія Терентьевна? У нея былъ отецъ и мать. Изъ небольшаго состоянія своего одну часть отецъ «проохотилъ», а остальное мать «проромапила»; т. е. отецъ все издерживалъ на содержаніе охоты, а мать, не смотря и не занимаясь ничѣмъ, покупала романы, перечитывала ихъ по нѣскольку разъ, плакала отъ нихъ и доплакалась до крайности, въ которой и умерла, успѣвъ однако же пріобрѣсти дочь и выпросить у мужа позволеніе назвать ее романическимъ именемъ, «Юліею». Юлія Терентьевна въ дѣтствѣ слушала, а потомъ сама читала всѣ тѣ же романы; оставшись же сиротою, за неимѣніемъ, гдѣ и чѣмъ жить, взята была роднымъ дядею. Учить и воспитывать ее уже было поздо; на-

ставлять можно было бы еще, но Юлія Терентьевна выслушивала наставленія дяденьки и тетеньки, и тутъ же взводила глаза къ небу, проговаривала: «увы!.. гоненіе!..» и т. под., сравнивала себя съ Арисеною, Зюльбою, Амаліею и другими, подобно ей, бѣдствовавшими.

Весьма натурально, что дяденька и тетенька Юліи Терентьевны, имѣя подростающихъ дочерей, весьма не желали, чтобы она была имъ въ занятіяхъ примѣромъ; между-тѣмъ и другія, мало спокойствія предвѣщающія наклонности въ племянницѣ, побуждали ихъ искать случая скорѣе выдать ее за мужъ, и потому они очень обрадовались, когда въ достопамятный для Романа Тихоновича день, возвратясь домой, слышали отъ племянницы, что она, бывъ въ гостяхъ, замѣтила офицера, чрезвычайно схожаго съ Альфонсомъ, въ какомъ-то романѣ; что на этаго Альфонса произвела вліяніе, что онъ учинилъ ей полупризнаніе, что на-дняхъ явится къ ней и повергнетъ къ ногамъ ея сердце, душу, славу, почести, и проч. и проч.

Родные ея, слыша отъ нея каждый день такіе расказы, не очень довѣряли ей, а слыша, что этотъ Альфонсъ ни кто больше, какъ Романъ Тихоновичь, извѣстный имъ по состоянію и по странностямъ своимъ, очень желали увидѣть его у себя и дѣйствовать далѣе.

Послѣ приступа къ объявленію любви, сдѣланнаго Романомъ Тихоновичемъ, какъ онъ почиталъ, ничего больше не оставалось ему дѣлать, какъ продолжать начатое, и потому-то онъ, возвратясь домой, все случившееся съ нимъ сообщилъ, по обыкновенію, Кирюшкѣ. Вѣрный слуга очень одобрилъ намѣреніе панича жениться.

«До которыхъ же поръ вамъ и скитаться? говорилъ онъ: годы проходятъ, а какъ состарѣетесь, кто пойдетъ за васъ? Женившись же, чего служить? Тотчасъ бросьте службу и заживемъ дома, какъ должно.»

Такой совѣтъ очень нравился Роману Тихоновичу, и если бы все благопріятствовало, онъ бы завтра женился; но бѣда! матушка не позволяетъ прежде семи лѣтъ и думать о женитьбѣ. «Ну, да никто, какъ судьба!» примолвилъ Романъ Тихоновичъ, щелкая пальцами: «захочетъ меня женить, такъ не посмотритъ на матушку; склонитъ ее къ тому. А упускать невѣсты не должно.»

Въ силу такаго разсужденія на другой день Романъ Тихоновичъ, разрядясь, поѣхалъ въ Полтаву познакомиться съ родными уже обожаемой имъ Юліи Терентьевны. Онъ былъ принятъ ими ласково; просили жаловать почаще, съ вниманіемъ слушали всѣ его сужденія, соглашались съ его мнѣніями о важно-

сти дней, силѣ въ-часъ сказанныхъ словъ и, однимъ словомъ, во всемъ поддѣлывались къ нему, чтобы онъ находилъ удовольствіе часто посѣщать ихъ. Замѣтили, что въ присутствіи племянницы ихъ онъ мѣшался въ разговорахъ, былъ неловокъ, и заключали изъ того все выгодное для нея.

Часто посѣщая родныхъ Юліи Терентьевны и влюбляясь въ нее день ото дня болѣе, Романъ Тихоновичь въ каждый свой пріѣздъ слышитъ отъ нихъ добрые совѣты, что ему, бывши одному сыну у матери, одному хозяину въ имѣніи, зачѣмъ бы служить? Слѣдуетъ-де выбрать дѣвушку, хотя и бѣдную, которая бы только понравилась, и она изъ благодарности была бы ему доброю женою, попечительною хозяйкою и почтительною невѣсткою матушки вашей. «Чего ты задумалась, Юлинька?» тутъ же говорили они: «сядь сюда поближе, займи гостя, пока мы хлопочемъ по дому.» Юлинька садилась поближе, дяденька и тетенька выходили изъ комнаты, а Романъ Тихоновичь, влюбляясь все болѣе и болѣе, вздыхая все тяжче и тяжче, постоянно смотрѣлъ въ потолокъ, молчалъ и все придумывалъ, какъ бы согласить сильную страсть свою съ расположеніемъ матери не жениться прежде, пока не исполнится ему двадцать семь лѣтъ отъ роду.

Въ одинъ день дядя приступилъ рѣшительно къ Роману Тихоновичу и объяснилъ ему, что очень

ясно видна любовь его къ Юлинькѣ и что пора это дѣло кончить.

Вздохнувши тяжко, Романъ Тихоновичь со всею откровенностью сказалъ, что онъ готовъ и сегодня кончить пріятное для него дѣло, но матушка-де запретила ему жениться прежде двадцати семи лѣтъ.

«Эхъ, сударикъ!» отвѣчалъ дядя: «не теряй золотаго времени, женись на избранной тобою. Не мучь себя, не томи и ее. Не вскаешься, женившись рано. Не внимай, что мать запрещаетъ въ эти лѣта жениться. Она судитъ по-старинному. Женись, я помогу, тогда и извѣсти ее. Она тебѣ мать, не мачиха. Поворчитъ, да и проститъ, а вы изживете вѣкъ въ благополучіи.»

Романъ Тихоновичь—надобно ему честь отдать—новыхъ книгъ не любилъ читать, и потому мать чтилъ какъ святыню, какъ оно и слѣдуетъ. Хотя и въ отдаленіи былъ отъ нея, но боялся помыслить безъ ея позволенія поступить на что-нибудь и неважное, не только на такое святое дѣло, гдѣ рѣшится участь его и спокойствіе матери на всю жизнь. Поэтому онъ не соглашался на дѣлаемыя ему предложенія; но съ другой стороны, бывъ снѣдаемъ страстью, усиливающеюся отъ ежедневнаго созерцанія прелестей Юліи Терентьевны, которая, узнавъ пристрастіе его, какъ на-бѣду всегда была въ бѣ-

ленькомъ платьецѣ съ розовою косыночкою или такимъ же кушачкомъ; все это вытерпливая, онъ рѣшился наконецъ узнать, пойдетъ ли за него Юлія Терентьевна, и если онъ будетъ счастливъ ея согласіемъ, тогда писать къ матери и умолять ее, чтобы она не препятствовала его благополучію.

Кирюшка, выслушавъ такое его намѣреніе, не только что одобрилъ, но сплетая по-своему слова, далъ уразумѣть Роману Тихоновичу, что и сама судьба того желаетъ. Рѣшено — и Романъ Тихоновичъ принялся дѣйствовать.

Расчитавъ, что все благопріятствуетъ начинать такое благое дѣло—луна растущая, по календарю дни счастливые для бритья, стрижки волосъ и метанія крови—онъ приступилъ къ открытію чувствъ своихъ къ Юліи Терентьевнѣ.

Это уже было всегда, что лишь онъ пріѣдетъ къ дядюшкѣ, то его и оставляютъ одного съ племянницею, все надѣясь, что онъ изъяснится съ нею. Вотъ и въ первый день рѣшимости своей поспѣшилъ двухъ любящихся оставить наединѣ. Юлія Терентьевна избрала самое живописное положеніе: съ свѣтлыми кудрями головку подопретъ бѣленькою ручкою, сѣренькіе глазки свои опуститъ въ землю, словно любуется своимъ голубымъ кушачкомъ—ну прелесть! А Романъ Тихоновичъ сидитъ поодаль, опу-

ставъ руки на колѣна, и смотритъ то въ потолокъ, то въ окно; задумавшись и придумывая, чѣмъ бы начать любовную рѣчь, пощелкиваетъ пальцами и все придумываетъ... вдругъ рѣшился, вскочилъ... вышелъ и уѣхалъ, не сказавъ никому ничего.

Является на другой день, и все та же исторія.

На третій день справляется съ календаремъ: вечеромъ луна ущербится, назавтра настанутъ неблагопріятные дни—и онъ рѣшился, во что бы ни стало, открыться сегодня непремѣнно. Ѣдетъ, начинаетъ объясненіе... но какъ и съ чего онъ началъ, этаго не спрашивайте, потому-что дядюшка и тетушка, оставивъ любовниковъ наединѣ, притворили дверь за собою плотно.

Очень извѣстно, что Юлія Терентьевна объявленіе любви выслушала по примѣру героинь читанныхъ ею романовъ, подала влюбленному надежду, но въ заключеніе сказала: «мужчины такъ вѣроломны, такъ часто измѣняютъ, и потому нужно всегда испытывать ихъ вѣрность.» Для испытанія постоянства Романа Тихоновича она назначаетъ срокъ десять лѣтъ, по прошествіи коихъ онъ можетъ явиться къ ней и смѣло требовать исполненія слова, которое она теперь и даетъ ему. «Ахъ, какъ это будетъ чудесно! воскликнула она въ заключеніе: какъ романически! Мы словно герои какаго-нибудь романа; но вы мой Романъ, единственный Романъ. Я на-вѣкъ твоя Юлія!

Поклянемся же другъ-другу въ вѣчной любви и въ сохраненіи даннаго слова.»

Романъ Тихоновичь почти обрадовался на такую отсрочку. Это согласовалось и съ волею матери его. «Что за нужда? Я и потерплю. Благо слово дала, и мнѣ не нужно пріискивать другой невѣсты и снова влюбляться.»

Любовники поклялись: Юлія Терентьевна—зефиромъ и благоуханіемъ цвѣтовъ, а Романъ Тихоновичь поклялся ночью и всѣми пріятностями ея. Ничего сильнѣе не могъ придумать въ восторгѣ своемъ.

Потомъ тающая отъ любовнаго блаженства, Юлія Терентьевна, по примѣру героини недавно читаннаго ею рыцарскаго романа, возложила на своего любезнаго обѣтъ, въ продолженіе десятилѣтняго срока не писать къ ней, не отыскивать случая видѣться съ нею, развѣ сама судьба сведетъ ихъ. Въ случаѣ войны, во время сраженія призывать имя ея; а если кто изъ непріятелей, готовый пасть отъ храброй руки Романа Тихоновича, произнесетъ имя ея, то онъ долженъ пощадить его, и хотя бы это былъ вождь непріятельской арміи или хотя бы самъ султанъ, должно даровать ему жизнь. Требовала также, чтобы Романъ Тихоновичь представилъ ей трофей, собственно своею храбростью добытый, и тутъ же, отколовъ у себя одинъ изъ бантиковъ розовой ленты, вручила его своему обожа-

телю, дозволяя такимъ знакомъ вниманія ея гордиться предъ всѣми и носить всегда у сердца.

Романъ Тихоновичь обѣщалъ и клялся исполнить все въ точности, бантикъ же принялъ съ восторгомъ, не какъ залогъ любви, но сходно съ вѣрованіемъ своимъ, что этотъ бантикъ заколдованъ и сильнѣе будетъ отражать отъ него пули, нежели всѣ заговоры цыгана Черномаза. Устроивъ такимъ образомъ судьбу свою, онъ, не повидавшись съ родными своей любезной, поспѣшилъ къ полку.

Дядюшка и тетушка Юліи Терентьевны очень удивлялись, не видя жениха ея ни на другой, ни въ послѣдующіе дни, хотя очень увѣрены были, что онъ наконецъ сдѣлалъ предложеніе племянницѣ своей, въ чемъ удостовѣрялъ ихъ продолжительный и согласный разговоръ ихъ между собою, звуки коего слышимы были имъ изъ другой комнаты, равно и восторженное состояніе Юліи Терентьевны. Она была внѣ себя отъ радости, ходила по всему дому безъ всякой цѣли, не отвѣчала на вопросы спрашивающихъ ее, по временамъ говорила сама съ собою, иногда слышались отъ нея восклицанія: «мой храбрый рыцарь!.. мой Романъ!.. вселенная узнаетъ мое имя... Съ Романомъ я не умру въ романѣ...» и все такое.

Романъ Тихоновичь разсудилъ: зачѣмъ же, достигнувъ своего желанія, ѣздить уже ему въ Полтаву?

Дѣло устроено, а десять лѣтъ пройдутъ скоро. Въ полномъ удовольствіи и душевномъ спокойствіи онъ занимался службою. Кончился смотръ, полкамъ сказано итти на Турецкую границу, а тутъ Романъ Тихоновичь получилъ горестное извѣстіе, что его добрая и нѣжная матушка, одна его отрада въ жизни, скончалась. Все бы отдалъ Романъ Тихоновичь, чтобы его отпустили изъ полка и дозволили бы ему эти горькія слезы, которыя онъ съ воплемъ проливаетъ въ своей квартирѣ, излить на могилѣ матери; но обязанности службы не позволяли ему имѣть и этой отрады. Отставки и даже отпуски запрещены были, и полкъ, гдѣ онъ служилъ, все шелъ дальше и дальше.

По времени полкъ пришелъ къ Очакову и присоединился къ осаждающей его арміи. Что въ продолженіе кампаніи случалось съ Романомъ Тихоновичемъ и какъ онъ участвовалъ во взятіи непобѣдимой крѣпости Очаковской, это мы со-временемъ услышимъ отъ него самаго. Теперь же скажу только, что онъ много бѣдствовалъ во время осады Очакова. Зима, какъ извѣстно, была необыкновенно холодна, въ продовольствіи случался недостатокъ. Сколько разъ вѣрный Кирюшка, видя своего паныча, лежащаго въ постелѣ и хотя покрытаго всѣми тулупами и шубами, коими снабдила его материнская нѣжность Тетьяны Петровны еще при первомъ отправленіи въ полкъ, но дрожащаго отъ сильнаго холоду, сколько разъ представ-

лялъ онъ: «чего мы здѣсь дожидаемся? изъ-чего мерзнемъ и голодаемъ? Знаете ли что? Не говоря никому ничего, соберемся и уѣдемъ. У меня есть знакомый Молдаванъ: свезетъ насъ домой за бездѣлицу. Бросьте все, поѣдемъ.»

—Не можно, Кирюшка; узнаютъ, худо будетъ.—

«Кто бы только узналъ? Мало васъ тутъ офицеровъ? Вотъ и я многихъ знаю солдатовъ, а уйди который изъ нихъ или такъ куда дѣвайся, я и не примѣчу. Такъ будетъ и съ нами. Никто насъ не замѣтитъ, а мы очутимся дома и зажпвемъ-себѣ славно. Тутъ же того и смотри, что убьютъ ни за сё, ни за то. Тогда кому все ваше имѣніе достанется?»

— Не бойся, Кирюшка, не убьютъ. Не говори этаго, чтобъ не сказать въ худой часъ и чтобъ не сбылось твое слово. Не-бось, меня не убьютъ. У меня есть такая вещь, отъ которой всякая пуля отскочитъ. —

«Не Черномазовы ли заговоры?»

— И его заговоры и вотъ что. — При чемъ Романъ Тихоновичь показалъ ему на груди хранящійся розовый бантикъ Юліи Терентьевны.

Драгоцѣнный ли этотъ бантикъ, заговоры ли Черномаза, или особенное какое счастье, только Романъ Тихоновичь вышелъ здравъ и невредимъ изъ кровопролитнаго штурма. Въ полномъ восторгѣ торжествовалъ онъ въ покоренномъ Очаковѣ, отыскивалъ умирающихъ отъ ранъ Турковъ, и требовалъ отъ нихъ, чтобы они произнесли предъ нимъ имя дражайшей его Юліи. Мусульмане стонали, произносили: «Аллахъ», и умирали предъ нимъ, не исполнивъ требованія его. Романъ Тихоновичь досадовалъ ужасно на такую непокорность закоренѣлыхъ враговъ всего прекраснаго, ходилъ по развалинамъ строеній, отыскивалъ чего-нибудь, что бы въ свое время повергнуть къ ногамъ своей красавицы въ доказательство своей храбрости; но онъ шелъ вслѣдъ за другими и уже не находилъ ничего. Не лишивъ жизни ни одного Турка и не отсѣкши ни одного у нихъ члена, не найдя подъ ногами ни знамени, ни изъ женскихъ украшеній чего-либо, онъ безпокоился, что не можетъ представить Юліи Терентьевнѣ ничего изъ трофеевъ. Нечего дѣлать, предоставлялъ все времени и будущимъ своимъ побѣдамъ.

Наконецъ храбрость Романа Тихоновича была вознаграждена, и онъ, какъ бывшій на штурмѣ, получилъ золотой крестъ на орденской лентѣ. Что могло сравниться съ восторгомъ его? Не иначе онъ почиталъ себя, какъ кавалеромъ, имѣющимъ настоящій орденъ, которые тогда такъ рѣдко даваемы были. Верхъ же

радости его былъ, когда желающимъ дозволено было выходить въ отставку. Онъ первый поспѣшилъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ, и, получивъ ее, поѣхалъ домой къ немалому обрадованію своего Кирюшки, всегда удивлявшагося, что паныча его ни одна пушка не убила, а онъ самъ, ходя между кучами плѣнныхъ и потомъ въ улицахъ страшнаго Очакова, не былъ раненъ ни малѣйше.

Здравъ и невредимъ возвратился Романъ Тихоновичь въ родительскій домъ. Поплакавъ горячо на могилѣ Татьяны Петровны и отпомпнавъ ее прилично тогдашнему времени, обратился онъ къ хозяйству. Всѣ части нашелъ въ большомъ разстройствѣ, упущеніи и, что можно было, все расхищеннымъ. Въ продолженіе долгаго управленія Татьяною Петровною хозяйство не цвѣло, а годъ отъ году разстроивалось, безъ нея же исчезло и всякое наблюденіе. Приставные люди не думали о пользахъ господина, а тянули все каждый къ себѣ. Роману Тихоновичу много было хлопотъ, и, надобно ему честь отдать, заботился крѣпко, ничего не жалѣлъ, все тратилъ, чтобы всѣ части привести въ порядокъ; но исполнители воли его были люди негодные, окрадывали его очень исправно, обманывали во всемъ, и всегда были правы.

Было посѣяно много хлѣба, взошло не много, а снято еще меньше. Кто виноватъ? Приставы Романа

Тихоновича, обокравшіе его, въ оправданіе свое говорятъ: «кто же виноватъ, какъ не злыя вѣдьмы! Онѣ украли дожди съ неба, онѣ не даютъ урожаю, онѣ хотятъ весь родъ человѣческій погубить!» Будутъ отличные жеребенки; подростая, измѣнятся не только въ статьяхъ, но и въ цвѣтѣ шерсти. Кто этому виноватъ? «Колдуньи, волшебницы, преслѣдующія васъ во всемъ.» Такъ отвѣчаютъ приставы рѣшительно, и Романъ Тихоновичъ задыхается отъ гнѣва и клянется ихъ преслѣдовать и истребить вовсе. Дайте ему только время.

Въ домашнемъ устройствѣ тѣ же безпорядки открылъ Романъ Тихоновичъ, что и по всему хозяйству. Кладовыя, при Татьянѣ Петровнѣ бывшія нагружены всякими запасами, найдены имъ пустыми. Ничего нѣтъ и никто не умѣетъ ничего заготовить и сберечь. Бывшія при матери ключницы и другія приставныя женщины померли, вновь опредѣленныя оказывались неспособными. «Куда мнѣ все это привести въ порядокъ!» говорилъ Романъ Тихоновичъ своему единственному вѣрному Кирюшкѣ: «Едва успѣваю въ полѣ присматривать, а тутъ еще домашнее хозяйство. Все бы это хорошо устроила жена, но гдѣ ее взять?»

— Велика мудрость сыскать жену! совѣтъ давалъ Кирюшка. Батюшки свѣты! Только захотите, десятки будутъ вѣшаться вамъ на шею. А право бы

не худо вамъ жениться. Ужъ мнѣ наскучило называть васъ панычемъ; пора бы величать васъ бариномъ или сударемъ, какъ и другихъ господъ. Смотрите, скоро состарѣетесь. —

«Радъ бы жениться хоть сегодня, такъ не можно, Кирюшка!» отвѣчаетъ Романъ Тихоновичъ, вздохнетъ и станетъ разсказывать ему свой обѣтъ и клятвы, данныя Юліи Терентьевнѣ, жениться на ней не прежде, какъ чрезъ десять лѣтъ.

Долго качалъ головою Кирюшка, и наконецъ сказалъ: —какъ я вижу, такъ и господа не все умно дѣлаютъ. Десять лѣтъ! на что это похоже? Вотъ уже пять лѣтъ прошло, и посмотрите, какъ вы устарѣли, а что еще будетъ черезъ пять лѣтъ? Таки вздоръ совершенный, и забудьте о вашемъ условіи. Ея и не слыхать нигдѣ, вашей сударыни; повѣрьте, она давно-себѣ за мужемъ, а вы будете ее искать по-пустому. —

Часто повторяемыя такія благоразумныя увѣщанія Кирюшкины нечувствительно начали имѣть вліяніе на Романа Тихоновича. Приведя на память всѣ условія свои съ Юліею Терентьевною, онъ наконецъ рѣшилъ, что клятвы ихъ ничтожны. «Ну, что значитъ, что она поклялась зефиромъ? Это вѣтеръ мимолетящій, благоуханіе цвѣтовъ — паръ; прошелъ — и нѣтъ

ничего. Клялся и я ночью: солнце взошло—и ночь прошла. Кирюшка... а, можетъ, и сама судьба чрезъ него говоритъ, что все вздоръ; не буду ожидать десятилѣтняго срока, женюсь теперь же. Какъ бы мнѣ ее только отыскать!»

И онъ со всѣмъ жаромъ принялся ее отыскивать. Все то, что онъ успѣлъ узнать о своей Юліи Терентьевнѣ, было то, что родные ея, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, переселились въ другую губернію, а Юлія Терентьевна не поѣхала съ ними, а осталась гостить *у такаго-то;* потомъ переѣхала къ другому, третьему, десятому помѣщику, а наконецъ слѣдъ ея вовсе исчезъ.

«Что же мнѣ дѣлать съ нею?» объявилъ Романъ Тихоновичь Кирюшкѣ: «не бѣгать же по всему свѣту отыскивать ее!»

— Одна ли она между барышнями? замѣтилъ Кирюшка: какія красавицы кругомъ насъ! —

И Романъ Тихоновичь, подумавши, рѣшился наконецъ разорвать таинственный союзъ свой съ Юліею Терентьевною и, забывъ всѣ свои клятвы, приняться искать другой милой, которая согласилась бы раздѣлить съ нимъ судьбу свою. Правда и то, что образъ Юліи Терентьевны чрезъ столько лѣтъ почти изгладился изъ памяти его. Бѣлое платьице съ розовою

косыночною весьма слабо дѣйствовало на воображеніе его. Прошло столько лѣтъ: желанія, вкусъ измѣнились; нравились прежде блондинки, теперь занимаютъ его брюнетки. Въ прежніе годы со вкусомъ у троенный и у мѣста приколотый бантикъ сильно поражали его, а теперь онъ часто не замѣчаетъ, въ какомъ платьѣ дѣвушка и любуется ея полными, румяными щечками. Однимъ словомъ, черезъ нѣсколько времени Романъ Тихоновичъ кончилъ на томъ, что Юлія Терентьевна не такъ-то хороша, чтобы ожидать ее столько времени и для нея оставлять безъ вниманія красивѣйшихъ. Подумавши и рѣшивши такъ, онъ приступилъ «искать своего благополучія.»

Для этаго надобно было Роману Тихоновичу, какъ онъ наглядѣлся въ свѣтѣ, придать себѣ необходимое, именно, окружить себя наружнымъ блескомъ. Одѣвался онъ ловко; кромѣ мундира, необходимаго для него въ важныхъ случаяхъ, весь гардеробъ былъ сдѣланъ ему въ губернскомъ городѣ—и, правду сказать, все было отличное. Тамъ же сдѣлали ему, по заказу, *Вѣнскую* коляску; четверка добрыхъ лошадей въ збруѣ домашней работы, на запяткахъ Кирюшка въ синемъ съ желтымъ воротникомъ сюртукѣ, сверху подпоясанномъ краснымъ поясомъ—и вотъ нашъ женихъ хоть куда!

Пріятно было глядѣть на Романа Тихоновича, приняженнаго и спокойно сидящаго въ своей Вѣнской

коляскѣ, въ плащѣ голубаго сукна, столько открытомъ, чтобы всякій, встрѣчающійся съ нимъ, могъ видѣть золотой его крестъ, привѣшенный въ петлицѣ, на длинной орденской лентѣ. И какимъ пріятнымъ мечтаніямъ онъ предавался тогда!

Сосѣды, имѣющіе семейства, очень подробно знали его состояніе, нерадушее въ раздѣлъ ни съ кѣмъ, и потому безпрестанно зазывали его къ себѣ. Другіе же, любящіе позабавиться расказами и сужденіями его, не допускали его заспживаться дома, и гдѣ только случался съѣздъ—а у помѣщиковъ это часто бывало—тамъ Романъ Тихоновичь былъ необходимымъ гостемъ.

Частыя, настоятельныя приглашенія поселили въ немъ мысль, что онъ получаетъ должное уваженіе къ воепнымъ заслугамъ своимъ, такъ ясно ознаменованнымъ «золотымъ орденомъ.» Такъ называлъ онъ крестъ, за штурмъ Очакова данный; самъ себя называлъ и даже не останавливался подписываться «кавалеръ.»

Увѣренный въ самомъ-себѣ и встрѣчающій отъ всѣхъ сосѣдей однѣ только ласки, онъ почиталъ невозможнымъ, чтобы которая дѣвушка отказала ему въ рукѣ, и каждое семейство за честь поставптъ себѣ принять его въ члены свои. Онъ не отказывался ни отъ однаго приглашенія, и, расчитавъ, когда для

выѣзда настанетъ благопріятная минута, садился въ коляску и внимательно смотрѣлъ на часы. Только лишь стрѣлка указывала завѣтную минуту, онъ вскрикивалъ: «погоняй!» и кучеръ долженъ былъ наблюдать, чтобы тутъ же лошади съ мѣста тронули ровно; иначе онъ ни за что не поѣдетъ, выйдетъ изъ коляски и ожидаетъ новой благопріятной для выѣзда минуты.

Встрѣчь онъ уже не боялся никакихъ, не потому, чтобы пересталъ имъ вѣрить; нѣтъ, такаго чуда съ нимъ никто не могъ сдѣлать, но его научилъ одинъ добрый человѣкъ, за порядочное вознагражденіе, проговорить таинственныя слова, послѣ коихъ никакая встрѣча, ни дурной глазъ встрѣчнаго не будутъ имѣть на него никакаго вліянія.

И такъ ѣдетъ нашъ Романъ Тихоновичь въ своей коляскѣ, въ расхпнутомъ голубомъ плащѣ, изъ-подъ коего виднѣется его воинственная заслуга, и предается онъ сладостнымъ размышленіямъ. «Хорошо бы, очень хорошо, если бы у этаго помѣщика, куда ѣду, да собралось побольше барышень, чтобы было изъ чего выбрать, въ которую влюбиться, на которой жениться!.. Да еще, если бы эти легкокопцы (надобно знать, что въ тѣхъ мѣстахъ укомплектовывались легкоконные полки)... если бы ни одинъ изъ нихъ не пріѣхалъ, тогда бы...» Но онъ еще и не до-

думалъ всѣхъ мыслей, какъ лихая четверня примчала его, и коляска остановилась у крыльца. Ловкій Кирюшка, покрякивая, ссадилъ себя съ запятокъ, обилъ пыль съ параднаго своего сюртука и лакированнаго картуза, отворилъ дверцы у коляски и высадилъ своего паныча...

Романъ Тихоновичь входитъ въ многолюдное общество, раскланивается, дѣлаетъ всѣмъ «почтеніе», и начинаетъ поглядывать «на украшеніе собранія». Прелестныхъ, милыхъ много; есть изъ чего ему выбрать; но вотъ бѣда! приступиться къ нимъ нельзя: легкоконцы словно въ осадѣ держатъ барышень, не даютъ ни подступить, ни поговорить, ни издали посмотрѣть на нихъ. Барышни себѣ на умѣ: никого не видятъ, никого не слушаютъ, никого знать не хотятъ; одни легкоконцы ихъ занимаютъ.

Съ досадою отойдетъ Романъ Тихоновичь и пристанетъ къ мужчинамъ. Какой-нибудь батенька или дяденька, замѣтя его скучающаго, скажетъ ему: «что вы, Романъ Тихоновичь, не займетесь также съ нашими барышнями? Вамъ скучно.»

— Ничего, отвѣчаетъ онъ: я бы и подошелъ, да видите, какъ они ихъ штурмуютъ, словно какъ мы штурмовали Гассанъ-пашинскую батарею при взятіи Очакова. —

«Такъ вы были при взятіи Очакова?»

— Какъ же! Не только при взятіи былъ, самъ на приступъ ходилъ. Вотъ же и орденъ за то мнѣ дали. Всякому, кто былъ въ этомъ штурмѣ, дали орденъ; а кто не былъ, тому не дали. —

Мало по малу собирался около нихъ кружокъ желающихъ изустно слышать отъ извѣстнаго всѣмъ по другимъ подвигамъ Романа Тихоновича вопнскіе его подвиги. Но онъ не прежде приннмался расказывать, какъ отпустивъ нѣсколько шуточекъ на подходящихъ къ кругу легкоконцевъ.

«Что мнѣ расказывать? Я пѣхотинецъ; вотъ они легкоконцы: они больше дѣла дѣлали. Раскажите намъ, Илья Степановичь», говорилъ онъ, обращаясь къ одному легкоконному офицеру, досадившему ему своею ловкостью около барышень, и говорилъ съ лукавою усмѣшкою, желая позабавиться надъ нимъ: «раскажите вы намъ, какъ вы брали Очаковъ; я уже позабылъ; припомните мнѣ... Да; извините, я и не замѣтилъ, что у васъ нѣтъ ордена.» Причемъ онъ поправлялъ рукою крестъ свой, и значительно поглядывалъ на всѣхъ офицеровъ, изъ коихъ къ удовольствію Романа Тихоновича ни у однаго не было Очаковскаго креста.

Офицеры, знавши его, смирялись предъ нимъ, заводили его далѣе въ разсказъ, и тутъ-то Романъ Тихоновичъ со всѣмъ жаромъ принимался описывать всѣ свои подвиги.

Изъ всѣхъ, въ разныхъ мѣстáхъ разсказанныхъ имъ военныхъ его дѣйствій, вотъ цѣлое какъ выходило:

«Извольте видѣть, повѣствовалъ онъ: какъ мы пошли изъ-подъ Полтавы, да прямо къ границѣ. Турки-басурманы уже и тамъ: сила-силою, видимо-невидимо ихъ сколько! Свѣтлѣйшій нашъ тотчасъ поднялся на военную хитрость: возьми да и запри границу, пока они всѣ столпились въ кучу, а тутъ имъ и отперъ. Турки съ-дуру и повалили, а тутъ свѣтлѣйшій на нихъ... и началъ ихъ душить отступнымъ боемъ съ ретирадою, все отступнымъ боемъ съ ретирадою, да до того ихъ довелъ, что они всѣ тутъ и легли. Отдохнувши тутъ немного, свѣтлѣйшій повелъ насъ прямо къ Очакову. Чудесный городъ, крѣпкая крѣпость. Ужъ и мы жарко палили по немъ, да отстрѣливался и онъ знатно. Мы изъ-страха не выходили. Бывало соберутся офицеры; шутки, смѣхи — маленько и забудешь горе, а какъ тутъ пріударятъ изъ самой злой батареи, что по-Турецки звалася Гассапъ-пашинская, да и изъ другихъ мѣстъ проклятаго города, такъ именно себя не вспомнишь! Руки, ноги

задрожатъ, бѣгомъ въ землянку свою... Хорошо вамъ, господа, посмѣиваться только отъ расказовъ моихъ, а если бы вы были на моемъ мѣстѣ! Моя жизнь нужна была для приступу, который, какъ мы замѣчали, долженъ быть непремѣнно; такъ зачѣмъ же давать убить себя безпричинно?»

Офицеры соглашались съ нимъ, и просили продолжать описаніе.

«И этакихъ страховъ три, четыре въ сутки. Не смотрѣли проклятые и на ночь; не давали и поспать намъ порядочно. Жутко приходило нашему брату! Въ отставку, въ отпускъ и не думай. А время къ штурму все сближалось; душа все болѣе и болѣе замирала; думалъ: послѣдніе дни дожпваю. Какъ бывало воображу, что придется на стѣну лѣзть противъ этихъ ужасныхъ пушекъ, а тутъ встрѣчу и съ боковъ все Турки и Турки, такъ, признаться сказать, не успешь ночь и кромѣ пальбы.»

«Все ничего передъ тѣмъ, какъ объявили всѣмъ по-секрету, что ночью на штурмъ итти!.. Не могу вамъ описать, чего-то не перечувствовалось! Будете, господа, когда-нибудь такъ же приготовляться къ штурму, то же будете чувствовать. Вспомните меня, не скажете, что я лгалъ или преувеличивалъ. Именно скажу вамъ: какъ я одѣлся, какъ вышелъ, какъ при-

велъ взводъ свой на мѣсто, ничего не помню. Есть у меня таинственныя слова, которымъ прежде добрые люди, а послѣ и подъ Очаковомъ старые солдаты за мои подарки научили, и которыя имѣютъ большую силу отвращать отъ насъ непріятельскія пули и притуплять всякое оружіе: я ихъ съ языка не спускалъ; но какъ мы выстроились, говорятъ, въ колонны, какъ ожидали сигнала, не спрашивайте... Помню, какъ сквозь сонъ, взлетѣла ракета сигнальная, и мы, перекрестясь, тронулись съ мѣста... Но какъ шли, какъ взбирались на стѣны, какъ палили изъ пушекъ, именно ничего не помню; велъ ли меня кто, самъ ли я шелъ, рѣшительно ничего не помню!.. Опомнился я— у меня фляжка въ рукахъ; я пью; кругомъ меня пожаръ, трескъ, пальба, дымъ, крикъ, ужасъ страшный!.. Передо мной стоитъ Кирюшка и говоритъ мнѣ: «Богъ съ вами, панычь! не бойтесь, не бойтесь; Очаковъ уже взяли. Напейтесь еще. Это виноградное.» Тутъ я понялъ себя, что я живъ и что пью вино, которое видно меня и въ чувство привело...»

«Ура!..» первое мое слово было, что я, очувствовавшись, закричалъ во все горло, и старался перекричать солдатъ, метавшихся вездѣ и повсюду безъ всякаго порядка... «Ура! «кричалъ я жестоко:» мы взяли Очаковъ!.. Гдѣ моя шпага?..»

— Богъ-съ вами!.. куда вы, куда?.. отдохните; уже всѣхъ побѣдили; на что вамъ шпага?—такъ го-

ворплъ Кирюшка, удерживая меня; но я, одушевляемый храбростью, которой вдругъ почувствовалъ въ себѣ пропасть, выхватилъ у него шпагу мою и бросился въ кучу труповъ. Мнѣ нужно было, по моимъ сердечнымъ обстоятельствамъ, пріобрѣсти трофеи побѣды, и я располагалъ изрубить какаго-нибудь Турка, и руку или ухо его взять на память моей храбрости; но мнѣ не посчастливилось. Куда я въ запальчивости моей ни бросался, крича: «ура!.. бейте невѣрныхъ!» но повсюду находилъ только кучи побитыхъ прежде меня. Солдаты, управляясь съ потушеніемъ горящихъ строеній, видя меня такъ разсвирѣпѣвшаго, кричали: «эхъ, ваше благородіе, опоздалъ!.. Колите убитаго, онъ вамъ и теперь страшенъ.»

«Не встрѣчая нигдѣ никакаго противоборства, я мало по малу пришелъ въ себя, не преставая, въ знакъ нашей побѣды, громко кричать: ура! Кирюшка унялъ меня совершенно и, выбравъ мнѣ мѣстечко, хлопоталъ обо мнѣ, чтобы я отогрѣлся и отдохнулъ послѣ такаго страшнаго штурма. Онъ мнѣ разсказывалъ, что когда мы городъ взяли и уже ничего опаснаго не было, то онъ съ другими бросился въ крѣпость. Въ углу, всѣми оставленнаго, увидѣлъ меня стоящаго совершенно безъ чувствъ. Руки у меня окостенѣли; я еще стоялъ, но не понималъ ничего, что происходитъ около меня. Съ большимъ усиліемъ освободилъ онъ изъ рукъ моихъ шпагу —такъ я крѣпко въ продолженіе штурма дер-

жался за нее!—досталъ гдѣ-то вина и, лишь напоилъ меня, тутъ я смогъ говорить.»

«Такъ вотъ, господа, какъ нами былъ взятъ Очаковъ! заключалъ Романъ Тихоновичь: отъ сотворенія міра не было такой баталіи и не будетъ, смѣло скажу и спорить буду. Я самъ былъ въ ней очевидцемъ и знаю все подробно. Скоро послѣ того я получилъ этотъ орденъ, котораго кромѣ насъ, бравшихъ Очаковъ, никто никогда не получитъ; а потомъ нашъ полковникъ самъ предложилъ мнѣ итти въ отставку, чему я очень обрадовался, бросилъ и славу и побѣду, потому-что нужно было исправить хозяйство.» Оканчивая описаніе своихъ подвиговъ и перебирая пальцами свой «орденъ», Романъ Тихоновичь посматривалъ на офицеровъ, неимѣющихъ такаго знака.

Чтобы больше выказать свое преимущество предъ другими офицерами, онъ, гдѣ только случалось ему быть съ ними въ обществѣ, непремѣнно кстати и не кстати возглашалъ: «желалъ бы я очень сойтись съ товарищами нашего славнаго Очаковскаго штурма, вспомнить былое, поговорить, какъ что дѣлалось, посудить тогдашнихъ нашихъ начальниковъ за ихъ ошибки, да вотъ не встрѣчу никого. Вы, Иванъ Ивановичь, были?»—Нѣтъ.—«И вы, Василій Ѳомичь, также не были?—Нѣтъ.—«Да, я и не замѣчаю, что у васъ нѣтъ Очаковскаго ордена. Правду

сказать, не легко онъ намъ и достался.» Таковъ былъ всегдашній его разговоръ, когда не мѣшали другіе говорить ему.

Въ обществѣ барышень, гдѣ онъ изрѣдка за малолюдствомъ не былъ лишній, Романъ Тихоновичь на третьемъ словѣ не оставлялъ напомнить, что онъ «бралъ Очаковъ». Чуть лишь замѣтитъ молодаго мужчину, вовсе не военнаго, скромно ведущаго себя, тотчасъ сдѣластъ замѣчаніе: «какіе вы не смѣлые; ужъ и видно, что не были на Очаковскомъ штурмѣ.» Вздрогнетъ ли барышня отъ какаго-нибудь крику или стуку, онъ тотчасъ пристанетъ съ успокоеніемъ: «чего вы испугались? это бездѣлица. Вотъ, если бы вы были съ нами на штурмѣ Очакова, такъ что бы тогда сказали, когда пушки жарятъ ужасно, изъ ружей палятъ, а мы идемъ все прямо на стѣну; смотришь, тотъ убитъ, другой убитъ, а мы городъ такп-взяли, и я получилъ этотъ орденъ. Кто не былъ по штурмѣ, тому...»

Но уже не-кому было договорить; дѣвушка уходила отъ него, не дослушавши обыкновенной его фразы.

Посѣщая безпрестанно сосѣдскія общества и замѣтивъ хорошенько барышень, Романъ Тихоновичь назначилъ, въ которыхъ слѣдуетъ ему влюбиться, мысленно распредѣлилъ между нпми очередь, и

началъ съ первой избранной объясненіемъ въ любви и предложеніемъ руки своей и сердца. Само собою разумѣется, что начало было всегда отъ Очаковскаго штурма описаніемъ храбрости, за которую награжденъ золотымъ орденомъ, «котораго никто не можетъ получить, кто не былъ на томъ штурмѣ; что теперь, послѣ трудовъ и походовъ, онъ намѣренъ жить покойно въ семейной жизни, и что въ подруги себѣ онъ избираетъ ее, которую давно обожаетъ, и проч. и проч.» Часто, очень часто Романъ Тихоновичь не имѣлъ передъ кѣмъ договорить о силѣ своей страсти. Предметъ его, понявъ, въ чемъ дѣло, поспѣшно оставлялъ его, сказавъ рѣшительно: «Нѣтъ, нѣтъ! и не думайте. Ни за что въ свѣтѣ не пойду за васъ.»

Романъ Тихоновичь удивлялся такому неуваженію къ личнымъ его достоинствамъ. Относился къ другой — то же, къ третьей, двенадцатой — все одно и то же. Онъ не понималъ, какихъ же имъ жениховъ надобно? «Развѣ есть въ нашихъ мѣстахъ другой кто кавалеръ золотаго ордена? Что же послѣ этаго наша храбрость, заслуги, отличія, кровью пріобрѣтенныя?» Нѣкоторымъ дѣвушкамъ онъ успѣвалъ даже и это все проговорить; но, жестокія! все были непреклонны и также все отвѣчали: — все такъ; только я не пойду за васъ... —

Романъ Тихоновичь ожидалъ большаго благоразумія отъ родителей избраемыхъ имъ дѣвушекъ, и отнесся къ нимъ, какъ будто жалуясь на оказанное невниманіе. «Я предоставилъ дочери полную волю, отвѣчали батюшки по-очереди: кого она изберетъ, того я назову своимъ сыномъ. Принуждать же ее не буду.»

— Помилуйте же вы меня! вскрикивалъ имъ огорченный женихъ: на что же дѣтямъ и родители, какъ не для того, чтобы наставлять ихъ на истинное понятіе? Ваша дочь не знаетъ, что значитъ храбрость. Объ Очаковскомъ штурмѣ вообразить не можетъ, хотя я подробно расказывалъ, какъ мы брали городъ. Кровью заслуженныхъ отличій не уважаетъ. Что же будетъ изъ этаго? —

«Она смотритъ только на свое счастье.»

— Покорный слуга! Только на свое счастье! Когда я шелъ на приступъ къ Очакову, я не думалъ о своемъ счастьѣ, я защищалъ грудью отечество. И послѣ побѣды я не думалъ ни о какой наградѣ. Она сама мнѣ пришла. Труды и заслуги не пропали; и тѣмъ этотъ орденъ лестнѣе, что его не получитъ никто...—и проч., какъ извѣстно.

Ничто не дѣйствовало. Годы проходили, а Романъ Тихоновичь не устроилъ себя. Послѣ каждаго,

всегда неудачнаго сватовства онъ раздѣлялъ горе свое съ Кирюшкою.

«Такъ-то, Кирюшка! и эта нейдетъ. Бери послѣ этаго города, подставляй подъ пули лобъ. Хотя весь обвѣшайся орденами, эти барышни ни на что не смотрятъ.»

— А ужъ вы ли не панычь? въ утѣшеніе ему говорилъ Кирюшка: и молодые, и собою такиплотненькіе; коляска у васъ мудрая, да и я за коляскою могу и стоять, могу изъ коляски принять хоть какую барыню. Почему бы не итти?—

«Толкуй же съ нимп! Имъ все надобно фертиковъ, чтобъ шаркалъ передъ ними, танцовалъ съ ними, ходилъ за ними; а я такъ этаго не люблю. Я иду прямо, грудью, какъ шелъ и на Очаковскую стѣну. Помнишь, Кирюшка, какъ...» и пошли воспоминанія. Причемъ Романъ Тихоновичь, снявъ свой «орденъ», прилежно вытиралъ его, завертывалъ въ хлопчатую бумагу и укладывалъ въ шкатулку за замокъ. Баринъ съ слугою не разставались, пока не пересказали другъ другу всего, что они переносили при осадѣ Очакова, и какъ брали его, и какъ полученъ, уже дома, «золотой орденъ», котораго никто не можетъ имѣть, кто... и проч.

Не всѣ же дѣвушки были неразсудительны. Романъ Тихоновичь очень замѣчалъ, что нѣкоторыя посматривали на него внимательно, терпѣливо выслушивали его описаніе штурма Очаковскаго, брали въ свои ручки золотой его орденъ и соглашались съ нимъ, что уже никто, какъ бы и сколько ни служилъ, такаго «ордена» не получитъ; готовы были выслушать отъ него другими отринутое предложеніе; наклоняли нечувствительно его къ тому, чтобы скорѣе благосклоннымъ согласіемъ успокоить храбраго воина... Надобно сказать, что это были дѣвицы, здраво разсуждающія. Все въ Романѣ Тихоновичѣ было ими не незамѣчаемо; онѣ смотрѣли на главное его достоинство—на триста душъ, состоящихъ въ его единственномъ владѣніи, и старинный домъ, наполненный пудами серебра и прочими подобными принадлежностями. Съ дочерьми согласовались и родители ихъ: почитали Романа Тихоновича отличнымъ, завиднымъ женихомъ; намекали даже ему, что всякій благородномыслящій и умѣющій цѣнить храбрость и заслуги офицера долженъ за честь поставить принять въ семейство... и проч. Романъ Тихоновичь все это слушалъ, и даже понималъ, къ чему оно говорится, но, по его понятіямъ, ни одна изъ нихъ не могла быть его женою. Одна была Прасковья Тихоновна, сестра по отчеству. Варвара Романовна, дочь по отчеству. Тетьяна Ивановна, сестра матери его по имени. Софья Ивановна, сестра матери по отчеству. Ульяна Ѳедоровна, сестра по отчеству двоюродной сестры его... и

такъ далѣе: въ каждой изъ предлагавшихъ себя въ невѣсты онъ находилъ въ имени или отчествѣ родство съ своими близкими родными даже до седьмаго колѣна.

Наскучило нашему герою все. Барышень разлюбилъ за несклонность ихъ; на сосѣдскіе праздники не ѣздилъ, потому-что уже никто не занимался его разсказами о храбрости его; засѣлъ дома и присматривалъ за хозяйствомъ. Но и тутъ у него все шло плохо по дѣйствію злыхъ вѣдьмъ, какъ увѣряли его приставные люди. Въ Романѣ Тихоновичѣ пробудилась храбрость. «Кирюшка! сказалъ онъ слугѣ своему: даромъ жить нельзя на свѣтѣ. Надобно дѣлать доброе, сколько можемъ. Потрудился въ службѣ, билъ Турковъ, бралъ у нихъ города, буду и въ отставкѣ полезнымъ для людей. Начнемъ истреблять волшебство; переведемъ, уничтожимъ колдуней.»

— А что же? И то доброе дѣло—отвѣчалъ Кирюшка, и подавалъ совѣты, какъ лучше приступить къ тому. Тутъ вспомнилъ Романъ Тихоновичъ стараго знакомаго Марка Квашу, изъ Цюцюбиновки; отыскалъ его, руководствовался его наставленіями; а тутъ начали являться къ нему и другіе «добрые старики» съ разсказами, съ предложеніями вещей, палокъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, разрушающаго всякое колдовство, плетокъ, связанныхъ изъ жилъ какой-то чудесной рыбы, и много другихъ также важныхъ вещей. Романъ

Тихоновичь все пріобрѣталъ за бездѣлицы: тому дастъ пару воловъ, другому скирду сѣна, хлѣба нѣсколько четвертей, и, окружая себя такими орудіями, собирается на знаменитый подвигъ.

Скажутъ ему, что въ эту ночь легко захватить извѣстную женщину на колдовствѣ, и именно, когда она будетъ доить рыбъ, птицъ, лягушекъ и т. под. Романъ Тихоновичь воспламеняется, назначаетъ съ собою людей и располагаетъ выѣхать ночью въ назначенное мѣсто. «Тамъ будетъ очень страшно! скажетъ ему человѣкъ, принесшій эту вѣсть: не боитесь ли вы?»

— Вотъ мнѣ бояться! отвѣчаетъ Романъ Тихоновичь. Я подъ Очаковомъ былъ, городъ взялъ, за что мнѣ и орденъ дали. Увидишь, какъ я управлюсь. —

Ночью ѣдутъ въ назначенное мѣсто, примѣчаютъ, замѣчаютъ что-то бѣлое, ворчащее не по-человѣчески. Приведшій его шепчетъ: «страшно! я уйду.» Романъ Тихоновичь отвѣчаетъ ему:—эка трусъ! Ужъ и видно, что не былъ подъ Очаковомъ. Я одинъ пойду съ этою важною палкою!.. —

Бросится впередъ и — бухъ! попадаетъ въ тенета, вѣрно волшебствомъ растявленныя!.. Провожатые скрылись, вѣдьма исчезла, одинъ Романъ Тихоновичь въ темную ночь, въ неизвѣстномъ мѣстѣ, валяется

спутанный въ тенетахъ... сколько ни кричитъ, кого ни зоветъ на помощь, все тщетно!.. нѣтъ никого!.. Уже на разсвѣтѣ случится проходить человѣку тутъ мимо, онъ сжаливается надъ страдающимъ Романомъ Тихоновичемъ, за условленную цѣну выпутываетъ его изъ тенетъ и, измученнаго, едва довозитъ домой.

Не смотря, что дорого обходятся ему часто повторяемыя и всегда такъ удачно исполняемыя преслѣдованія колдуней, Романъ Тихоновичь все больше и больше злится на нихъ, все больше и больше жертвуетъ, чтобы успѣть схватить хоть одну въ свои руки. И вотъ открывается ему самый вѣрный случай успѣть въ желаніи. Уже все имъ распоряжено, какъ вдругъ получаетъ онъ письмо.

Письмо въ конвертѣ, надписано къ нему. Онъ распечаталъ и читаетъ:

«Милостивый государь мой, Романъ Тихоновичь! Десять завѣтныхъ лѣтъ прошло. Если вы помните свои клятвы и намѣрены ихъ сдержать, то найдете меня въ Елизаровкѣ, въ домѣ Ивана Ѳедосѣича. Ожидающая васъ и всегда вѣрная вамъ

ваша Юлія.»

Первое дѣло Романа Тихоновича было начать считать по пальцамъ, потомъ вскрикнуть: «ровнешень-

ко десять лѣтъ! Никто какъ судьба! Не послала же ей другаго жениха. Кирюшка!»

И вѣрный слуга явился.

«Отложить всѣ наши сборы за вѣдьмою. Кончу главное, тогда примусь за нихъ. Теперь приготовляться къ поѣздкѣ. Собирайся и ты со мной, да уже на нѣсколько дней.»

— А что? вѣрно свататься?—замѣтилъ догадливый лакей.

«Не свататься, а жениться прямо.»

— Вы такъ всегда говорите, когда выѣзжаемъ свататься; а смотри, ѣздимъ-ѣздимъ, сватаемся-сватаемся, да безъ жены и пріѣдемъ. —

«Теперь ужъ навѣрно. Сама пишетъ и зоветъ, чтобъ пріѣхалъ. Самъ вижу, что надобно жениться. Живетъ человѣкъ, такъ долженъ жениться и умереть. Такъ положено.» Но сказавши это, Романъ Тихоновичь началъ одуваться и отшептываться, чтобъ не накликать на себя смерти.

— Чего же и думать? рѣшилъ Кирюшка: жениться, ну, мы и женимся. Была бы барышня здоровая, да крупная, то и славная жена будетъ. Не

очень только замучивайте ее хозяйствомъ; пусть годиковъ пять поживетъ у насъ гостьею, пока привыкнетъ. —

Съ этой стороны только и не хотѣлъ Кирюшка, чтобъ его панычь женился. Онъ боялся барыни-хозяйки, которая устроитъ свой порядокъ, возьметъ съ его рукъ деньги и будетъ требовать отчета, можетъ быть, точнѣе, нежели онъ отдавалъ господину. «Ну, увидимъ еще, что будетъ», подумалъ онъ, и строилъ свои планы.

А между-тѣмъ Романъ Тихоновичь началъ дѣлать свои наблюденія. Сегодня понедѣльникъ, слѣдовательно самый счастливый день для выѣзда завтра. Въ среду буду у нея, а въ четвергъ вѣнчаться. И какъ прекрасно пришло: вторникъ и четвергъ не феральные дни, а въ четвергъ луна самая полная. Прекрасныя примѣты!» Такъ расчитавъ, послалъ оповѣстить своимъ крестьянамъ, чтобы завтра, пока онъ не выѣдетъ изъ деревни, не смѣлъ никто встрѣтиться ему на пустой телегѣ или итти съ пустыми ведрами, мѣшками и проч.

Потомъ, призвавъ Кирюшку на совѣтъ, съ заботливостью устроивалъ онъ комнаты, необходимыя для молодой жены, назначалъ къ ней прислугу, подумывалъ о будущихъ пристройкахъ по времени, и однимъ

словомъ, не упустилъ ничего для пріема и спокойствія хозяйки.

Ровно въ восемь часовъ утра Романъ Тихоновичь, сидя въ коляскѣ, закричалъ рѣшительное «погоняй», и при всѣхъ благополучныхъ предзнаменованіяхъ пустился въ путь.

«Все идетъ прекрасно и даже лучше требовать не можно, такъ подумалъ Романъ Тихоновичь въ полдень: никакой дурной встрѣчи, и каждый, кто завидитъ меня, кланяется. Ужъ и простой народъ можетъ отличить, что я кавалеръ.» Причемъ онъ еще болѣе выставлялъ свой золотой крестъ. Далѣе, предался онъ размышленіямъ о будущей своей жизни съ молодою женою. Тутъ образъ ея живо представился ему: розовая косыночка, пышные бантики, лайковые голубые башмачки... сколько прелестей! Какъ онъ увидитъ ее, въ какомъ она будетъ восторгѣ! Тутъ онъ вспомнилъ, что при одной экспедиціи въ преслѣдованіи какой-то злой колдуньи, онъ потерялъ драгоцѣнный бантикъ, данный ему Юліею Терентьевною въ торжественную минуту. «Что дѣлать! подумалъ онъ: какъ-нибудь изворочусь. Но вотъ-что мнѣ всего прискорбнѣе: не могу представить ей никакаго трофея. Хоть бы одно ухо проклятаго Турка! нѣтъ ничего! подумаю, какъ тутъ быть...» и онъ думалъ.

Вечерѣло, а Романъ Тихоновичь не передумалъ еще всего, какъ надобно было остановиться на ночлегѣ, верстъ за пятнадцать отъ Ивана Ѳедосѣича. Романъ Тихоновичь расположилъ тутъ хорошенько отдохнуть, и назавтра, принарядясь, какъ прилично жениху, явиться въ незнакомый домъ и къ невѣстѣ.

У Романа Тихоновича съ хозяиномъ постоялаго двора, гдѣ онъ остановился, обошлось хорошо и согласно, пока не вспалъ разговоръ о колдовствѣ и вредѣ отъ него. Извѣстно уже, что Романъ Тихоновичь любилъ разсуждать объ этомъ при всякомъ случаѣ. Но хозяинъ былъ выше предразсудковъ: онъ любилъ читать и имѣлъ свою библіотеку, изъ семи книгъ состоящую; началъ возражать, что не должно вѣрить такому вздору, что это глупые расказы, и что рѣшительно колдовства нѣтъ и не должно заботиться преслѣдовать его.

«Ага! подумалъ Романъ Тихоновичь: «тутъ что-нибудь кроется, стану примѣчать.»

И вечеромъ для наблюденій пошелъ по двору. Заглянувъ въ хозяйскій огородъ, увидѣлъ тамъ много лягушекъ... «Для чего бы хозяину такъ много держать ихъ? Это тварь гадкая, а онъ держитъ ихъ цѣлое стадо... Постой!» даже вскрикнулъ онъ, ударилъ себя въ лобъ, и поспѣшилъ въ домъ.

«Кирюшка! кликалъ онъ, расталкивая спящаго своего спутника: полно спать, покличь ко мнѣ хозяйку. Ужъ вѣрно здѣсь есть хозяйка.»

— Какъ на постояломъ дворѣ не быть хозяйки? и здѣсь есть, да ужъ какая!—

«А какая?»

— Страшно и взглянуть. Высокая, сухая и все стонетъ. Подите же вы съ нею, все знаетъ. Только лишь мы взъѣхали, вы меня кличете, а я у коляски и не слышу, а она тотчасъ и говоритъ: Кирила, тебя баринъ кличетъ. Откуда бы ей узнать, что я Кирила, если бы она...—

«Если бы она не вѣдьма. Зови ее ко мнѣ.»

Скоро возвратился Кирюшка и съ мрачнымъ видомъ донесъ своему панычу, что онъ засталъ ее стряпающую что-то на огнѣ, и что она, отговариваясь нездоровьемъ, не хочетъ притти, а говоритъ, когда чего надобно, спрашивайте у хозяина, а я скоро слягу...

«Нездорова!.. сляжетъ!..» почти кричалъ разсердившійся Романъ Тихоновичъ: «Вотъ я ей дамъ отлыгаться нездоровьемъ. Я ее проучу.»

Поскорбѣлъ онъ очень, что изъ всѣхъ таинственныхъ у него имѣющихся вещей не взялъ онъ ничего болѣе, какъ только палку, которая имѣла силу разрушать всѣ клады, если по привидѣнію ударить ею *три-девять* разъ. Въ крайности Романъ Тихоновичь досталъ эту палку и какой-то наговорный ножъ, вышелъ изъ дому и притаился въ углу между сараями. Уже часовъ десять вечера... въ домѣ все тихо... взъѣхавшіе для ночлега въ этотъ же дворъ спятъ при фурахъ и лошадяхъ... спятъ куры и пѣтухи. Спокойствія послѣднимъ желалъ Романъ Тихоновичь; онъ боялся, чтобы иному изъ пѣтуховъ не пригрезился дурной сонъ и не понудилъ бы его закукорекать, тогда все колдовство хозяйкино уничтожится, и онъ не успѣетъ изловить ее на преступленіи.

Изъ мѣста, гдѣ усѣлся онъ, видно ему, кто бы ни вышелъ изъ дому... Вотъ какъ онъ сидитъ и глядитъ... мелькнуло что-то... кошка, и, вскарабкавшись на кровлю, промяукала нѣсколько разъ... «это она! подумалъ Романъ Тихоновичь: вызываетъ подругъ на проказы. «Кошка незамѣтно куда скрылась, онъ все наблюдаетъ... и вотъ что-то крадется чрезъ дворъ бѣлое, на четверенькахъ... Романа Тихоновича хотя и обдало морозомъ, но онъ встрепенулся, прошепталъ заклинаніе... ожидаетъ. Бѣлое привидѣніе крадется... пролѣзаетъ почти близъ него... «не кладъ ли это еще?» размышлялъ онъ... и, выждавъ время, вдругъ бросился на привидѣніе и началъ колотить

его изо всѣхъ силъ...При первыхъ ударахъ привидѣніе упало...и раздался жалобный вой...Романъ Тихоновичь со всѣмъ жаромъ сыплетъ удары, а поражаемое имъ привидѣніе лежитъ и усугубляетъ вой...

Услышавъ такой необычайный шумъ, хозяинъ выбѣжалъ изъ дому и, найдя подвизающагося Романа Тихоновича, бросился удерживать его...

«Пополамъ, пополамъ!» въ восторгѣ кричалъ нашъ герой, не переставая счетомъ отпускать удары.

— Помилуйте, ваше благородіе! кричалъ хозяинъ, стараясь отнять оружіе, коимъ храбровалъ Романъ Тихоновичь: зачто такъ мучите мою бѣдную *Пужку*, мою вѣрную собаку?.. —

«Сейчасъ, сейчасъ добью... это кладъ; бѣлая собака значитъ серебряныя деньги... сейчасъ разсыплется... мы раздѣлимъ пополамъ... я твоего не хочу... восемнадцать, девятнадцать...»

— Какой кладъ?..о своемъ ли вы умѣ? это моя собака—и бросился звать на помощь просыпавшихся отъ шуму фурщиковъ.

Воспламененнаго Романа Тихоновича ни удержать, ни образумить никто не можетъ. Увидѣвъ, что привидѣніе и послѣ завѣтнаго числа ударовъ не

разсыпается, онъ выхватываетъ ножъ и мигомъ у бѣдной собаки отрѣзываетъ ухо, и кричитъ: «теперь заклеймилъ злодѣйку! вотъ ея ухо...»

Но тутъ же хозяинъ съ фурщиками схватываетъ его и поручаетъ связать, говоря: «его нужно упрятать куда-нибудь. Это сумасшедшій; онъ и насъ перерѣжетъ.» Самъ же, успокоивъ кое-какъ бѣдную собаку, рѣшился заарестованнаго везти въ препровожденіи фурщиковъ къ исправнику, вблизи тогда находившемуся.

Исправникъ не зналъ Романа Тихоновича, какъ помѣщика, не въ его уѣздѣ живущаго; не слыхалъ даже о всѣхъ его странностяхъ—но, слушая оправданія противъ жалобы представившихъ его, почелъ его точно помѣшаннымъ, а потому рѣшился удержать для испытанія. Продолжая же заниматься съ нимъ и выслушавъ всѣ его расказы, какъ онъ бралъ Очаковъ, получилъ золотой орденъ, а теперь посвятилъ себя на искорененіе колдовства, онъ нашелъ его только имѣющимъ свои странности, не болѣе; и потому, уговоривъ его удовлетворить хозяина за изуродованную собаку, пожелалъ ему благополучной дороги и счастливаго бракосочетанія съ избранною имъ невѣстою.

Во всю дорогу Романъ Тихоновичь въ бесѣдѣ съ Кирюшкою смѣялся надъ исправникомъ, что онъ ничего не знаетъ, не вѣритъ, чтобы могло быть колдовство, и вовсе никуда не годится. Оставивъ

же прямую дорогу, за объѣздами въ незнакомыхъ мѣстахъ, они не могли въ тотъ день поспѣть въ деревню Ивана Ѳедосѣича, а ночевали въ близлежащемъ селеніи.

Уже это былъ четвергъ, какъ Романъ Тихоновичь и Кирюшка, вырядясь, какъ долгъ велитъ жениху и слугѣ его, прикатили къ дому Ивана Ѳедосѣича.

Романъ Тихоновичь, войдя въ домъ, приказалъ доложить, кто именно пріѣхалъ за особеннымъ дѣломъ.

Иванъ Ѳедосѣичь и жена его наканунѣ были у сосѣдей, и съ огорченіемъ узнали, что приглашенная ими гостить у нихъ бѣдная, не имѣющая ни родныхъ, ни пристанища, Юлія Терентьевна, гдѣ ни была принимаема въ домѣ, вездѣ сплетнями, пересказами ссорила не только сосѣдей, но и тѣ семейства, которыя изъ состраданія давали ей у себя убѣжище. Они слышали отъ сосѣдей упреки, зачѣмъ приняли ее къ себѣ, и совѣты, какъ можно скорѣе освободиться отъ нея. Въ это утро, они совѣтовались между собою, подъ какимъ бы благовиднымъ предлогомъ и куда бы сбыть ее, какъ вошелъ слуга и доложилъ, что «пріѣхалъ какой-то баринъ, Тихонъ Иванычь, за вашимъ важнымъ дѣломъ, а онъ у насъ никогда не былъ.»

Иванъ Ѳедосѣичь, желая пристойнѣе принять незнакомаго гостя, принялся одѣваться, а гостя просить въ гостиную, пока онъ выйдетъ.

Романъ Тихоновичь вошелъ въ гостиную. На креслѣ у окна сидѣла женщина и съ большимъ вниманіемъ читала книжку. На ней было ситцевое темнаго цвѣта платье, и, судя по измѣнившемуся на немъ цвѣту и на сгибахъ крѣпко истертому, оно было у нея не парадное. Таліи вовсе никакой, но для приличія черная лента, завязанная вмѣсто пояса, и то небрежно. Волосы на головѣ были острижены и покрыты чепчикомъ не безъ претензій, но все-таки не парднымъ. Лице усыпано крупными веснушками; на впавшихъ щекахъ краска, ну, положимъ, румянецъ, желто-краснаго цвѣта, и проч все въ томъ же родѣ.

Вошедши въ гостиную, Романъ Тихоновичь пристойно поклонился дамѣ и, какъ бывалый въ свѣтѣ, поспѣшилъ начать разговоръ; «не матушка ли вы Ивана Ѳедосѣича или, можетъ, супруга?»

Дама, оставивъ книгу, взглянула на потолокъ, горестно вздохнула, и съ маленькимъ презрѣніемъ сказала: —ошибаетесь, сударь мой! я ни то, ни другое; я здѣсь гостья. —

«Ну, такъ извините меня пожалуйте; я здѣсь никого не знаю, а вы вѣрно всѣхъ знаете. Позвольте же спросить, здѣсь ли живетъ Юлія Терентьевна?»

— На что вамъ она?—торопливо спросила дама, устремивъ на него свои сѣрые глаза.

«Какъ же? Очень нужно. Я имѣю къ нимъ важное дѣло. Онѣ моя невѣста.»

— Праведное небо! Кого я вижу передъ своими глазами?—воскликнула дама самымъ трогательнымъ голосомъ и живописно подпявъ руки къ-верху.— Не ужели вы Романъ Тихоновичь?..мой Романъ?..—

«Я-то, сударыня, Романъ, и точно по отцу Тихоновичь. Но вы, позвольте мнѣ узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?. »

— Ахъ, жестокій!.. И вамъ сердце не сказало? Я ваша Юлія!.. —

Романъ Тихоновичь точно остолбенѣлъ!.. Идеалъ его разбился, уничтожился!.. вмѣсто молодой дѣвицы въ бѣломъ платьецѣ съ розовыми бантиками, онъ видѣлъ предъ собою... вздохнулъ тяжко, ударилъ себя въ лобъ и почти вскрикнулъ: «Вотъ судьба!.. Какъ вы перемѣнились!» примолвилъ онъ жалостно.

— Не забудьте, что десять тягостныхъ лѣтъ прошло. Вы также много перемѣнились. Но что до наружности! Явленіе ваше въ здѣшнемъ замкѣ удостовѣряетъ меня, что чувства ваши не измѣнились, равно какъ и мои —

«Оно все такъ, сударыня! Но зачѣмъ вы не въ бѣломъ платьецѣ, розовой косыночкѣ?..»

— Что до этаго! Въ эти сладостныя для насъ минуты радостнаго свиданія дадимъ волю чувствамъ своимъ... — и она простерла къ нему объятія...

Романъ Тихоновичь, не могши дать себѣ отчета, какое чувство имъ въ эту пору обладаетъ, стоялъ неподвижно и готовъ былъ, по привычкѣ, щелкать пальцами, какъ вошелъ Иванъ Ѳедосѣичь, и удивился, замѣтивъ, что пріѣзжій знакомъ съ живущею у него дѣвицею.

Романъ Тихоновичь, отойдя отъ Юліи Терентьевны, рекомендовался хозяину, и какъ надобно было объяснить причину пріѣзда своего, то онъ и не могъ умолчать объ отношеніяхъ своихъ къ Юліи Терентьевнѣ.

Иванъ Ѳедосѣичь обрадовался неожиданному случаю, избавляющему его отъ несносной гостьи, и потому, поспѣшивъ обласкать его, занялся съ нимъ

очень охотно. Изъ десяти словъ, сказанныхъ Романомъ Тихоновичемъ, онъ замѣтилъ въ немъ странности, принялся испытывать его далѣе. Узнавъ же его короче, и замѣтя въ немъ какъ будто колебаніе и намѣреніе уклониться отъ даннаго слова, онъ убѣждалъ его, что ему, такому храброму офицеру, непремѣнно должно исполнить клятвы, данныя молодой дѣвушкѣ...

«Да она уже не молода!»

— Тогда была молода и вамъ нравилась. Не забудьте, что и вы стали десятью годами старѣе. — И тутъ, сходно съ вѣрованіями Романа Тихоновича, доказалъ, что сама судьба желаетъ сего союза и теперь соединила для принятія отъ нихъ вѣчныхъ клятвъ.

Однимъ словомъ, Иванъ Ѳедосѣичь успѣлъ если и не возбудить въ немъ прежнюю страсть, по крайней мѣрѣ убѣдилъ его, что должно исполнить велѣніе судьбы.

Ничего болѣе не оставалось Роману Тихоновичу, какъ воскликнуть: «да; никто, какъ судьба. Нельзя спорить противъ нея!»

Тутъ вошла жена Ивана Ѳедосѣича въ препровожденіи восторженной Юліи Терентьевны; она при

входъ Ивана Ѳедосѣича, чтобы скрыть замѣшательство свое, убѣжала къ женѣ его, упала ей на грудь и съ смущеніемъ, прерываемыми вздохами, открыла ей тайну сердца своего и жестокое положеніе при видѣ явной холодности обожаемаго ею предмета.

Иванъ Ѳедосѣичъ, поддерживаемый женою, склонилъ Романа Тихоновича обратиться къ Юліи Терентьевѣ, какъ къ невѣстѣ своей... По долгомъ размышленіи, онъ, исполняя назначеніе судьбы и сходно съ словами, хозяевами сказанными въ такой часъ, подошелъ къ Юліи Терентьевнѣ, протянулъ руку... а она, смущаясь, вздыхая, потупляя глаза, но утопая въ восторгѣ, подала ему свою руку и прерывающимся голосомъ сказала: «Мы счастливы!.. Небо любитъ насъ!.. Я твоя!.. Блаженный часъ!..»

Хозяева, обрадованные подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ избавиться несносной гостьи, приступили къ приготовленіямъ, чтобы завтра сочетать любящуюся чету, и старались, по возможности, снабдить необходимымъ безродную сироту. Любовники были цѣлый день неразлучны, и никто не мѣшалъ имъ повѣствовать о претерпѣнныхъ горестяхъ въ разлукѣ. Юлія Терентьевна прочла цѣлый романъ, описывая скорби люты; вздыхала, ломала руки, взирала на небо, смущалась, силилась краснѣть отъ замѣшательства при описаніи скуки своей, ожидая такъ долго рыцаря своего. Наконецъ и Романъ Тихоно-

вичь пустился въ описанія. Слегка намекнувъ, какъ онъ скучалъ безъ нея, пустился въ подробное описаніе, какъ онъ билъ Турокъ отступнымъ боемъ съ ретирадою, какъ потомъ пошелъ на приступъ и какъ взялъ Очаковъ. Юлія Терентьевна, слушая, что рыцарь ея, идучи на штурмъ, не помнилъ ничего, и въ какомъ безчувствіи находился, пока Кирюшка не освѣжилъ его виномъ, чуть не упала въ обморокъ, но встрепенулась, когда Романъ Тихоновичь, бѣгая по комнатѣ, представлялъ, какъ онъ бросался отъ кучи непріятельской къ другой и требовалъ, чтобъ они просили пощады именемъ Юліи...

«О мой милый! воскликнула она внѣ себя отъ восторга: И они произнесли мое имя?.. и ты ихъ пощадилъ?»

— Произнести-то они не могли не только твоего имени, но и ничего. То были все побитые другими, а не мною. Къ моему огорченію, я не встрѣчалъ живыхъ воиновъ, а все либо убитыхъ, либо плѣнныхъ. —

«А тебя защищалъ ли мой талисманъ?»

— Какъ же. Ни одна пуля въ меня не попала. —

«О какъ я счастлива, что тебя охраняла любовь моя. И ты привезъ мнѣ трофей своей храбрости?»

— Конечно привезъ, но не съ войны; тамъ ничего не попадалось. А вотъ, по дорогѣ сюда, я схватилъ на мѣстѣ злую волшебницу, и вотъ...—тутъ онъ подалъ невѣстѣ ухо, отрѣзанное имъ у бѣдной собаки на постояломъ дворѣ.

«Что это?» вскрикнула Юлія Терентьевна, развернувъ охлопья, въ которые завернута была эта драгоцѣнность. «Что это такое?»

— Это, сударыня, ухо злой волшебницы, превратившейся-было въ собаку, но я ее опозорилъ навѣкъ...—

«Ахъ, мой милый! Какъ можно вѣрить этимъ предразсудкамъ. Нынѣче не тотъ вѣкъ. Надобно быть выше этихъ глупостей;» и съ сими словами выкинула за окно трофей, поверженный къ ногамъ ея.

Романъ Тихоновичь истощилъ все свое краснорѣчіе, убѣждая свою любезную вѣрить во все то, что онъ расказываетъ о колдуньяхъ, основываясь на томъ, что нельзя того выдумать, чего не было. Но Юлія Терентьевна опровергала его сужденія, и доказывала, что такое вѣрованіе было въ древнихъ рома-

нахъ; въ новѣйшихъ же не упомнается о томъ ни слова, и что если и почитаемо было что за нѣчто сверхъестественное, но потомъ открывалось, что это были пустые призраки.

Такія сужденія Юліи Терентьевны крѣпко смутили Романа Тихоновича и истребили въ немъ послѣднюю привязанность къ ней. Во весь остатокъ дня онъ былъ скученъ, мало отвѣчалъ на ласки невѣсты, и когда пришелъ къ себѣ въ комнату, не преминулъ раздѣлить горе свое съ Кирюшкою.

«Что, Кирюшка? спросилъ онъ: какова тебѣ кажется моя невѣста?»

— Не очень кажется, а такъ. Худа крѣпко. —

«А что больше, не вѣритъ ни вѣдьмамъ, ни кладамъ.»

— Такъ что же въ такой барынѣ! Да знаете ли что? Вы не очень ей потакайте. Теперь молчите, а послѣ возьмитесь за нее. Смотрите, чтобъ она не возобладала вами. —

«Нѣтъ, этаго не будетъ», сказалъ Романъ Тихоновичь, и, отпустивъ слугу, принялся придумывать, какъ бы свою Юлію Терентьевну образумить и сдѣлать порядочною женою.

Настало утро. Хозяева, видя мрачное расположеніе духа Романа Тихоновича и опасаясь, чтобы онъ, по странностямъ своимъ, не приступилъ къ чему рѣшительному вопреки желанію ихъ, поспѣшили проводить его съ невѣстою къ вѣнцу. Уже они подъ вѣнцомъ... какъ вдругъ Романъ Тихоновичь блѣднѣетъ, безпокоится, дрожитъ, и противъ воли вырываются у него слова: «пятница... луна въ ущербѣ... погубилъ я себя!..»

Присутствовавшіе уговаривали его быть разсудительнымъ и не уважать такими пустяками. Но Романъ Тихоновичь готовъ былъ, оставя все, бѣжать далеко отъ такаго счастья. Юлія Терентьевна, доселѣ стоявшая подъ вѣнцомъ съ невыразимою важностью, мечтавшая, что она Аделанда, Эмилія или— кто ее знаетъ, чѣмъ она себя почитала и сравнивала себя съ такими же красавицами, жертвующими собою для награжденія вѣрности страдающаго по ней рыцаря — когда замѣтила явное безпокойство и даже раскаяніе его, смутилась и съ сожалѣніемъ кидала на него взоры свои.

Вѣрный Кирюшка, знавшій все уваженіе панича своего къ такимъ замѣчаніямъ и видя его смущеніе, подошелъ къ нему и тихо утѣшалъ его: «мертваго изъ гроба не возвращаютъ; разженится уже нельзя. Такая ваша судьба!»

И Романъ Тихоновичь, слыша такое утѣшеніе, предался всей горести своей, что судьба конечно готовитъ ему всѣ непріятности въ бракѣ, совершающемся при такихъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. И самый первый день брака провелъ онъ въ горестномъ расположеніи. Удалялся отъ ласкъ жены, ходилъ одинъ, мраченъ, и никто не могъ его разсѣять.

Юлія Терентьевна, мечтавшая, что онъ, достигнувъ счастья обладать ею, будетъ внѣ себя отъ восторга, замучитъ ее ласками, когда увидѣла мужа совсѣмъ въ противномъ расположеніи, хотѣла узнать причину такому его обращенію съ нею. Не могши же сама понять ничего, обратилась къ романамъ, чтобы въ нихъ найти положеніе, подобное своему. Пересмотрѣвъ все и сообразивъ обстоятельства, она вывела заключеніе: «онъ измученъ былъ страстью своею ко мнѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, назначенныхъ мною для испытанія его вѣрности. Въ такое время страсть его ослабѣла, но онъ женился на мнѣ, чтобы отмстить мнѣ за мученія свои... И это награда за пламенную мою любовь?.. О, я несчастная!.. Терпѣть и молчать, вотъ жребій мой...»

Къ немалому обрадованію Ивана Ѳедосѣича новобрачные выѣхали отъ него на другой день. Въ дорогѣ Романъ Тихоновичь весьма мало занимался молодою супругою, а по прежней привычкѣ обо всемъ, что приходило ему на мысль, пересказывалъ Кирюшкѣ,

требовалъ отъ него въ нѣкоторыхъ предположеніяхъ совѣта, и всегда соглашался съ нимъ, отказываясь отъ своихъ мнѣній.

Имѣя полную свободу размышлять, Юлія Терентьевна, прінскивая уподобленія въ романахъ, воображала себя похищенною красавицею, влекомою мучителемъ въ свой замокъ, гдѣ она уже конечно будетъ заключена въ пустую мрачную башню съ желѣзными рѣшетками и гдѣ не увидитъ никого болѣе, какъ этаго ужаснаго, усастаго Діего, наперстника и совѣтника тирана, мужа своего...

Сельская наружность дома Романа Тихоновича, куда подъѣзжали новобрачные, мало нравилась Юліи Терентьевнѣ. Она разсуждала: «судя по владѣтелю замка и его угрюмому оруженосцу, безошибочно можно предположить, какаго рода люди наполняютъ новое мое жилище! По первому маповенію ужаснаго своего властелина, они будутъ готовы въ мелкія части растерзать горькую, несчастную, всѣми оставленную, беззащитную Юлію!..»

Подъѣхавъ къ дому, она замѣтила, что никто не вышелъ встрѣтить (что строжайше запрещено было отъ Романа Тихоновича, въ избѣжаніе дурной встрѣчи и недобраго глаза); она вздохнула и подумала: «какъ всѣ жители замка угнѣтены тиранскимъ обращеніемъ моего мучителя! И вотъ я еще новая жерт-

ва, добровольно предавшаяся во власть его... Но я готова на всѣ бѣдствія, какъ и злополучная Амаранта!..» Тутъ она взглянула на небо, ахнула самымъ тихимъ образомъ, и, не дождавшись слезы, выжимаемой ею изъ сѣрыхъ глазъ, дрожащими ногами вступила въ низенькій домъ мужа своего...

«Вотъ же тебѣ, Юлія Терентьевна, домъ, прислуга и все хозяйство», сказалъ Романъ Тихоновичъ женѣ съ разсѣяніемъ, спѣша къ своимъ занятіямъ. «Съ сей поры чтобы я не зналъ, какъ что въ домѣ идетъ. Распоряжай по своей волѣ, а мнѣ не мѣшай заниматься, чѣмъ я знаю. Вотъ тебѣ Оришка, первая ключница, она все знаетъ. Чего ты, по неопытности, не разумѣешь, спрашивай у нея и слушай совѣтовъ ея.»

Тутъ подошла къ молодой барынѣ старуха морщиноватая, сухая, съ большими выпуклыми глазами; отдала привѣтственный поклонъ, поцаловала ручку госпожи, и сухо пробормотала какое-то привѣтствіе...

«А! это моя Леонора!» съ грустью подумала Юлія Терентьевна: «она приставлена ко мнѣ для умноженія моихъ горестей, усиленія страданій!.. О, отъ кого зависитъ участь моя и бѣднаго младенца, когда сдѣлаюсь матерью!..»

«А это бабуси», сказалъ Романъ Тихоновичь, представляя женѣ своей не болѣе какъ трехъ старухъ, собранныхъ имъ, по примѣру матери своей, для отвращенія отъ себя всякаго зла. «Онѣ все знаютъ. Прикажи себя каждое утро и вечеръ одувать, обшептывать, умывать отъ уроковъ и дурнаго глаза »

— О боги! подумала Юлія Терентьевна: въ какомъ онъ невѣжествѣ. Онъ вѣритъ чародѣйству. Конечно, это пустое; но онѣ, подъ предлогомъ защиты меня отъ зла, могутъ отравить меня безотвѣтно... О, бѣдная Юлія, бѣдная Юлія! Здѣсь, въ этомъ вертепѣ, съ этими фуріями увянетъ красота твоя и наконецъ угаснетъ самая жизнь... —

И вотъ начали жить молодые наши супруги. Романъ Тихоновичь не отложилъ своихъ намѣреній, чтобы истребить злое колдовство. Для успѣха въ томъ, онъ окруженъ былъ людьми, отысканными имъ за ихъ знанія, удалялся съ ними особо отъ всѣхъ, толковалъ съ ними, видно о чемъ-то важномъ, все тихо и скрытно, или разъѣзжалъ съ ними же, куда ему нужно было.

Юлія Терентьевна, видя его всегда удаляющагося отъ нея, а занимающагося съ людьми—какъ замѣтила—имѣющими лица ужасныя, со взглядами, потрясающими всю внутренность ея, она рѣшилась объяс-

ниться съ нимъ и спросить его, какія это важныя занятія отвлекаютъ его и лишаютъ ее любви его?

«Не вмѣшивайтесь не въ свои дѣла, отвѣчалъ онъ ей сухо: мнѣ теперь не до любви. Занимайтесь своимъ дѣломъ, пока я васъ... иначе устрою.»

— Судьба моя рѣшена! Такъ размышляла она, ломая руки: ненавидя меня, онъ хочетъ избавиться отъ меня... Боясь явно лишить меня жизни, онъ подговариваетъ къ тому злодѣевъ, коими всегда окруженъ... Съ ними вмѣстѣ онъ пріискиваетъ пустой замокъ, куда бы меня насильно перевезти, запереть, уморить меня голодною смертью или сжечь вмѣстѣ съ замкомъ. О, я несчастная!—Грусть, тоска, ожиданіе мучительной смерти томили ее. Не имѣя съ кѣмъ раздѣлить ужасныя свои страданія, она находила въ томъ отраду, что вечеромъ, выйдя въ садъ, подъ вѣтвями развѣсистыхъ яблонь изливала горесть свою печальной лунѣ, другу всѣхъ несчастныхъ.

Однажды вечеромъ, когда Романъ Тихоновичь возвратился изъ поѣздки своей, какъ обыкновенно, неудачной, Кирюшка за величайшую тайну открылъ ему, что у нихъ въ саду есть кладъ, является чѣмъ-то страшнымъ, весь въ бѣломъ, чуть-чуть двигается съ мѣста на мѣсто, ничего не говоритъ, а только мычитъ: у-у-у-у! о-о-о-о! «Вотъ, чѣмъ ѣздить вамъ далеко, примолвилъ Кирюшка, и отыскивать неиз-

вѣстное, изловите этотъ кладъ свой. Тутъ получите порядочную сумму.»

Обрадованный такимъ открытіемъ, Романъ Тихоновичь немедленно приступилъ къ распоряженію, какъ подмѣтить и какъ захватить кладъ. Огнестрѣльное оружіе онъ боялся въ руки взять, и потому объявилъ, что оно будетъ недѣйствительно. «Тутъ важны слова, отъ которыхъ кладъ остановится, и моя дубинка, отъ которой онъ разсыплется.» Такъ заключилъ Романъ Тихоновичь, и нетерпѣливо ожидалъ вечера.

Вечеръ былъ тихій. Луна свѣтила ярко. Романъ Тихоновичь и неустрашимый Кирюшка засѣли въ кустахъ, гдѣ чаще являлось привидѣніе. Долго сидѣли, не смѣя пошевелиться, какъ вотъ Кирюшка подалъ условленный знакъ, что онъ нѣчто видитъ... Точно, идетъ что-то все въ бѣломъ... идетъ тихо.. остановится... опять пойдетъ... глядитъ на луну... и тихо произноситъ: «о, луна, печальныхъ другъ!»...

Романъ Тихоновичь, чтобы не дать привидѣнію продолжать далѣе свои заклинанія и тѣмъ не привести его въ невозможность преслѣдовать, бросается изъ засады, крича ужасно: «Кирюшка, за мной!.. лови!.» и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ...

«Какъ же можно догнать такое страшилище! разсказывалъ потомъ Романъ Тихоновичь. Оно, уходя отъ меня, распустило свои крылья, скрытыя прежде, и не полетѣло, а побѣжало по землѣ ужасно быстро; а крылья ему помогали, вотъ какъ гусь бѣжитъ. Я не робѣлъ; и чего мнѣ тутъ робѣть, когда я на Очаковскую стѣну шелъ, да не боялся, и можетъ быть, и догналъ бы привидѣніе, но Кирюшка, бѣжавъ за мною, споткнулся и о пень разбилъ голову; надобно было помочь ему.»

— Ясно какъ день, что тиранъ, мнѣ милый и ужасный, хочетъ втайнѣ умертвить меня и подъ мракомъ ночнымъ скрыть свое преступленіе.—Такъ разсуждала Юлія Терентьевна, вбѣжавъ опрометью въ свою комнату изъ саду, гдѣ чуть-было не попала подъ волшебную дубинку своего нѣжнаго супруга... Переведя духъ отъ усталости и успокоясь отъ страха, она начала обдумывать горестное свое положеніе. —Мужъ меня не только презираетъ, но ненавидитъ до того, что ищетъ смерти моей... Ахъ, какая мысль поразила меня!.. Это вновь вырытое подземелье и съ такимъ стараніемъ обдѣлываемое, чтобъ не было изъ него другаго выхода, кромѣ дверей, запирающихся страшными замками, это подземелье для кого приготовляетъ мною обожаемый тиранъ, какъ не для меня, несчастной жертвы его, виновной только въ томъ, что любитъ его!.. Но если небо благопріятствуетъ мнѣ и открыло мнѣ адскій умыселъ заключить меня

въ этомъ подземельѣ, и, сокрытую отъ очей свѣта, уморить голодомъ, тогда я должна брать свои мѣры. Не для себя хочу сохранять жизнь: она мнѣ ненавистна, когда я лишилась любви моего Романа...но я ношу подъ сердцемъ невинное существо, которому я должна дать жизнь... увы!..въ ужасномъ подземельѣ безъ всякой помощи отъ кого-либо... О, Альфонсина! Гдѣ ты чудесная книга? Наставь меня, какъ я должна поступать, ставъ въ такомъ положеніи, какъ и героиня того романа!»

Къ счастью, у Юліи Терентьевны отыскалась Альфонсина, полныя всѣ шесть частей. И она, не спавъ всю ночь, прочла нужное для себя. Утромъ составила планъ и въ тотъ же день начала дѣйствовать. Сначала - было, горькая! рѣшилась открыться во всемъ и привлечь на свою сторону Леонору, т. е. ключницу, которой вѣрно поручено будетъ отъ тирана приносить ежедневно скудную пищу; но, увидѣвъ ее въ то же утро разговаривающую съ Діего, т. е. съ Кирюшкою, и что-то рукою показывающую на вновь устроенное подземелье, она отгадала, что они разсуждаютъ о будущемъ тамъ заключеніи госпожи ихъ, и рѣшилась скрывать отъ всѣхъ, что умыселъ на жизнь ея извѣстенъ ей. Горькими слезами оплакавъ несчастную участь свою, она принялась дѣйствовать противъ гонителей своихъ.

Все попадающееся ей съѣстное она прятала у себя; запасалась свѣчами и трутомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, не оставаться въ темнотѣ. Приготовляла пеленки и свивальники для будущаго малютки. Заготовивъ всего этаго по нѣскольку, она днемъ, подъ видомъ прогулки по двору, осматривая отдѣлываемое подземелье, входила въ него, съ ужасомъ разсматривала мрачныя стѣны, съ трепетомъ представляла себѣ, какъ она будетъ здѣсь заключена, какъ будетъ страдать, изнывать... и наконецъ, какъ будетъ счастлива, когда прижметъ къ сердцу свою несчастную, отвергнутую отцемъ «Альфонсину» (она желала дочери, и по сходству съ романомъ, читаннымъ ею, такъ же хотѣла назвать ее); какъ къ тому времени истощится заготовленный нынѣ ею запасъ, Леонора будетъ приносить ей мало, она все это будетъ отдавать дочери, сама же таять отъ голоду... таять... и наконецъ умретъ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ... умретъ никѣмъ не оплаканная... и участь ея будетъ сокрыта отъ людей!..

Что же это за подземелье, гдѣ, пока будетъ страдать Юлія Терентьевна, она теперь въ немъ плачетъ такъ горько и прячетъ вездѣ по угламъ, гдѣ съѣстное, гдѣ все прочее, заготовленное ею для себя и будущаго дитяти? Это былъ просто погребъ или подвалъ, устроенный, по приказанію Романа Тихоновича, для поставки бочекъ съ виномъ, получаемыхъ съ винокурни, управляемой Жидомъ. Воображеніе

Юліи Терентьевны представило этотъ подвалъ совсѣмъ въ другомъ видѣ; а явная нелюбовь къ ней мужа и наконецъ покушеніе даже на жизнь ея въ саду, все удостовѣрило ее, что она, подобно какъ описано въ романѣ заключеніе «Изолины», будетъ тутъ заперта на всю свою жизнь!.. Кромѣ тирана, мужа ея, она видѣла исполнителей воли его, ужасныхъ Діего и Леонору, Кирюшку и ключницу; иногда являлся магъ—Жидъ-винокуръ; совѣщался тайно съ мужемъ ея, довольнымъ всѣми своими распоряженіями и внутренно веселящимся, какъ замѣчала она, что погибель ея близка.

Такіе жестокіе противъ нея умыслы заставляли дѣйствовать скрытно и осторожно. Никто не подозрѣвалъ, что она, прогуливаясь и будто отъ любопытства посѣщая подземелье, прячетъ тамъ все нужное, чтобъ отвратить крайность въ бѣдствіи.

Между-тѣмъ, когда не посчастливилось Роману Тихоновичу изловить привидѣніе въ саду, онъ заключилъ, что оно конечно будетъ часто посѣщать садъ, а можетъ и дворъ, а потому отдалъ строжайшее приказаніе, чуть только кто увидитъ что въ саду ли, въ дворѣ или между строеніемъ что ни есть страшное, необыкновенное, тотчасъ давать ему знать, хотя бы это было въ полночь.

Вся дворня только и дѣла что занималась подсматриваніемъ, не явится ли гдѣ что-либо необыкновенное.

Подвалъ совсѣмъ отдѣланъ, дверь окована, снабжена крѣпкими запорами и замками, но еще не заперта. Юлія Терентьевна, предвидя, что участь ея скоро должна рѣшиться, спѣшитъ переносить свои запасы, прячетъ ихъ въ землю, въ щелки, кладетъ свои замѣтки, чтобы послѣ безъ нужды можно было отыскать, пріискиваетъ мѣсто, гдѣ бы устроить себѣ постель... и вотъ, среди этихъ размышленій, слышитъ страшный шумъ у дверей своей тюрьмы... она бѣжитъ въ глубь ея, прижимается въ уголъ, дрожитъ, едва дышетъ, полагаетъ, что это идутъ убійцы и конецъ ея насталъ... но нѣтъ; это нѣсколько человѣкъ ввалили что-то большое, огромное... Леонора всѣмъ распоряжаетъ, назначаетъ мѣсто, гдѣ поставить это... конечно орудіе, коимъ рѣшились за-разъ убить жертву свою... О ужасъ! Юлія Терентьевна видитъ, что Леонора, держа предъ собою свѣчу, осматриваетъ все пространство подземелья, и вотъ—точно замѣтила она несчастную, прижавшуюся въ самый уголъ—замѣтила, и какая-то злобная радость изобразилась на лицѣ ея... тутъ у входа раздался страшный голосъ Діэго: «А что, вошла свободно?»

— И очень. Здѣсь уже на мѣстѣ. —

«Запри же покрѣпче замокъ и ключь отнеси барину. Пускай одна поскучаетъ...»

Услыша приговоръ свой, Юлія Терентьевна помертвѣла отъ ужаса!.. Она не имѣла силъ не только закричать, но ниже застонать...Безжалостная Леонора, еще окинувъ глазами подземелье и какъ будто улыбнувшись надъ злополучною участью барыни своей, поспѣшила выттн изъ ужасной тюрьмы. И вотъ Юлія Терентьевна слышитъ, что дверь съ ужаснымъ скрипомъ затворяется... задвигается тяжелый засовъ, и огромный замокъ запираетъ ее здѣсь... навсегда!..

«Все свершилось!..»вскрикиваетъ Юлія Терентьевна, когда уже не стало слышно ни голосу, ни шаговъ человѣческихъ, и она заключила, что уже удалена отъ всего свѣта. «Все свершилось!.. Тиранъ торжествуетъ!..» И много, много наговорила она, все изъ романовъ, читанныхъ ею, примѣняя участь свою къ героинямъ, сидѣвшимъ, подобно ей, въ заключеніяхъ. Потомъ она въ отчаяніи начала бѣгать по подземелью, какъ бѣгала и Изолина; искала какаго-нибудь средства выттн на свободу, подобно-какъ какая то вырвалась; но ничто не помогало...«Все тщетно! вскричала несчастная: цѣтъ ни въ комъ ни жалости, ни состраданія!.. Терпи, бѣдная Изолина!..» И вспомнивъ, какъ поступила Изолина въ первые дни своего заключенія, она приняласъ подражать ей. «Къ чему мнѣ эти украшенія?»

вскрпчала она, и сняла съ себя чепчикъ, платье, чулки и башмаки; она видѣла на картинкѣ при романѣ такъ изображенную Изолину, бродящую босикомъ по подземелью. «Къ чему мнѣ все это? Красота моя скоро увянетъ...Смертные скоро забудутъ о ней...и, найдя когда-нибудь здѣсь трупъ мой, страданіями обезображенный, не повѣрятъ, чтобъ это была я...и обожаемый мною тиранъ избѣгнетъ подозрѣній, покойно проживетъ...въ объятіяхъ другой... другой!..вотъ что невыносимо!..вотъ что терзаетъ меня!..» и она начала неистовствовать; терзаемая ревностью, бѣгала по пустому погребу, и чуть не сошла съ ума вовсе...

Среди такихъ ея страданій, длившихся цѣлый день, къ-вечеру, слышитъ она, тюрьма ея тихо отворяется, виденъ свѣтъ...«А! это сострадательная Леонора! Конечно изъ жалости принесла мнѣ скудную пищу!» думаетъ Юлія Терентьевна, и тихо подходитъ къ двери, чтобы принять принесенное и просить ее, чтобы для ночи принесла ей чего теплаго...

Ключница вошла въ погребъ со свѣчею, и вдругъ видитъ предъ собою что-то ужасное...длинное, худое, бѣлое...она такъ испугалась, что свѣча выпала у нея изъ рукъ, и она съ крикомъ бросилась назадъ; но, съ молодыхъ лѣтъ бывши ключницею, не забыла и въ испугѣ обязанности своей, торопливо заперла дверь, замкнула погребъ, и изо всѣхъ силъ побѣжала къ

барину, крича: «баринъ!.. сударь!.. вѣдьма... или кладъ... я поймала...»

Романъ Тихоновичь, въ эту самую пору бывъ на дворѣ, приказывалъ запрягать свою таратайку, располагая ѣхать куда-то скорѣе, какъ вдругъ пораженъ былъ необычайнымъ крикомъ своей ключницы...

«Что тамъ такое?» спрашивалъ онъ, бѣгучи навстрѣчу ключницѣ.

— Баринъ!..ахъ...сударь!..вѣдьма...у меня...—

«Гдѣ?»

— Въ погребу...я заперла, вотъ и ключь...—

«Кирюшка!..сюда!.. мою дубину, поспѣшай и самъ!» кричалъ въ необыкновенномъ восторгѣ Романъ Тихоновичь, и когда прибѣжалъ къ нему вѣрный его Кирюшка, у него уже придуманъ былъ планъ, какъ удобнѣе схватить привидѣніе. Всей дворнѣ, которая выбѣжала изъ своихъ хатъ смотрѣть, какъ баринъ станетъ отличаться, онъ приказалъ отнюдь не вмѣшиваться ни во что, а только издали смотрѣть. Кирюшку поставилъ въ засадѣ на той дорожкѣ, куда, предполагалъ онъ, привидѣніе побѣжитъ изъ погреба; самъ же вооружась дубинкою, противъ которой не можетъ устоять никакой наговоръ, и прошептавъ,

что въ такомъ разѣ должно было, приказалъ ключницѣ отпирать замокъ.

«Я и сама на-вѣрное не знаю, вѣдьма ли то или скарбъ, только очень страшное...» говорила ключница, дрожа всѣмъ тѣломъ и поспѣшая отпереть замокъ, который, какъ на то, безпрестанно выпадалъ изъ рукъ ея. «Только, баринъ, какъ хотите; я отомкну, но сама не пойду...идите одни.»

— Хорошо, хорошо, говорилъ нетерпѣливый Романъ Тихоновичъ; отпирай только скорѣе: какъ бы цѣненъ ни былъ кладъ, все ты получишь знатную долю... —

Отперши замокъ, ключница побѣжала не оглядываясь, а Романъ Тихоновичъ, отодвинувъ засовы, вступилъ торжественно въ погребъ, въ одной рукѣ неся фонарь и освѣщая имъ «подземелье», въ другой же рукѣ была у него заколдованная дубинка... идетъ и свѣтомъ фонаря разсѣеваетъ окружающій его мракъ ..

Бѣдная Изолина!.. едва ли не постигнетъ тебя участь, какой и въ романахъ не начитываемъ!.. попадись только въ руки своему Роману!..Но нѣтъ; отчаянное положеніе не заглушило въ ней влеченія къ самосохраненію. Испуганная внезапнымъ уходомъ своей Леоноры и потомъ шумомъ на дворѣ, наконецъ услы-

ша страшный голосъ мучителя своего, повелѣвающаго отпереть замокъ у заключенія ея, она, желая сохранить жизнь для невиннаго существа, рѣшилась спасать себя, сколько отъ нея зависѣть будетъ. Слыша отпирающуюся дверь, она стала близъ нея въ углу, и когда тиранъ вошелъ въ подземелье съ фонаремъ, то очень естественно, не могъ видѣть ее, прижавшуюся въ углу. Она же, видя, что онъ одинъ, и преслѣдующихъ даже и за дверью никого нѣтъ, бросилась изъ погреба и со всѣхъ силъ пустилась бѣжать къ дому...

«Сюда, баринъ, сюда! вотъ она...ловлю...» такъ вопилъ Кирюшка не-своимъ голосомъ, и догонялъ быстро убѣгающее привидѣніе, которое, не могши добѣжать до дому, рѣшилось скрыться въ густотѣ деревъ, въ саду...«Сюда, сударь, сюда...перехватывайте отъ саду!..» и Романъ Тихоновичь забѣжалъ противъ нея отъ саду; несчастная, желая увернуться отъ рукъ мужа, едва оборотилась назадъ... и пала въ руки счастливаго Кирюшки...

«Сюда, сударь! Вотъ у меня въ рукахъ,» ревѣлъ Кирюшка; только это не вѣдьма, а вѣрно кладъ. Голова остриженная...»

— Ударь ее три-девять разъ, и она разсыплется... Только пополамъ...слышишь, чуръ пополамъ; не все тебѣ одному...—такъ договаривался добѣгаю-

щій къ нему Романъ Тихоновичь и освѣщающій привидѣніе, лежащее на рукахъ торжествующаго Кирюшки...

«Пополамъ?» спросилъ слуга уже уныло и опуская на землю добычу свою. «Не хотите ли, я вамъ и всю ее отдамъ... Вѣдь это барыня!..»

— Какъ, барыня? какая брыня?..—спрашивалъ изумленный Романъ Тихоновичь.

«Такая барыня, ваша собственная сударыня.»

И они оба принялись разсматривать лежащую безъ чувствъ Юлію Терентьевну. Увѣрились, что это точно она, а не превращеніе, противъ коего Романъ Тихоновичь проговорилъ всѣ заклинанія, и она оставалась безъ измѣненія.

«Такъ и есть, что это она! сказалъ наконецъ пораженный Романъ Тихоновичь: Не ужели она вѣдьма?»

— Не-что, отвѣчалъ Кирюшка съ досадою. Вотъ, сударь, ловите вѣдьмъ, а того и не знаете, что подлѣ васъ самая лютая находится. Ну-те, бросьте ихъ отыскивать. Справьтесь прежде съ своею. Не ужели вамъ не наскучило гоняться за ни-

ми? вѣдь же и до сихъ поръ не поймали и не истребили ни одной. —

«Твоя правда, Кирюшка!» такъ отвѣчалъ Романъ Тихоновичь на благоразумное замѣчаніе слуги своего. «Если и ѣду теперь, такъ уже въ послѣдній разъ и больше уже не буду преслѣдовать ни одной. Позови людей, отнесите ее безчувственную въ домъ, а я, возвратясь, примусь за нее; будетъ она помнить меня.» Сказавъ это, сѣлъ на свою таратайку и уѣхалъ. А Юлію Терентьевну, отнеся въ домъ, на-силу привели въ чувство... Но оставимъ ее съ ея романическими идеями, а будемъ слѣдовать за самимъ Романомъ Тихоновичемъ.

Какъ послѣ этаго не вѣрить всѣмъ его примѣтамъ и замѣчаніямъ, наблюденіямъ счастливыхъ и несчастныхъ дней и встрѣчь, подъ худой часъ сказанному слову! какъ не вѣрить, когда вотъ что случилось съ Романомъ Тихоновичемъ, едва только сказавшимъ, что онъ въ послѣдній разъ ѣдетъ и больше уже не будетъ преслѣдовать вѣдьмъ, и что жена его будетъ помнить его! И какъ все это сказалъ въ недобрый часъ, то все и сбылось на-чисто.

Въ своей таратайкѣ поѣхалъ онъ къ тому мѣсту, гдѣ росъ папоротникъ, долженствующій разцвѣсть въ самую полночь. Цвѣтокъ этотъ цвѣтетъ не болѣе одной минуты. Хотя это случается и въ самую пол-

ночь, но его очень легко увидѣть и во тьмѣ, потому-что онъ, разцвѣтши, засвѣтится яркимъ краснымъ цвѣтомъ и освѣтитъ всю окрестность, но не болѣе какъ на одну минуту; вдругъ угаснетъ, спадетъ съ куста и потомъ со свѣчею его не найдешь. Кто счастливый схватитъ этотъ цвѣтокъ, тому цѣлый годъ всѣ волшебницы покоряются и исполняютъ все, чего бы онъ ни потребовалъ. Тайну этаго цвѣтка открылъ Роману Тихоновичу — и то не даромъ, а за весьма значительные подарки — одинъ *добрый человѣчекъ*. Романъ Тихоновичь повѣрилъ всему; какъ же и не повѣрить, когда все это истинная правда, и нельзя того выдумать, чего не было.

Вотъ онъ и поѣхалъ добывать этотъ таинственный цвѣтокъ.

Только лишь, по вѣрнымъ примѣтамъ, доѣзжаетъ онъ до роковаго куста, какъ всѣ пугалища разныхъ родовъ, на ходуляхъ, съ огненными лицами и всѣми такими страшными принадлежностями, забывъ конечно роль свою, что имъ надобно явиться было у куста, когда подойдетъ къ нимъ самъ Романъ Тихоновичь, они выбѣжали къ нему ѣдущему. Конь, какъ видно, не зналъ, что у господина его есть оружіе, коимъ онъ можетъ совладать со всѣми страшилищами, испугался не на-шутку, зафыркалъ, поднялся на дыбы, и наконецъ помчалъ таратайку съ сѣдокомъ не куда зря, потому-что ночь была темна и видѣть

хорошо трудно было, а куда ему вздумалось...Бѣжалъ онъ чрезъ пни, кусты и рытвины, какъ будто по гладкой дорогѣ; но для таратайки неудобно было ровно катиться. Она опрокинулась на всемъ бѣгу, и Романъ Тихоновичь—несчастный Романъ Тихоновичь—съ проломленною головою и разбитою грудью лежалъ на мѣстѣ неподвиженъ...

Всѣ страшилища мигомъ приняли свой настоящій видъ, и стали здоровыми молодцами. Оставя намѣреніе только попугать Романа Тихоновича и отогнать его отъ куста, теперь бросилпсь къ нему и, не могши привести въ чувство, на рукахъ отнесли домой.

Уложивъ его въ постель, всѣми средствами старались возвратить его къ жизни... Онъ дышалъ, а къ полудню могъ глядѣть и говорить.

Кирюшка бросился къ нему и сказалъ, что цырюльникъ хочетъ пустить ему кровь...

«А которое число?» едва могъ спросить больной.

Цырюльникъ сказалъ.

«Феральное... по календарю не можно...» говорилъ больной, едва уже дыша.

— Вотъ же вы, сударь, уже умираете! — говорилъ плачучи вѣрный Кирюшка.

« А какой день сегодня?» спросилъ больной.

— Понедѣльникъ—сказали нѣсколько голосовъ.

«Жаль... завтра бы лучше... счастливый день. Въ понедѣльникъ не годится ничего начинать...» Проговоривъ это и простонавъ нѣсколько, тихо умеръ нашъ Романъ Тихоновичь.

Основьяненко.

ИЗЪ ІОВА.

Сквозь туманъ, грозой кипящій,
Богъ перунами сверкалъ
И глаголъ громозвучащій
Необъятно простиралъ:
Кто ты, мужъ земной юдоли,
Бога смѣющій винить
И гордыню думъ и воли
Отъ Него хотящій скрыть?

Въ ризу крѣпости и славы
Облачись, питомецъ лѣтъ;
Стань, какъ царь, съ жезломъ державы;
Я спрошу, ты дай отвѣтъ.
Гдѣ ты былъ, когда паялась
Толща сумрачной земли?
Въ грани кѣмъ она стѣснялась,
Кто ей строилъ вереи?

И на чемъ ея подпоры
Стали тяжкою пятой?
Кто морямъ склепалъ затворы,
Очертилъ ихъ бѣгъ слѣпой?
Кто раскинулъ надъ зыбями
Неветшающій покровъ,
Опоясалъ ихъ шатрами
Изъ тумановъ и паровъ?

При тебѣ ль родился ярко
Утра свѣтъ, любовь очей,
И заря вспыдала жарко,
Предводительница дней?
Ты ль, творя природы зданье,
Чинъ существъ установилъ,
Въ бездыханность влилъ дыханье,
Въ пепелъ слово заронилъ?

Иль спустился ты въ пучины,
Ихъ разгранулъ и сомкнулъ?
Сталъ на звѣздныя стремнины,
Твердь и тартаръ пошатнулъ?
Гдѣ, скажи, обитель свѣта,
Мглы и ночи колыбель?
Покорилъ ты бурю лѣта,
Унялъ зимнюю мятель?

Кто стремительные грады
Съ тучь бросаетъ, какъ свинецъ?
Гдѣ снѣговъ таятся клады?
Кто росамъ, дождю отецъ?

Чья рука веселымъ злакомъ
Наготу пустынь живитъ,
Рядитъ въ мохъ покрытый мракомъ,
Непривѣтливый гранитъ?

Иль прочтешь небесъ таблицы,
Ихъ измѣнишь череду
И притянешь за косицы
Ты вечернюю звѣзду?
Кто какъ чашу опрокинулъ
Надъ землею неба сводъ
И на немъ сложилъ и двинулъ
Облаковъ летучій ходъ?

Ты ли грозное желанье
Львовъ пустынныхъ утолилъ?
На тебя ли упованье
Ставятъ тигръ и крокодилъ?
Кто въ глуши трущобъ унылыхъ
Пищу ворону даетъ
И птенцовъ его безкрылыхъ
Пеленаетъ и блюдетъ?

Ты ль безстрашіемъ и рвеньемъ
И красой вѣнчалъ коня,
Налилъ грудь его кипѣньемъ,
Бурей силы и огня?
Посмотри: онъ, чуждъ печали,
Бьетъ копытомъ по землѣ,
Не уклонится отъ стали
И ругается стрѣлѣ.

И твоей ли волей твердой,
Полюбивъ надземный долъ,
Съ торжествомъ, съ отвагой гордой
Въ небѣ носится орелъ?
Беззаботливо-широко
Распростеръ онъ крылья тамъ
И стремитъ на-встрѣчу око
Ослѣпительнымъ лучамъ.

И защѣпишь ли ты удой
И запрешь ли въ тенета
Водъ земныхъ царя и чудо,
Неприступнаго кита?
И ему рукой надменной
Ты предпишешь ли законъ;
И попроситъ ли смиренно
У тебя пощады онъ?

Полонъ славы, полонъ силы,
Узы станетъ ли терпѣть?
Какъ канатъ въ немъ свиты жилы,
Ребра кованая мѣдь.
Не услышитъ паводненья,
И потопъ ему мечта;
Приметъ шумное стремленье
Цѣлыхъ рѣкъ въ свои уста.

Онъ взыграетъ, и трепещутъ
Нѣдра влажной глубины;
Какъ денница очи блещутъ,
Бурнымъ свѣтомъ зажжены.

Изъ ноздрей горящихъ клубомъ
Раскаленный паръ бѣжитъ;
Подъ его свинцовымъ зубомъ
Черепъ скалъ не устоитъ.

Водворяется свирѣпо
На гранитныхъ персяхъ мочь;
Передъ нимъ всегда и слѣпо
Ходитъ пагуба какъ дочь.
Духъ его — растущій пламень,
Разрывающійся громъ;
Сердце, твердое какъ камень,
Будто наковальня въ немъ.

Спитъ на остріяхъ подводныхъ,
И сокровища, какъ прахъ,
Безъ числа подъ нимъ въ холодныхъ
Раскидались глубинахъ.
И встаетъ отъ ложа съ пиромъ,
Съ вѣчнымъ жаромъ великанъ:
Какъ сосудъ, налитый муромъ,
Кипятитъ онъ океанъ.

Эм--въ.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

НА ПРІѢЗДЪ В. А. ЖУКОВСКАГО ВЪ МОСКВУ.

Собирайтеся, поэты!
Стройте лиры и сердца,
Сыпьте розы и куплеты
На любимаго Пѣвца:
На Пѣвца, что въ шумѣ битвы
Годъ великій нашъ воспѣлъ,
Годъ страданій, годъ молитвы,
Годъ завѣтныхъ *Русскихъ* дѣлъ.

Нашъ Пѣвецъ былъ въ грозныхъ драках,
Былъ бойцемъ въ войнѣ святой
И коптился на бивакахъ
Съ лирой звонко-золотой.

И усатые гусары,
И желѣзный кирасиръ,
И посадскіе, и бары,
Весь крещеный Русскій міръ
Гимнъ Пѣвца въ устахъ носили
И читали и твердили
Барда Руси звонкій стихъ!

И, задумчивъ, скроменъ, тихъ,
Простъ, радушенъ, къ дивной цѣли
(То конечно сдѣлалъ Богъ!)
Въ Царскій онъ введенъ чертогъ,
Гдѣ едва изъ колыбели
Русскій выпорхнулъ Орелъ.
И съ тѣхъ поръ въ *гнѣздѣ Орлиномъ*
Чистымъ гласомъ, соловьинымъ,
Много пѣсень онъ напѣлъ!..

Одинокій, въ Дворскомъ шумѣ
Тихой онъ звѣздой сіялъ,
И *чего-то* въ тайной думѣ,
Въ думѣ сердца *пожелалъ*...

Нѣтъ блаженства въ нашихъ славахъ,
Въ буревой игрѣ страстей,
Въ раззолоченныхъ забавахъ,
Подъ полудою честей!

У широкой, у далекой
Европейскія рѣки
Ты найдешь, Пѣвецъ высокой,

То пожатіе руки
И ту прелесть поцалуя,
Отъ котораго тоскуя
Загараются сердца!

Собирайтесь же, поэты!
Сыпьте розы и куплеты
На любимаго Пѣвца!..

Ѳ. Глинка.

Ѳ. Н. ГЛИНКѢ.

Не на вершины Геликона,
Пѣвецъ! судьба влекла тебя,
Когда, всѣмъ сердцемъ возлюбя
Обѣтованнаго Сіона
Святыхъ и вдохновенныхъ дѣвъ,
Ты ихъ усвоивалъ напѣвъ!

Нѣтъ, то Хорива, то Синая
Тебя плѣняли высоты:
Земную лиру отвергая,
Псалтырь десятострунный ты
Благоговѣйною рукою,
Какъ дивный Божій даръ, пріялъ—
Ты пѣлъ... и міръ не соблазнялъ
Тебя земною красотою,
Обычной суетой своей,
Борьбой пороковъ и страстей!

Пѣвецъ! избранникамъ Его́вы
Рукоплесканья и хвала!
Его таинственные кровы
Лишь имъ судьба не заперла;

Лишь имъ доступна высь эѳира,
Гдѣ духъ ихъ, горней воли полнъ,
Паритъ среди надземныхъ волнъ,
Передъ которыми сапфира
И яркій блескъ и чистота,
Что передъ солнцемъ темнота!

Но ты не смѣлъ роднаго міра
Забвенью вѣчному предать;
Нѣтъ, ты спѣшилъ ему отдать
Свой долгъ высокій и прекрасный:
Ты лиру взялъ—и сладкогласны
Напѣвы были струнъ твоихъ!

Плѣнясь гармоніею ихъ,
Къ тебѣ опять слетѣла Муза —
И, въ память давняго союза,
Она вкругъ твоего чела
Вѣнокъ Сіона драгоцѣнный,
Изъ листьевъ пальмовыхъ сплетенный,
Съ Парнасскимъ лавромъ сопрягла!

И. Бороздна.

ЖРЕБІЙ.

О, не ропщи на свой удѣлъ,
Когда онъ созданъ не тобою,
Когда не самъ своей рукою
Ты ткалъ бѣду изъ нити дѣлъ!
Пути судьбы покрыты тайной;
Но если вѣришь въ Божество,
Вѣрь также: въ жизни чадъ Его
Ничто не можетъ быть случайно!

Но плачь и сѣтуй о себѣ,
Когда ты знаешь въ дни несчастій,
Что самъ, покорный клику страсти,
Ты былъ отцомъ своей судьбѣ.

Г.

Гельсингфорсъ.

СУХАРЕВА БАШНЯ.

Была же смутная пора,
Какъ подъ ступенями престола,
Противъ державнаго Петра
Шипѣли зависть и крамола;
Какъ, обольщенные сестрой
Царя, Стрѣльцы ярились шумно,
Орудье гордости слѣпой,
Честолюбивой и безумной.
Но между ними полкъ одинъ,
Хвала и честь! остался вѣренъ,
Какъ предъ отцомъ послушный сынъ,
Душой въ правахъ его увѣренъ.
Полковникъ Сухаревъ свой долгъ
Неколебимо и свободно
Хранилъ. Его былъ этотъ полкъ,
Презрѣвшій бунтомъ благородно.

И Петръ полковника любилъ,
Его заслуги награждая;
Когда же — ядъ роднаго края —
Бунтовщиковъ угомонилъ,
Призвалъ Великій воеводу
И молвилъ въ благости своей:
«Хочу оставить я народу
Знакъ неподкупности твоей.
Гдѣ жилъ ты съ вѣрными Стрѣльцами,
Построй тамъ башню, да про васъ
Она являетъ предъ вѣками
Живописующій расказъ!»
Сказалъ — и мощное желанье
Ретивый мужъ осуществилъ,
И достопамятное зданье
Среди Москвы соорудилъ.
Колоссомъ крѣпости и славы
Воздвиглась башня передъ ней,
Какъ отголосокъ величавый
Заслугъ и мужества тѣхъ дней.

И эту башню — великану
Столицы — древнему Ивану
Молва невѣстой нарекла...
Да вмѣстѣ славою блистаютъ
И племенамъ они вѣщаютъ
Про незабвенныя дѣла.

Тѣхъ дней борьба, тѣхъ дней тревога
Давно ужъ спятъ на лонѣ Бога;

Но живъ Иванъ нашъ золотой
Съ своей невѣстой вѣковой!
Она таинственно и строго
На міръ глядитъ. Когда-то въ ней
Жилъ тотъ могучій чародѣй,
Который, по наукѣ странной,
Зналъ наизустъ судьбу людей.
Читалъ онъ въ книгѣ звѣздъ туманной,
И часто, въ полночи глухой,
Сидѣлъ одинъ какъ демонъ, точно
Съ неразрѣшимымъ сатаной
Творя бесѣду полномочно..

И вотъ волшебница поитъ
Москву чудесными водами,
И влагу точитъ и слезитъ,
И бьетъ жемчужными струями...

За нашей матушкой-Москвой,
На сѣверъ, есть одна дорога.
Нерѣдко, съ чистой вѣрой въ Бога,
По той дорогѣ столбовой
На поклоненье пѣшеходцы
Къ Святому Сергію спѣшатъ...
Тамъ есть Громовые колодцы,
Изъ камня брызжутъ и кипятъ.
Ихъ прежде не было. Тотъ камень,
Покрытый мохомъ весь, лежалъ
Безплоденъ, мертвъ. Но Божій пламень
Чудесно сонъ его прервалъ.

Говорится о Брюсѣ.

Изъ тучи огненной скатилась
Однажды яркая стрѣла,
И въ камень дремлющій вонзилась,
И въ немъ источникъ добыла:
Изъ груды раненой тутъ дивно
Струя ударила... Съ тѣхъ поръ
Токъ искрометный непрерывно
Изъ плѣна рвется на просторъ.

Оттуда Башня вѣковая
Влечетъ къ себѣ избытокъ водъ
И ихъ столицѣ раздаетъ,
Въ бассейны весело вливая.
Стремятся къ Башнѣ воды тѣ
Черезъ каналъ подземный, темный,
И надѣляютъ вполнотѣ
Резервуаръ ея огромный.
Безсонно плескъ тамъ говоритъ,
И струй вмѣстилище дрожитъ.
Но въ часъ вечерній на мгновенье
Утихнетъ звонкое паденье,
И воды говоръ прекратятъ,
Какъ будто отдыха хотятъ.
И на нѣмые башни своды
Повиснетъ будто тяжесть думъ...
Но мигъ прошелъ — и хлынутъ воды,
И снова грохотъ, плескъ и шумъ!
И снова льется въ наше тѣло
Бальзамъ холодный и живой,
Чтобы крѣпчало и свѣтлѣло
Оно всегдашней чистотой.

И, диво темнаго народа,
Стоитъ незыблемо *она*,
Такъ неразгаданно мрачна...
И стрѣлы молнійнаго свода
Безсильны, тупы передъ ней,
И не дерзнулъ коснуться ей
Пожаръ двенадцатаго года!

Эм--въ.

ДВА.

I.

Ихъ было два. Одинъ, какъ Божья кара,
Неумолимъ, какъ твердый рокъ,
При воплѣхъ жертвъ, при заревѣ пожара,
Съ мечемъ вселенную протёкъ.
И въ ужасѣ, поникнувъ головою,
Склонились царства передъ нимъ;
А онъ кровавою рукою
Подписывалъ законы рабства имъ.

Другой, безпечный и веселый,
Пѣлъ миръ и дружбу и любовь,
И, проходя съ бандурой сёлы,
Вездѣ имѣлъ привѣтъ и кровъ.
Его какъ друга всѣ встрѣчали.
Онъ пѣлъ въ кругу веселыхъ дѣвъ —
И послѣ долго повторяли,
Какъ утѣшенье въ дни печали,
Его восторженный напѣвъ.

Но часъ насталъ—и ихъ со сцены свѣта
Судьба въ могилу низвела:
И честолюбца и поэта
Какъ дань свою земля взяла.

Надъ прахомъ сильнаго и гордо и высоко
Гранитный памятникъ красиво восходилъ,
А на могилѣ одинокой
Пѣвца березку кто-то посадилъ.

II.

Пролетаютъ дни за днями,
Идутъ годы за годами,
И спѣшитъ за вѣкомъ вѣкъ —
И съ презрѣньемъ разрушаетъ
Все, что гордый созидаетъ
Для безсмертья человѣкъ.
Гдѣ же памятникъ чудесной?
Тамъ, въ пустынѣ безызвѣстной,
Позолоченный гранитъ
Въ прахъ поверженный разбитъ;
А надъ тихою могилой,
Гдѣ поэта прахъ лежитъ,
Роща темная шумитъ
Юной свѣжестью и силой:
Тамъ весной цвѣты цвѣтутъ,
И щебечутъ вольны птицы,
И красавицы-дѣвицы
Про любовь свою поютъ.

Гребенка.

РАЗДУМЬЕ.

Бываетъ грустно человѣку,
Ложится въ грудь тоска!
Тогда бъ такъ слезъ и вылилъ рѣку...
Но высохла рѣка!

Тогда, совсѣмъ оцѣпенѣлый,
Ни мертвой, ни живой,
Хоть день готовъ стоять я цѣлый
Съ поникшей головой!..

Не раздраженъ, не растревоженъ,
И полонъ я и пустъ;
И весь я цѣлъ и уничтоженъ,
Какъ смятый бурей кустъ...

Нѣтъ думъ былыхъ, былой отваги,
И будущность моя
Лежитъ какъ *бѣлый листъ бумаги*:
Задумываюсь я...

О! кто жъ тотъ бѣлый листъ испишетъ
И что напишутъ въ немъ?
А между-тѣмъ ужъ бурей дышетъ:
Въ горахъ грохочетъ громъ...

Ѳ. Глинка.

ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

Прекрасный, какъ ангелъ прекраснаго рая,
Онъ бѣдную землю намигъ посѣтилъ;
Прекрасный, какъ солнце прекраснаго Мая,
Онъ жизни пустыню мнѣ въ рай превратилъ;
Онъ свелъ мнѣ на землю небесъ наслажденье...
Видали ль: два пламени вьются въ одно...
Слыхали ль: двухъ хоровъ сливается пѣнье...
Чаруетъ въ небесномъ единствѣ оно...
Такъ сердце и сердце однимъ пламенѣли,
Въ небесномъ единствѣ любя и дыша;
Одной съ нимъ прекрасной мы жизнью горѣли,
И плавала въ небѣ съ душою душа!.

Но гдѣ жъ онъ?.. Куда жъ онъ?.. Небесныя силы
Ужель такъ завиденъ былъ смертныхъ удѣлъ?
Ужель мой прекрасный добыча могилы?..
Какъ духъ его странно одинъ улетѣлъ!.

Н. Коншинъ.

ВОПРОСЪ.

Что прекраснѣе, друзья,
Что: наука иль искуство?
Что въ державѣ бытія
Сановитьй: умъ иль чувство?
Кто: ученый ли сухой,
Иль художникъ вдохновенной
Заслужилъ, чтобъ родъ людской
Звалъ его царемъ вселенной?

Посмотрите вкругъ себя,
Посмотрите на творенье:
Въ немъ Отецъ, дѣтей любя,
Самъ рѣшилъ намъ то сомнѣнье.
Книгу мудрости его
Развернемъ съ благоговѣньемъ:
Что найдетъ въ ней взоръ того,
Кто читаетъ съ размышленьемъ?
Что въ *природѣ* онъ прочтетъ?
Только ль мертвую систему,
Или полную красотъ,
Дивно-звучную поэму?

Г.

Гельсингфорсъ.

СОСНА.

Между цвѣтущихъ липъ, и межъ березъ душистыхъ
Ростетъ суровая, печальная сосна...
Откуда, изъ какихъ песковъ и топей мшистыхъ
Ты, одинокая, сюда занесена?
Взойдетъ ли солнышко и, перлами сверкая,
Съ росою утренней трепещетъ по листамъ —
Но ты во мглѣ, какъ дума гробовая:
Лучь солнца не блеститъ по сумрачнымъ иглам.
Постъ ли соловей вечернею зарею —
Не на твоей вершинѣ онъ сидитъ;
Летитъ ли горлица съ подругой молодою —
Подъ твой печальный кровъ она не залетитъ.
Стопы ракитъ осыпаны цвѣтами,
И корни липъ извились подъ травой;
Но вкругъ тебя трескучими иглами
Земля унизана... все дико подъ тобой...
Что жъ для людей ты здѣсь?.. Изъ гибкихъ лозъ березы
Дѣвицы сельскія вѣнки себѣ плетутъ;
А надъ тобой по милымъ льются слезы,
Подъ тѣнію твоей могилы возстаютъ...

Не грустно ли тебѣ на радостной чужбинѣ?
Не вспоминаешь ли при солнечныхъ лучахъ
О борѣ сумрачномъ, о пасмурной пустынѣ,
О стонѣ филина, о дебряхъ, о пескахъ?
Тамъ все твое; приволье тамъ родное:
Ты въ вмѣстѣ тамъ росла съ родимою сосной,
А вкругъ бы—ели, мракъ, безмолвье гробовое,
Иль зимней вьюги свистъ да волка вой глухой...

Душа моя! минутный житель міра,
Ты не горюешь ли о свѣтлыхъ небесахъ?
Куда влечетъ тебя задумчивая лира?
Что ты поешь въ чарующихъ слезахъ?
Не вспоминаешь ли житье твое родное
Межь чистыхъ ангеловъ, между безплотныхъ силъ,
Когда ничто тебя не радуетъ земное
И пышный міръ тебѣ какъ длинный рядъ могилъ?..
О! вспоминаешь ты... Твои печальны звуки,
Когда ты запоешь тоскующую рѣчь...
Что жъ сердце рвется къ нимъ и будто проситъ муки?
Что сладкихъ слезъ твоихъ не хочетъ пересѣчь?..

Фонъ-Лиздеръ.

1840 *года, Ноября* 22-го.

Влага Стикса закалила
Древней силы полноту—
И кипящаго Ахила
Сопротивникамъ явила
Уязвимымъ лишь въ пяту.

Обреченъ борьбѣ верховной,
Ты ли, долею своей
Равенъ съ нимъ, боецъ духовной,
Сынъ купели новыхъ дней?

Омовенъ ея водою,
Знай: страданью надъ собою
Волю полную ты далъ —
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталъ.

Е. Баратынскій.

Изъ бездны морской бѣлоглавая встала
Волна и лучами прекраснаго дня
Блеститъ подвижная громада кристала,
И тихо качаясь, идетъ на меня;
Вотъ словно въ раздумьи она отступила,
Вотъ берегъ она подъ себя покатила,
И выше сама поднялась — и падетъ!
И громомъ и пѣной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружитъ и бросаетъ и душитъ и бьетъ —
И стихла. Мнѣ любо: изъ грома, изъ пѣны
И холода лёгокъ и свѣжъ выхожу;
Живѣе мои выпрямляются члены,
Вольнѣе дышу, веселѣе гляжу
На свѣтлое небо, на свѣтлое море;
Мнѣ чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая жъ, какъ прежде была,
Во мнѣ встрепенулась; и жизнь моя снова
Гулять, распѣвать, красоваться готова, —
Свободна, безпечна, мила, весела!..

Н. Языковъ.

17-го *Іюня*, 1840 *года*.
Ницца.

СКУЛЬПТОРЪ.

Глубокой взоръ вперивъ на камень,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ —
И пробѣжалъ по жиламъ пламень,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.

Но, безконечно воздѣянной,
Уже онъ властвуетъ собой:
Неторопливой, постепенной
Рѣзецъ съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.

И въ нѣгѣ сладостно туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, съ желанной
Покровъ послѣдній не падетъ —

Пока, невольно пламенѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Осмѣлитъ страстнаго творца.

Е. Баратынскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXIII ТОМА.

Стран.

(*Первой нумераціи.*)

I. Разборъ новыхъ книгъ:

Новыя сочиненія. 5
Новые переводы. 43
Новыя изданія. 52

(*Второй нумерац.*)

II. Критика.

Тимонъ Аѳинскій. 1

III. Современная исторія.

Событія въ области Пара. *С. Л.* 11

IV. Новая исторія.

Начальники Гверильясовъ. *Н. В. Невѣдомскаго.* 35

(*Третьей нумерац.*)

V. Повѣсти.

Герой Очаковскихъ временъ. *Г. Ѳ. Основьяненка.* 1

Стран.

VI. Стихотворенія.

Изъ Іова. *Эм--ва* 156
Приглашеніе. *Ѳ. Н. Глинки.* 161
Ѳ. Н. Глинкѣ. *И. Бороздны.* 164
Жребій. *Г.* 166
Сухарева башня. *Эм--ва* 167
Два. *Е. П. Гребенки.* 172
Раздумье. *Ѳ. Н. Глинки.* 174
Изъ Шиллера. *И. Коншина.* 176
Вопросъ. *Г.* 177
Сосна. *Д. К. Фонъ Лизандера.* 178
Два стихотворенія:
Е. А. Баратынскаго. 180
Н. М. Языкова. 181
Скульпторъ. *Е. А. Баратынскаго.* 182

Конецъ двадцать третьяго тома.